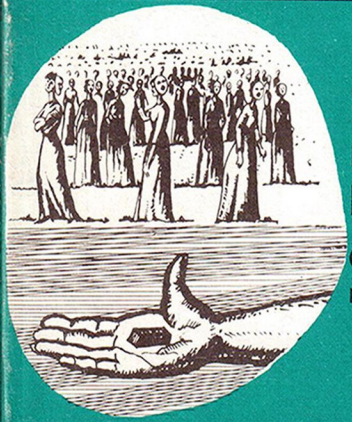
ГЕНРИ КАТТНЕР КОЛОДЕЦ МИРОВ

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА



ГЕНРИ КАТТНЕР КОЛОДЕЦ МИРОВ

Сборник научной фантастики

ТПО «КИРИЛЛИЦА» МОСКВА 1992

Колодец миров

Двурукая машина

Шок

Механическое эго

Генри Каттнер. Колодец миров

Генри Каттнер, Кэтрин Мур

Аннотация
Генри Каттнер. Сборник научной фантастики
Колодец миров
  перевод С. Грекова
    Глава 1
    Глава 2
  перевод И. Замориной
    III
    IV
    V
    VI
    VII
    VIII
    IX
    X
    XI
    XII
    XIII
    XIV
Двурукая машина
Шок
Механическое эго

Аннотация

В маленьком шахтёрском городке Фортуна на севере Канады начались неприятности — содержание урана в руде стало катастрофически падать.

Клиффорд Сойер, посланный Королевской комиссией по атомной энергетике, вместе с владелицей шахты Клай Форд, в поисках разгадки спускаются в шахту, в которой привидения пожирают уран, и оказываются в другом мире.

Мире, где города стоят на летающих островах, где существуют расы бессмертных богов и неуязвимых дикарей, где у людей глаза такие же необычные, как у Клай, где жизнь зависит от Жар-птицы, соединяющей наши миры…

Генри Каттнер
Сборник научной фантастики

Колодец миров

перевод С. Грекова

Глава 1

Из окна отеля Клифорд Сойер мог хорошо разглядеть панораму Фортуны — города, наполовину скрытого полярной мглой. Вдали сверкали мелкие скопления огней шахтёрского лагеря, голубые окна больницы, ярко-жёлтые — офисов и жилых зданий. Клифорд не видел самой шахты, но всем существом чувствовал её присутствие. От едва ощутимых, глухих, равномерных ударов вибрировали все предметы. Так было всегда, и днём и ночью, вот уже семнадцать лет. С тех пор как открылась шахта, работы под полярной шапкой не останавливались ни на минуту. Урановая руда нужна людям…

В стекле отразился силуэт Клей Форд. У девушки были блестящие волосы цвета жжёного сахара, высокий гладкий лоб и огромные голубые глаза. Всё в ней завораживало Сойера, и, несмотря на богатый опыт общения с противоположным полом, он был вынужден признать, что никогда ранее не встречал девушки со столь необычной внешностью. Клифорд открыто любовался ею,

одновременно припоминая любопытные подробности её прошлого. Два месяца назад Клей унаследовала половину акций урановой шахты, и Клифорд основательно переворошил архив Комиссии по атомной энергии в Торонто, пока не добрался до её личного дела…

Вспомнив о тех делах, Сойер широко улыбнулся. Он вслушивался в странный акцент, с которым говорила девушка, но не слышал слов.

— Я сделаю всё, что смогу, — произнёс он. — Правда, у меня нет оружия. Я обычно работаю с компьютером, а не с револьвером. Расскажите, пожалуйста, подробнее. Председатель не послал бы именно меня, если бы не был уверен в том, что я решу эту проблему по-своему. Итак, вы сказали — привидения?

— Да, привидения, — твёрдо повторила девушка, вновь смутив Сойера своим акцентом. — Наши доходы уменьшаются. Люди отказываются работать на некоторых уровнях! Шахта заколдована. Я не сошла с ума, мистер Сойер, хотя мой компаньон очень бы хотел, чтобы вы так думали. Он собирается закрыть шахту! — Клей судорожно сжала ладони. — Я знаю, мои слова напоминают бред сумасшедшего. Но, мистер Сойер, меня хотят убить!

— Вы можете это доказать?

— Могу.

— Хорошо. А что касается закрытия шахты, то вряд ли Комиссия позволит это. Вы зря беспокоитесь…

— У Комиссии не останется выбора, если шахта иссякнет. В конце концов, правительство финансирует лишь те проекты, которые дают прибыль. Но Альпер… — Она нервно вздрогнула. — Я его боюсь. Он странный человек. И он что-то нашёл в шахте. Вернее, кого-то… — Клей замолчала и неуверенно улыбнулась. — Это всё пустые слова. Но ведь плёнка, снятая в шахте, может стать доказательством?! Вот почему я обратилась к вам, мистер Сойер. Я хочу разобраться во всём этом, пока мы с Альпером окончательно не спятили. На восьмом уровне шахты прячется женщина… Или её тень. Я знаю, это звучит нелепо, но я могу вам показать её! Ещё там есть привидения.

— Тень женщины?! — пробормотал Сойер. — Привидения?! На кого они похожи?

— Похожи? — она задумалась. — Пожалуй, на колосья.

— Ага, понимаю. — Клифорд почесал переносицу. — Эта женщина в шахте, она… может быть, она одна из жительниц Фортуны?

— Нет. Я знаю всех женщин в городе. Кроме того, это… Это не человек. Вы скоро поймёте, что я имею в виду. Альпер запретил мне спускаться на восьмой уровень. Да и шахтёры там больше не работают. Но сам он часто бывает там и разговаривает с этой… женщиной. Возвращается он сам не свой… Теперь я боюсь ходить одна. Когда я проверяла автоматические кинокамеры на восьмом уровне, я брала с собой двух телохранителей. Конечно, смешно бояться такого старика, как Альпер. Ведь он даже ходить не может без трости, но…

— Нет, — прервал её Сойер. — Вы абсолютно правы относительно Уильяма Альпера. Он может оказаться опасным, у нас на него обширное досье. Раньше его и на милю не подпустили бы к шахте, несмотря на то что он является её совладельцем. Его имя и сейчас значится в списках потенциально опасных людей. Но он опытный горный инженер, хотя и со странностями.

— Я знаю, — Клей кивнула. — Мне кажется, что он никогда в жизни не проигрывал и считает себя единственным человеком в мире, который никогда не ошибается. У Альпера навязчивая идея превосходства над другими людьми. Сейчас он руководит производством и считает своё по-

ложение таким же непоколебимым, как закон всемирного тяготения.

— Просто он стареет, — возразил Сойер, — и это его пугает. В определённом возрасте это случается со многими.

— Он вовсе не так стар, как кажется. Просто изнурял себя всю жизнь, а теперь силы уходят, и я думаю, что он готов на всё, лишь бы вернуть молодость. И, кажется, Альпер верит в то, что у него появилась такая возможность, мистер Сойер. Эта женщина-призрак из шахты… Она может заставить его сделать всё, что угодно. И, похоже, это именно она хочет моей смерти.

Сойер пристально посмотрел на девушку.

— Позвольте задать вам немного странный вопрос, мисс Форд? Загадочная женщина неожиданно появляется в шахте… По-моему, это не самое важное, что вы хотели мне рассказать, не правда ли, мисс Форд?

— Боже! — пробормотала Клей.

— Я не могу распознать ваш акцент, — ледяным тоном продолжал Сойер. — Может быть, вы сообщите мне, где вы родились?

Она резко вскочила, едва не опрокинув кресло, прошлась по комнате и, остановившись напротив Клифорда, отчеканила:

— Не валяйте дурака! Вы всё прекрасно знаете.

Сойер улыбнулся и покачал головой.

— Я знаю… но не верю в это, — сказал он. — Естественно, председатель Комиссии приказал провести полное расследование, и когда вы… пришли сюда…

— Я не знаю, кто я такая, — сердито произнесла девушка. — Я не знаю, откуда я. Что я могу поделать со своим акцентом? Я же не специально так говорю. Как бы вам понравилось, если бы вы однажды очнулись в урановой шахте, не представляя себе, кто вы, откуда и как туда попали? — Она обхватила руками свои плечи и поёжилась. — Мне это совсем не нравится, но что я могу поделать?

— Если бы вы исчезли в шахте, чтобы потом появиться… — начал Сойер.

— Я тут ни при чём!

— …вы бы сейчас не чувствовали растерянности, — невозмутимо продолжал Клифорд. — Вы бы вряд ли тогда искали объяснения происшедшему. Мы ничего не знаем — ни кто вы, ни откуда. И боюсь, никогда не узнаем.

Она кивнула.

— Я ничего не помню. Проснулась я в шахте… Старый Сэм Форд нашёл меня и даже удочерил,

хотя тоже не знал, кто я такая. Он заботился обо мне, ни о чём не спрашивая, — голос Клей смягчился. — Сэм был очень добрым, мистер Сойер, и очень одиноким. Он ведь сам управлял шахтой. В те годы Альпер лишь вкладывал деньги, но никогда не появлялся здесь, пока старый Сэм не умер.

— Мисс Форд, а вы не связываете своё появление здесь с этой странной женщиной? Может быть, она прибыла сюда оттуда, откуда ранее прибыли вы сами? Другая, которая подобно вам…

— Но она совершенно не похожа на меня. Она из изнеров, это боги!

Клей внезапно замолчала и удивлённо уставилась на инспектора.

— Постойте, я, похоже, начинаю вспоминать. Это слово — изнер… Разве в английском есть такое слово?

— Я никогда не слыхал его. Постарайтесь припомнить!..

— Не могу, — девушка покачала головой. — Смысл ускользает. Английский я изучала во сне, под гипнозом. Это слово тоже часть моих снов, но оно не английское. Впрочем, всё это чепуха. Вернёмся к делам. Итак, у меня есть доказательства существования этой женщины.

Она завернула рукав блузки и, морщась, отодра-

ла пластырь, освободив кассету с микроплёнкой.

— Не думайте, что это было очень просто, — Клей усмехнулась. — Я установила кинокамеру на восьмом уровне, надёжно заэкранировала от радиации со стороны выработки, но, когда появились привидения, плёнка засветилась. Наверное, они очень радиоактивны. Плёнка оказалась полностью засвечена. Но… посмотрите сами.

Пройдя в угол комнаты, она достала из шкафа небольшой проектор.

— Переверните, пожалуйста, картину. На обратной стороне экран. Видите — я хорошо подготовилась. С тех пор, как я вынула плёнку из камеры, она всегда при мне. Слава Богу, Альпер ни о чём не догадывается. Не нужно, чтобы он знал о нашем разговоре, пока я не соберу достаточно фактов.

Щёлкнул выключатель, и жёлтый луч заплясал на экране.

Внезапно Клей резко спросила:

— Мистер Сойер, вы ни разу не поинтересовались привидениями?

— Верно, — сказал Клифорд, — не поинтересовался.

— Значит, вы мне не верите! Но это правда! Они появляются из стен. Шахтёры редко их встреча-

ют, потому что эти привидения живут в толще земли, — она говорила торопливо, захлёбываясь словами. — Подумайте, сколько шахт на Земле! Нам просто повезло, что они оказались именно здесь. Они напоминают… яркие вспышки.

На экране что-то сверкнуло. Девушка нервно рассмеялась:

— Это не привидение, просто блик. Смотрите, сейчас начнётся.

Показались влажные каменные глыбы, испещрённые следами отбойных молотков и буров, где-то далеко гудели механизмы, перемалывающие горную породу. Внезапно добавились новые звуки: шум тяжёлых шагов и стук трости о камни. На экране появилась сутулая фигура, едва различимая во мраке. Сойер напрягся. Для него больше не существовало ничего, кроме маленького экрана. Он услыхал грубый голос Альпера, повелительно зовущий кого-то.

— Иете! — эхо прокатилось по туннелю. — Иете!

— Смотрите, — прошептала Клей. — Видите вон там, слева?

Вначале Сойеру показалось, что камни засветились изнутри. Потом появилось видение, похожее на стройную, очень высокую женщину.

Она грациозно склонилась над Альпером. Сойеру показалось, что в туннеле зажурчала вода. В смехе женщины, холодном и звонком, было так же мало человеческого, как и в её движениях.

Потом раздался голос, больше напоминавший музыку, чем речь простого смертного. Слова звучали по-английски, но с тем странным акцентом, который Клифорд ещё раньше заметил у Клей Форд. Он искоса взглянул на девушку, та не отрывала взгляда от экрана. Губы Клей приоткрылись, обнажая прелестные зубки.

Изображение загадочной женщины периодически пропадало вместе со звуком, но слова разобрать всё равно не удавалось — мешало гулкое эхо.

Наконец заговорил Альпер, почти закричал:

— Иете, ты здесь?! Но ты опоздала! Ты на три дня опоздала! Я не могу так долго обходиться без энергии!

Голос Иете звучал равнодушно:

— Кому ты нужен, старик? Кому интересно, сколько ты ещё протянешь? Ты убил девчонку?

— Я не могу сделать этого, — буркнул Альпер. — Если я убью её, у меня будут большие неприятности. Может быть, я даже потеряю шахту. Кто тогда будет вам поставлять руду? — Он

осёкся. — У меня есть одна идея. Но потребуется несколько дней.

— Кого заботит смерть хома? — перебил его музыкальный голос таинственной дамы. — Она ничего не стоит, как и всякий хом, как и ты, старик. Не понимаю, почему я трачу на тебя время?

— Я же говорю: у меня есть идея. Дай мне энергии и неделю сроку, и я установлю контроль над шахтой. Клянусь, что закрою её совсем и передам тебе. Только дай мне энергии. Иете! Я уже почти…

— Нет. Хватит. Я устала от тебя, старый хом. Придётся мне самой покончить с девчонкой!

Иете стала удаляться. Альпер, тяжело дыша и шаркая, бросился следом.

— Энергия! Мне нужна энергия! — в его крике слышалось отчаяние. — Дай мне энергию, Иете!

— Хватит, — произнёс ледяной голос. — Пока девушка жива, ты ничего не получишь.

— Как ты не понимаешь?! — с горечью воскликнул Альпер. — Если бы ты хоть раз вышла на поверхность, то поняла бы меня… Кто ты, Иете? Что ты такое?

— Спроси об этом через три дня. А пока можешь считать меня богиней. Всё. Теперь иди, старик. Делай что хочешь, но девушка должна умереть.

— Нет, Иете! — крик Альпера загремел в узком туннеле. — Без энергии я не смогу ничего сделать!

— Ты не получишь ни капли, хом. Прощай!

Тень растаяла, и Альпер заметался по коридору. Луч фонаря прыгал по стенам, но вокруг были только мёртвые камни.

Клифорд и девушка молча продолжали смотреть на пустой экран. Сойер мысленно всё ещё находился в шахте, слышал уханье насоса и перестук молотков. Ощущение было настолько полным, что, когда комната осветилась, он не сразу осознал, где находится. Клей настороженно смотрела на него.

— Ну? — вопрос прозвучал нетерпеливо. — Что вы думаете об этом, мистер Сойер?

Инспектор встал, подошёл к окну и закурил, любуясь огнями ночного города. Через минуту он обернулся и произнёс:

— Что я думаю? Пожалуй, я скажу совсем не то, что вы ожидаете от меня услышать. Я не уверен в том, что какое-то потустороннее создание вынуждает Альпера продать душу. Но вот плёнка… Она действительно интересна, если, конечно, вас, мисс Форд, кто-то не дурачит.

— Не может быть! — горячо возразила Клей. —

Но кто же такая Иете? Как вы думаете?

— Очевидно, кто-то пытается получить контроль над шахтой. Есть страны, очень нуждающиеся в уране. И всё это может оказаться просто хитрой инсценировкой, призванной сыграть на навязчивой идее старика. Вы поняли, что он говорил об энергии?

Клей Форд покачала головой.

— Я ничего не понимаю. Но эта Иете меня пугает…

— Эта плёнка, она единственное доказательство, или у вас есть ещё что-нибудь? — спросил Сойер. — Мне бы хотелось вернуться в Торонто со всеми имеющимися материалами. Ваша история меня заинтересовала. Я займусь расследованием и постараюсь обеспечить вашу безопасность.

— В шахте установлена ещё одна камера. Может, забрать из неё плёнку?

— Пожалуй, это было бы неплохо. Но не опасно ли для вас спускаться на восьмой уровень?

— Я никогда не хожу одна, — заворачиваясь в меховое манто, произнесла девушка. — Мне пора. Хотелось бы взглянуть на…

Дверь задрожала под ударами, и грубый голос проревел:

— Откройте!

Глава 2

Сойер бесшумно подошёл к проектору, смотал плёнку и спрятал её в карман.

— Это Альпер! — Клей была очень напугана. — Он не должен меня здесь видеть! Я пропала!

— Спокойно. Я не люблю квартир с одним выходом. — Клифорд достал связку ключей. — Выйдите незаметно и ждите меня на улице. В шахту спустимся вместе. Вы хорошо меня поняли?

— Да-да, — прошептала Клей, опуская капюшон. — Быстрее!

Стук повторился, но на этот раз он был громче и продолжительнее. Стёкла задребезжали.

— Сойер! — раздалось за дверью. — Вы дома?!

— Иду, — спокойно ответил Клифорд, закрывая дверь за мисс Форд.

Улыбаясь тому, с какой поспешностью она выскочила из его номера, он подошёл к главной двери и отпер засов.

— Входите… — Лицо Сойера было невозмутимым. Незваный гость обвёл комнату цепким взглядом. Был он высок, но настолько широк в кости, что казался приземистым. Массивное

лицо прорезали глубокие морщины. А огромные кустистые брови и скрытые под ними колючие глазки придавали их владельцу окончательное сходство с троллем.

— Вы помните меня, мистер Сойер? — не дожидаясь ответа, Альпер шагнул в комнату. Двигался он мощно, подобно танку, и казалось, сам воздух раздвигается перед ним. Увидев экран на стене, он бросил мрачный взгляд на Клифорда.

— Подайте мне стул, мистер Сойер. Я старый человек, и мне тяжело стоять. Благодарю. — Он грузно опустился на стул, поставив трость между колен. — Вижу, вы смотрели увлекательный фильм.

Клифорд промолчал.

— Я тоже смотрел, — продолжал Альпер. — Вас это удивляет? Отель строился в те годы, когда уран был в высшей степени секретным материалом. Сэм Форд и я присутствовали, незримо, конечно, на многих тайных собраниях, происходивших в этой комнате. Так что сегодня я стал свидетелем интересной встречи. — Он перевёл дух и вперился в Сойера тяжёлым взглядом. — Я пришёл, чтобы сделать вам предложение, мистер Сойер.

Клифорд лишь холодно улыбнулся.

— Боюсь, вы недооцениваете ситуацию, — вновь заговорил старик. — Я собираюсь предложить вам…

Он говорил больше минуты. Выслушав всё, Сойер рассмеялся и отрицательно покачал головой. Альпер тяжело вздохнул.

— Молодые люди так неразумны, — произнёс он. — У вас, вероятно, есть какие-то идеалы. Но с возрастом ваши взгляды очень изменятся. — Казалось, Альпер глубоко задумался, но, тряхнув головой, продолжал: — Мне не хотелось бы этого делать, ну да ладно. Посмотрите на это и выскажите своё мнение. — Он протянул Сойеру какой-то маленький предмет.

Инспектор осторожно взял крохотный, не больше таблетки, металлический диск с закруглённой нижней частью.

— Я изобрёл его сам! — в голосе Альпера послышалось самодовольство. — Это трансивер. Он излучает и принимает звук. Но звук не простой. Биение сердца, ток крови по артериям, шум дыхания. Обычно мы не замечаем этих звуков, но их можно усилить.

Откинувшись на спинку стула, старик неприятно рассмеялся.

— Усилитель? — спросил Клифорд, думая о том,

как велика неприязнь, которую испытывает к нему Альпер.

Внезапно диск завибрировал. Сойер взглянул на гостя, одна рука которого находилась в кармане.

— Это вы заставляете диск дрожать? — спросил он. Старик кивнул.

— Но почему вы показали прибор мне? — удивлённо спросил инспектор.

— Скажу вам правду, — Альпер мрачно улыбнулся. — Я сделал его для Клей Форд. Вы внимательно просмотрели плёнку и слышали, как я сказал, что у меня есть способ поставить девчонку на колени. Видите, мистер Сойер, мои слова не были пустой похвальбой.

перевод И. Замориной

Способ этот перед вами — в этом передатчике.

Сойер с удивлением посмотрел на него.

— Вам я доверяю, — сардонически усмехнулся Олпер. — Даже больше, чем вы думаете. Единственное, чем я бы не стал рисковать, это моей сделкой с… с тем человеком, с которым я говорил в шахте.

— Ей что, удалось убедить вас, — спросил Сойер, — что она владеет секретом вечной молодости?

— Дурак, — зло выпалил Олпер. — Что вы смыслите в молодости? Думаете, меня так легко обмануть? Знаете, откуда берётся энергия, которую бездумно растрачивают молодые ослы? От Солнца. Путём фотосинтеза она превращается в то, что вы используете потом в качестве топлива для поддержания своей жизнедеятельности. Какая-то часть энергии поступает к нам от Солнца непосредственно. А электрическая энергия может передаваться от человека к человеку. Позже вы убедитесь в правоте моих слов.

Многие люди не в состоянии понять простых вещей. Мефистофелю не нужна была душа Фауста.

Я уверен в этом. Это Фаусту пришлось доказывать Мефистофелю, что его душа чего-нибудь стоит. И мне пришлось убеждать Нэсс, что я могу быть ей полезен. Я знаю, чего она требует в обмен на энергию, без которой я не могу жить. От меня зависит жизнь Клай — смогу ли я сделать так, чтобы она не мешала Нэсс и той не пришлось бы её уничтожить. Я не хочу, чтобы Клай убили. Следствие может оказаться для меня весьма опасным.

Итак, я сделал этот прибор. Сделал сам, без чьей-либо помощи и предназначил для Клай. Но теперь, мне кажется, кое-кто может помешать мне гораздо больше девчонки. Я так и знал, что мой визит сюда ничем хорошим не кончится.

Он засмеялся.

— Ну что же, начнём, — сказал он.

Олпер был не только тучным, но старым и слабым. И то, что произошло в следующую минуту, буквально ошеломило Сойера. Олпер встал, выпрямился и с силой отбросил трость, так что она со стуком упала рядом с ним. Старый тролль был по-прежнему грузен, но и следа не осталось от его согбенности и немощности. Какая-то неведомая сила струилась по нему, словно электрический ток. Это не было ни молодостью, ни физической мощью. То, что внезапно в нём возникло, было

чем-то мистическим, ещё менее объяснимым, чем внезапный прилив физических сил.

Сойер услышал стук упавшей на пол трости, ещё не поняв до конца, что же произошло. Он был молод и подвижен, но ему было далеко до фантастической прыти старика. Бросок Олпера через разделявшее их пространство больше походил на разряд молнии, а не на движение тела под влиянием силы мускулов, которые, казалось, не имели к этому никакого отношения. Грузным телом Олпера управлял какой-то особый вид энергии.

Палка снова стукнула о пол, и в то же мгновение огромная туша обрушилась на грудь Сойера, оттолкнув его на два метра назад и припечатав к стенке. Громадная лапища стиснула его горло так, что он почти задохнулся.

Комната поплыла у него перед глазами. Подсознательно он почувствовал какое-то необычное давление на макушке. Потом всё прекратилось.

Как только давление в голове отпустило его, он приготовился дать отпор Олперу. Когда Сойер услышал первый стук трости о пол, он внутренне собрался, готовя свои мышцы к бою. Но нападение Олпера произошло так внезапно, что реакция молодого тренированного человека запоздала.

Удар Сойера пришёлся в ту секунду, когда силы покинули Олпера. Прилив сил у него был мгновенным и тут же закончился.

Олпер рухнул как подкошенный ещё до того, как удар Сойера его настиг. Он свалился на ковёр, и пол вздрогнул от тяжести упавшего тела. Оперевшись на локоть, Олпер шумно дышал, смотря на Сойера из-под тяжёлых, полуприкрытых век с плохо скрываемым торжеством на багровом лице.

— Подай мою трость, — сказал он. Сойер одной рукой растирал горло, а другой ощупывал макушку. Он не обратил на слова никакого внимания. После того, как он справился с Оллером, он решил посмотреть, что происходит у него с головой. Какое-то странное, лёгкое покалывание в макушке…

— Подай мою трость, — повторил Олпер. — Сойер! Ты должен вскакивать, когда я приказываю. Ну ничего, ещё научишься. А сейчас я тебя немножко проучу.

Как только он произнёс эти слова, в голове Сойера словно ударил гром. Разряд проник сквозь черепную коробку прямо в мозг. Сквозь пелену пляшущих перед его глазами искр он видел, что Олпер, наблюдая за ним, зловеще усмехается.

Сойер схватился обеими руками за голову, чтобы не дать ей расколоться надвое. Пока громовые раскаты сотрясали его мозг, ему не оставалось ничего другого, как стоять не двигаясь, с трудом превозмогая боль и прижав руки к вискам.

Наконец пытка кончилась. Тогда Сойер повернулся к своему мучителю, и по мере того, как из его головы уходила боль, в ней нарастала жгучая ненависть.

— Полегче, — глухо проговорил Олпер. — Полегче. Тебе что, мало? А теперь подай-ка мне трость.

Сойер глубоко и судорожно выдохнул.

— Нет, — отказался он.

Олпер вздохнул.

— Ты мне нужен, — сказал он. — Я могу избавиться от тебя в одно мгновение. Мне ничего не стоит встряхнуть твои мозги так, что они превратятся в желе, и тогда ты уже не будешь сопротивляться. Но если я сделаю это, ты станешь абсолютно бесполезен мне. Почему бы нам не поработать вместе? Или ты предпочитаешь смерть?

— Я предпочитаю убить тебя, — сказал Сойер, всё ещё обхватив руками голову и упрямо не подымая глаз. — И убью, как только смогу.

— Должен тебя огорчить, это тебе вряд ли удаст-

ся, — сказал Олпер. — Хочешь, чтобы я ещё раз это доказал? Тогда ты наверняка поймёшь, что не успеешь ко мне прикоснуться, как в голове грянет гром. Ты глупо себя ведёшь, Сойер. Мне нужно поговорить с тобой, но я не могу это делать, лёжа на полу, и не могу подняться без твоей помощи. Мне нужна трость. Итак, Сойер, я считаю до трёх. На счёт «три» ты знаешь, что произойдёт. Пора бы кое-что усвоить, друг мой.

Сойер сжал зубы.

— Нет, — сказал он и приготовился к неминуемой расплате. Сейчас он поступал неразумно. Только что его мозг подвергся ужасной пытке, но несмотря ни на что им овладело необъяснимое упрямство фанатика — не подчиниться, даже ценой собственной жизни. Он чувствовал, что стоит ему хоть раз выказать слабость, и он навеки станет рабом Олпера. Но сейчас никакая боль, никакие силы на свете не могли бы заставить его пойти на подобное унижение.

— Нет, — повторил он и приготовился к тому, что должно было за этим последовать.

— Раз, — неумолимо произнёс Олпер.

— Нет.

— Два… — сказал Олпер.

Лицо Сойера непроизвольно приняло злобное

выражение, и, не отдавая себе отчёта, он потянулся руками к толстой шее Олпера.

В голове грянул гром, и перед глазами заплясали молнии. Последнее, что он увидел, был стремительно несущийся навстречу пол.

Когда он очнулся, Олпер находился в двух метрах от него и с огромным трудом, тяжело дыша, пытался дотянуться до своей трости. Он смотрел на Сойера ясным, спокойным взглядом из-под тяжёлых век.

— Всё отлично, — сказал Олпер. — Ты молодец. А трость я возьму сам. Вставай. Я не причинил тебе особого вреда… пока. Поднимайся и возьми стул, друг мой. Нам нужно кое-что обсудить. И первое, что предстоит сделать, — уничтожить вещественное доказательство. — Он оглядел комнату. — Эта металлическая корзинка для мусора вполне подойдёт для того, чтобы сжечь в ней плёнку. Итак, давай её мне.

Сойер мучительно произнёс:

— Подойди и возьми, ты…

Олпер улыбнулся.

Несколько струек дыма поднялись из корзины и тут же растаяли. Сойер откинулся на спинку стула и смотрел на старика. Теперь, когда гром в голове отгремел, он не испытывал никаких

неприятных ощущений. Казалось, он чувствовал себя, как прежде. Но становилось страшно от одной мысли, что Олпер только что сделал с ним и может сделать, когда захочет. Что там говорит Олпер?

— Во-первых, тебе следует хорошо понять, что именно с тобой произошло. Уяснив это, ты поймёшь, что теперь единственный возможный для тебя путь — точно исполнять то, что я скажу, иначе — смерть. А мне бы хотелось подольше с тобой не расставаться — человек ты, в сущности, неплохой. Даже лучше, чем я предполагал. Я уважаю тебя и восхищаюсь тобой. Но, не задумываясь, убью, если понадобится. Надеюсь, понятно?

— Нет, — сказал Сойер, поднимая руку и ощупывая голову. — Неужели ты думаешь, что тебе всё это сойдёт с рук?

— Уверен, — ответил Олпер. — Попробуй, сними передатчик. Не сможешь, а если сделаешь — тут же умрёшь. В нём есть танталовые зонды, которые соединены прямо с твоим мозгом через родничок — эдакое отверстие в своде черепа, которое с возрастом закрывается. К счастью, ты ещё достаточно молод и отверстие не совсем заросло. К счастью для меня, разумеется.

Сойер опустил руку. Ему всё ещё казалось, что

если бы он мог убить Олпера, пытка прекратилась. Но всё же наилучший способ — выудить как можно больше информации, а Олпер оказался весьма разговорчивым.

— Быть может, я сам и не смогу снять эту штуковину, — сказал Сойер, — но ведь кто-нибудь сможет мне помочь.

— Возможно, — ответил Олпер. — Существует контактное давление, которое со временем образует достаточно прочную связь между костями черепа. Но сейчас у тебя эта связь осуществляется через танталовые зонды, соединённые непосредственно с нервами. Довольно забавное устройство, не так ли?

— Бесподобное, — угрюмо и зло похвалил Сойер. — Кого обворовать изволили?

Олпер хохотнул.

— Я ведь отличный техник, — похвастался он. — Хотя признаю, что первоначальная идея принадлежала не мне. Но я сделал ряд существенных улучшений, до которых сам изобретатель не додумался. Миниатюрное электрострикционное устройство, преобразующее механическое сжатие или растяжение в электрические сигналы, а электрические сигналы в звуковые колебания. Тут-то и раскрылись неисчерпаемые возмож-

ности прибора. А дальше надо было только использовать аналогию света и звука. Звук, как и свет, может отражаться и многократно усиливаться… Да, да, молодой человек, — соединённый через твой родничок с черепными нервами, этот приёмник улавливает те звуки, которые ты почти не слышишь, усиливает их и передаёт в височные доли мозга, туда, где находятся слуховые зоны. Другие участки мозга также задействованы, так как колебания проходят через моторные и иные зоны коры. Вот таким образом в голове у тебя слышны звуки, напоминающие трубы Иерихона.

Он засмеялся.

— Знаешь ли ты, что можно сделать мощным ультразвуком? Разбить вдребезги стёкла. Зажечь пожар и сотрясать человеческий мозг, господин Сойер. Я уже не говорю о том, что будет, если присовокупить сюда же альфа- и каппа-ритмы мозга, которые приёмник может принять и усилить.

Прелесть этого устройства состоит в том, что от него невозможно отделаться. Это внутри тебя, неотъемлемая часть твоей плоти, дыхания, мыслей. Если его действие прекратится, ты умрёшь. Но никто другой не может услышать эти звуки. Они субъективны, как сумасшествие. А то, что теперь в тебе, — это особая его разновидность.

Вот почему мне кажется, что ты мне, в конце концов, подчинишься. — Он смотрел на Сойера не без симпатии, улыбаясь, видя, как руки молодого человека непроизвольно сжимались в кулаки.

— И ещё одно, — продолжал он. — Не сомневаюсь, что тебе захочется меня убить. Не советую это делать. Это тебе всё равно не поможет. Видишь ли, биополе твоего тела является своеобразным глушителем волн, исходящих от приёмника, силу которых я могу менять с помощью регулятора громкости на пульте управления, — Сказав это, он наполовину вытащил из кармана маленькую плоскую металлическую коробочку и тут же засунул её обратно. — Если ты попытаешься снять приёмник, то чем дальше он будет находиться от тебя, тем меньше будет эффект глушения и тем скорее это убьёт тебя. Моё тело является ещё одним дополнительным глушителем, и только наличие двух биополей наших тел гарантирует, что акустический уровень приёмника окажется безопасным для твоей жизни. Итак, стоит тебе похитить у меня регулирующее устройство или же мне умереть, как ты умрёшь тоже. Так что жариться в аду нам предстоит на одной сковородке. Тут уж сам чёрт не разберёт, кто прав, а кто виноват.

Сказав это, он ухмыльнулся, по-волчьи оскалив зубы.

— Это многоцелевое устройство. Оно может выполнять также роль микрофона — а приёмник у меня вот тут. — Он похлопал себя по карману. — Причём микрофон не регистрирует внутренние шумы, те самые, которые тебе так неприятны. Я это проверил. Но он будет фиксировать и передавать мне всё, что ты говоришь. Поэтому, когда ты отправишься в шахту с Клай Форд и заберёшь оттуда вторую плёнку, я смогу проследить за всем, что там произойдёт. Правда, вряд ли вам удастся что-либо обнаружить. Клай тогда просто посчастливилось.

И он кивнул на корзинку для мусора, в которой лежала горстка пепла.

— Из этого следует, — категорично заключил он, — что обо всех уликах, найденных вами в дальнейшем, мне тут же станет известно. А пока доложи по радио в штаб Комиссии, что вся эта история — всего лишь ложная тревога. Что касается Клай, то самое лучшее для неё — убраться подальше из Фортуны. Если мы сможем доказать, что у неё были галлюцинации — мания преследования, например, то годик нахождения в каком-нибудь частном санатории — наилуч-

ший способ избежать риска столкновения с Нэсс, которая просто убьёт её. И она непременно это сделает, если Клай будет продолжать играть с огнём. Причём сделает это Нэсс, даже не поморщившись. Ей абсолютно чужды любые людские чувства — она выше их.

— Кто она? — спросил Сойер.

Олпер замолчал, нахмурился и медленно покачал головой, как будто бы это и для него было загадкой.

— Хватит вопросов, — сказал он. — Действие и только действие. Теперь у меня в руках есть хлыст, и я надеюсь употребить его в деле. Если тебе удастся от меня удрать, ты, может быть, и найдёшь способ снять приёмник с головы. В конце концов, если до чего-то додумался один, не вижу причин, почему бы до этого не додуматься другому. Но предупреждаю тебя, Сойер. Если ты отойдёшь от меня без разрешения, я тебя убью. Тебе не удастся исчезнуть из поля моего зрения с встроенным в твой мозг микрофоном. Ну хватит. Моя энергия на исходе. Я потратил её сегодня слишком много, а мне нужно её ещё больше. Это означает, что я закрою рудник, как Нэсс того желает. Я должен первым выполнить все условия сделки. Поэтому…

Он оценивающе оглядел Сойера.

— Ты ещё молод, — сказал он. — И хочешь жить, не так ли? Поэтому я повторяю своё первоначальное предложение. Я знал, что ты ответишь отказом. Но моё предложение — сотрудничество со мной в обмен на жизнь — по-прежнему остаётся в силе. Что ты на это скажешь теперь?

— Ничего.

— Ничего?

— Меня послали сюда работать, — спокойно проговорил Сойер. — Возможно, я что-то сделал не так. Неудачи случались и раньше. Каждый человек может сделать ошибку.

— Отнюдь не каждый, — с неожиданным вызовом заявил Олпер.

Сойер пожал плечами.

— Хорошо, — согласился он. — Пусть будет по-вашему. Когда работа оказывается непосильной и я это признаю, нет ничего постыдного в том, чтобы передать её тому, кто с ней справится лучше. Сейчас Королевская комиссия по атомной энергии ждёт от меня результатов проверки — обычной работы, которая оказалась совсем необычной. Вероятно, я с ней не справился, и потому мой первейший долг — уведомить председателя.

— Интересно посмотреть, как тебе это удастся, — с неприятной усмешкой произнёс Олпер. — Если бы в тебе была хоть капля разума, ты бы мог спокойно вести двойную игру и получать двойное жалованье, причём мой гонорар окажется куда выше.

— Боюсь, что за работу в таком головном уборе придётся очень дорого заплатить, — невесело пошутил Сойер, коснувшись рукой темени.

— Я мог бы его снять, — предложил Олпер. Он ждал ответа Сойера, но ничего не дождавшись, разочарованно продолжал:

— При определённых обстоятельствах это оказалось бы надёжнее. Кто поверит твоим словам? Но вначале я должен быть убеждён, что ты со мной заодно.

Сойер задумчиво спросил.

— А как тебе удастся снять приёмник? Ты ведь сказал, что он впаян в мой череп?

— Пока нет — в течение какого-то времени. До этих пор я могу полностью отключить питание. Если я сделаю это, — и только в этом случае — ты сможешь снять приёмник с головы без риска умереть на месте. Да, я могу отключить питание. Весь секрет находится здесь, в пульте управления в моём кармане. Я потратил массу времени на

создание этого выключателя, гораздо больше, чем на основное устройство. Поэтому не думай, что тебе удастся найти способ его отключения, даже если он попадёт тебе в руки. Гудини и тот не смог бы, а чтобы найти нужную комбинацию, придётся призвать на помощь сверхмощный компьютер. Я надеюсь, ты понял, что тебе не остаётся ничего другого, как подчиниться мне. Ничего не попишешь, мой мальчик, — злобно ухмыльнулся Олпер, — иначе смерть.

Они выжидающе смотрели друг на друга, когда за окном раздался душераздирающий вой, от которого зазвенели стёкла.

Оба бросились к окну. Сирена издала три пронзительных высоких звука и стихла. Безликий голос, усиленный мощным динамиком, тревожно вещал в темноту над Фортуной.

«Несчастный случай на восьмом горизонте, несчастный случай на восьмом горизонте», — неслось в холодной полярной ночи маленького шахтёрского городка.

Олпер обернулся к Соейеру и сердито сказал:

— Глупая дурочка. Она спустилась туда, несмотря на все мои предупреждения, и теперь Нэсс до неё добралась.

III

Словно в тумане Сойер следовал за приземистым, закутанным в меха Олпером через встревоженно гудящий посёлок к шахте. Вдалеке виднелась обдуваемая всеми ветрами гладкая ледяная поверхность Малого Невольничьего озера, отражающая ночные огни городка. Фортуна походила на крошечный медальон, прикреплённый к огромной выпуклости земного шара, как приёмник к черепу Сойера, и столь же чуждый замёрзшим скалам, сколь и малюсенький прибор голове.

Пробираясь к шахте, они спотыкались и скользили по обледенелым настилам. В Фортуне не было тротуаров. Деревянные ступеньки и настилы соединяли здания, которые были крепко вбиты в скальную породу, так как почвы здесь не было совсем. В Фортуне ничего не росло. К посёлку не вела ни одна дорога. Тишина стояла полная, какой и полагается быть на краю света. Если временами и раздавались неясные человеческие голоса, то все они тут же тонули в безбрежной, безмолвной пустыне.

Скользя по льду, вдыхая колючий, нестерпимо

морозный воздух, Сойер спешил за сутулым Олпером. Из бараков, контор и похожих на лачуги частных домиков выползали любопытствующие. Олпер молча расталкивал их, не отвечая ни на чьи вопросы. Они миновали освещённую лавку, столовую, здание электростанции, из которого доносился рокот дизелей, дающих жизненно важную для Фортуны энергию, освещавшую её дома, приводящую в движение горношахтное оборудование, подающую воду из Малого Невольничьего озера и выкачивающую воду из шахтных стволов.

Пройдя мимо отнюдь не отличавшихся красотой общественных строений, необходимых двумстам людям для повседневных нужд, они подошли к устью ствола огромной шахты.

Олпер протискивался через возбуждённо гудящую толпу к самому входу. Из громкоговорителей, расположенных под крышами зданий, прекратило доноситься эхо сигналов тревоги, но на смену им вступили другие голоса, взволнованно предсказывающие несчастье.

— Привидения… — услышал Сойер разговор двух шахтёров. — Они возникают из стен на восьмом горизонте.

— Мисс Форд как раз там, — вдруг вырвалось

у кого-то.

— Они схватили мисс Форд.

Олпер оттолкнул их. У него была сейчас единственная цель, а силы его заметно убывали. Идя за ним к шахтной клети, Сойер со злобным удовольствием подумал о том, что хоть на какое-то время их цели и желания совпадали: ни один из них не хотел смерти Клай Форд.

В глубине шахты всегда стоял невообразимый грохот. Шум работающих бурильных машин, вагонеток, автоматических погрузчиков не прекращался ни на минуту. Постоянно раздавалось эхо людских голосов. И вдруг весь этот шум неожиданно смолк. Не было слышно ни звука, за исключением доносившихся снизу криков, эхом отражавшихся от стен шахты. Клеть проходила мимо входов в забои, перед которыми толпились чумазые люди с горящими надо лбом лампочками. Отбойные молотки и кирки были прислонены к стенам, на которых по сверкающим жилам уранита можно было увидеть результаты труда. Это твёрдая, словно сталь, и тяжёлая, как свинец, порода была богата ураном. Правда, если привидения уже успели тут побывать, то урана в породе почти не осталось.

— Они роятся, словно пчёлы, на восьмом

горизонте, — предупредил кто-то, пока они опускались ниже.

Олпер только хмыкнул в ответ. Когда они вошли в клеть, он взял Сойера за руку, а теперь просто висел на нём. Клеть остановилась, и Олпер пробормотал прерывающимся голосом:

— Не пытайся что-либо сделать. Предупреждаю тебя, Сойер. Придётся тебе со мной сотрудничать. Я и так слишком выложился. Моей энергии может…

— Ты просчитался, Олпер, — сказал Сойер. — Если с мисс Форд что-нибудь случилось, правительственная комиссия допросит тебя со всем пристрастием. Даже если ты задумаешь убить меня, это вряд ли тебя спасёт.

— Не твоего ума дело, — прохрипел Олпер. — Выполняй, что тебе сказано. Пошли.

Они вышли на восьмом горизонте, там, где стояла группа бледных, возбуждённых людей. Голоса отдавались глухим эхом, а воздух казался густым и тяжёлым и давил на барабанные перепонки. Сойер почувствовал резкий запах озона.

— Она пошла сюда, — сказал один из шахтёров, направляя на них свет фонарика своего шлема. Олпер снова всей своей тяжестью повис на Сойере.

— Поговорите с Джо, господин Олпер. Он был с ней.

— Что здесь произошло? — твёрдо спросил Сойер. Растерянные, испуганные лица шахтёров мелькали вокруг него, отсветы от фонариков на их шлемах метались по влажным стенам шахты. Один из шахтёров выступил вперёд.

— Мисс Форд велела мне и Эдди пойти с ней, — сказал он. — Она ждала здесь. Никого, кроме нас, не было. Мы больше не работаем на восьмом горизонте, потому что… ну, в общем, не работаем и всё. Мисс Форд послала Эдди за своей камерой.

Шёпот, раздавшийся сзади него, заставил всех обернуться. Туннель заворачивал за угол в трёх метрах от того места, где они стояли. Из-за поворота показался слабый свет, потом погас и вновь появился. Казалось, воздух вокруг звенел, как будто вдалеке звонили колокольчики, рассыпая звуки, давившие на барабанные перепонки. Запах озона усиливался.

— Продолжай, — прохрипел Олпер, придвигаясь ближе. — Продолжай, я слушаю. — Шахтёры расступились, давая ему дорогу. Сойер позволил ему тащить себя за руку. Он был настороже, живо реагируя на всё, что происходило вокруг.

— Эдди завернул за угол и пропал, — продол-

жал шахтёр. — Извините меня, господин Олпер, но дальше я не пойду. — Он встал, как вкопанный. — Сейчас я закончу. Осталось немного. Эдди начал кричать. Потом появились привидения — во всяком случае, мы увидели, как начали вспыхивать огни, а Эдди отчаянно кричал. Мисс Форд велела мне идти с ней. Она сказала, что нам непременно нужно забрать камеру. Мы… она опередила меня. В это время Эдди издал ещё один страшный крик и смолк. Мисс Форд завернула за угол, а я… я быстро побежал назад, чтобы включить сигнал тревоги, — голос шахтёра звучал виновато-дерзко.

— А мисс Форд кричала? — спросил Сойер.

— Нет, сэр. Ни разу.

Олпер опять буркнул что-то себе под нос и нетвёрдыми шагами двинулся вперёд, в темноту, туда, где за поворотом вспыхивали таинственные огни. Там было тихо. Подземелье поглотило Клай Форд и парня по имени Эдди, и только всполохи казались единственными живыми существами. Испуганные шахтёры проводили взглядами двух людей, скрывшихся за поворотом. Но никто даже не шевельнулся, чтобы последовать за ними.

— Сойер, — прохрипел Олпер, опершись на него всей тяжестью своего тела, пока они мед-

ленно продвигались вперёд. — Объясняю ещё раз. Не пытайся действовать самостоятельно. Я не остановлюсь ни перед чем. Ясно? Я держу руку на пульте управления приёмником. Одно неверное движение, и я убью тебя на месте. Я думаю, девчонка у Нэсс. Хорошо бы, чтобы она была жива, но…

Он не закончил фразу. Да это и не требовалось. Было и так ясно, что если бы встал вопрос о выборе, Нэсс с её таинственным источником энергии была бы вне конкуренции.

Они приблизились к первому повороту туннеля. Огоньки бежали впереди них между сверкающими стенами к следующему повороту. Олпер упрямо ковылял вперёд, опираясь на Сойера. От сильного запаха озона болела голова…

И тут они увидели привидения.

На мокром полу, около второго поворота, ничком лежал человек. По его телу прыгали, плясали, опускались и поднимались языки пламени. Сойеру почудилось, что пространство вокруг него стало шире. Запах озона раздражал ноздри. Ему казалось, что невидимый ветер беззвучно летит по туннелю и что перед ним разверзается бездна.

Взмахи крыльев над мёртвым телом напоми-

нали языки пламени, соединённые в нижней точке наподобие буквы V, похожие на неспелый пшеничный колос, расходящийся наверху вилкой сияющих лучей. Воздух, казалось, кипел от их присутствия. Плоские, тонкие танцующие лучи с дрожащей по краям бахромкой света, они были прекрасны и ужасны одновременно. Они плясали, словно хищные птицы над мёртвым телом, ныряя, кружась, с вожделением бросаясь на него и вновь взмывая вверх. От их движений в туннеле стало ослепительно светло.

Олпер остановился. Сойер почувствовал, как по телу старика пробежала нервная дрожь. И вдруг неестественно высоким голосом он спросил:

— Нэсс? Нэсс, ты здесь?

Знакомый переливчатый смех раздался из темноты выше того места, где танцевали лучи света. Больше не было ни звука, но стоило Олперу услышать смех, как он, сделав глубокий вдох, решительно направился к тому месту, над которым плясали огни.

Сойер вежливо поинтересовался:

— Что это такое? Ты знаешь? Это они убили беднягу?

— Не знаю. Мне всё равно, — ответил Олпер. — Поторопись. Всё, что я знаю, это то, что Нэсс здесь

и я смогу получить от неё энергию, молодость. Давай быстрей.

Сойер остановился.

— Может быть, это мой шанс, — подумал он. — Когда он получит новый запас энергии, может быть поздно, а сейчас пока я ему нужен…

Оборвав мысль, он приступил к решительным действиям. Резко отскочив от Олпера и освободившись от тяжести, он приготовился нанести правой рукой молниеносный боковой удар, который, в случае удачи, мог принести ему желанную свободу от тирании старика.

— Последний шанс, — сказал он себе. — Может быть, он и врал. А может и нет. Если удастся сбить его с ног и отобрать пульт управления приёмником, тогда…

В этот момент череп его раскололся надвое от дикой боли. Перед глазами запрыгали искры, но теперь уже не только от мерцающих огней. Тяжёлая рука Олпера сомкнулась на запястье Сойера до того, как в голове у него стало ясно.

— Давай. Быстрее. Не заставляй меня браться за розгу. У нас нет времени.

Оцепеневший, с заплетающимися ногами Сойер позволил тащить себя вперёд. Золотистые лучи, казалось, почувствовали их, когда они про-

бирались мимо, и слегка затрепетали, но потом снова успокоились, продолжая свою тризну над мёртвым телом.

Постепенно туннель стал расширяться. Появился свет. На этот раз в виде большого и бледного круга на стене, как отсвет далёкого маяка. Словно распятая в этом светящемся круге, прижавшись к скале, стояла Клай Форд.

Сойер смотрел на неё и не верил своим глазам. Свет выходил прямо из скалы за её спиной, чуть выше головы. Клай стояла неподвижно, голова была откинута назад, ладони упёрты в стену. И тут вдруг Сойер сообразил, что неподвижность её вызвана тем, что она была как бы парализована. Словно мошка, попавшая в круг света, она не могла из него выбраться. Лишь быстрое дыхание, сияние глаз и блеск белых зубов, показавшихся из-под верхней губы, когда она заговорила, свидетельствовали о том, что она жива. В голосе слышалось нечто безумное.

— Ты не можешь это сделать, — кричала она тени. — У тебя нет на это права. Ты не богиня!

Сойер автоматически повернул голову, следуя за её взглядом. Светящаяся тень в темноте зашевелилась. Нэсс была сверхестественно высокого роста, вся окутана полумраком, сквозь который

лицо её посвечивало тускло, как через вуаль. Сколько он не пытался, он не мог разглядеть под вуалью черты её лица и фигуру. Зато голос был чистым, сильным и мелодичным и заключал столько благости, словно это был голос ангела, повествующий о грядущих райских кущах.

— Я стану богиней и очень скоро, — сказала Нэсс. — Но откуда ты меня знаешь, хом? Ты ведь на самом деле хом, а не землянка. Как ты здесь очутилась?

— Я не знаю. Не знаю, — голос Клай дрожал. — Но ты не богиня и не можешь ею стать, пока у тебя нет двуликой маски. Господи, только бы мне вспомнить.

Нэсс неожиданно заговорила на незнакомом языке, полном странных сдвоенных согласных. Слова словно хрустели у неё на губах. Клай издала звук, похожий на рыдание.

— Я не понимаю, что ты говоришь. Я ничего не помню. Кто ты? Почему…

Олпер сделал шаг вперёд, и она замолкла. Краем глаза уловив его движение, она попыталась повернуть голову и не смогла.

— Нэсс, — начал Олпер.

Клай скосила глаза.

— Кто это? Олпер, это вы?

— Спокойно, Клай, — ответил старик. — Если хочешь жить, лучше молчи.

— Разве жизнь хома чего-нибудь стоит? — насмешливо спросила Нэсс. — Даже в глазах другого хома? Но ты мне надоел, старик. Девчонка теперь моя.

— Умоляю, не делай этого, Нэсс, — в голосе Олпера послышалось отчаяние. — Если ты её убьёшь, у меня отберут шахту и у тебя не будет РУДЫ.

— Может быть, ваши мелкие хомьи проблемы для вас и важны, но для меня они не имеют никакого значения.

— Они же найдут её тело, — закричал Олпер, — и обвинят меня в убийстве. Нэсс, не делай этого, прошу тебя.

— Тело? — презрительно спросила Нэсс. — Но оно здесь не останется. Я должна допросить её перед тем, как она умрёт. Она хом. Если бы я только знала это раньше! Но откуда мне было знать? Все вы, людишки, поразительно похожи друг на друга. А она, к тому же, всё время говорила на твоём языке, пока я не собралась её убить. Это, правда, дало ей некоторую отсрочку, по крайней мере до того времени, пока я не узнаю, как она прошла через ворота. Я должна это знать. Правда, я не

думаю… впрочем, это не имеет значения. Я знаю весьма надёжное местечко, где можно спокойно допросить этого хома. И уж тогда мне, возможно, вообще не придётся возвращаться в ваш скучный мир. Прощай, старый хом.

Тонкая, гибкая фигура устремилась вперёд. Внезапно из-под вуали обнажилась рука — длинная и изящная. Между указательным и большим пальцами блеснуло что-то ослепительно яркое. В руке у неё было нечто, похожее на небольшой золотой брусок длиной в ладонь. Она сжала его в руке, и из бруска выросли крылья, соединённые в форме буквы V, поразительно похожие на те привидения, что остались позади, в туннеле. От крыльев исходило золотое сияние такой яркости, что резало глаза. Держа брусок над головой, Нэсс подбиралась к Клай. По мере её приближения круг света, в котором находилась девушка, становился всё ярче.

Олпер почти прекратил дышать. Чем ярче сиял брусок в руке Нэсс, тем в больший экстаз он впадал. Собрав остатки сил, он оттолкнул Сойера и бросился на Нэсс, как заворожённый, не в состоянии оторваться от вожделенного объекта.

— Дай его мне, Нэсс, — глухо рыдал он, протягивая вперёд обе руки. — Нэсс, отдай его мне. Ну

позволь коснуться его хоть один раз. Нэсс…

Сойер, видя, что старик вытащил руку из того страшного кармана, в котором находился пульт управления, бросился к нему, словно выпущенная из лука стрела. Он и сам не знал, чего хочет, но подсознательно чувствовал, что Нэсс — враг и если он сумеет завладеть золотым бруском, то получит ключ к чему-то необычайно важному.

Всё произошло в течение считанных секунд. Вытянутые руки Сойера сомкнулись вокруг высокой, окутанной вуалью фигуры за мгновение до того, как приблизился Олпер. Под вуалью ощущалось тонкое, изящное тело, твёрдое и сильное, как стальной канат. От неожиданности Сойер вцепился в неё ещё сильнее. Он хотел удержать её одной рукой, а другой выхватить брусок, но это оказалось невозможным. Несс издала пронзительный, звонкий, словно удар гонга крик, в котором странно сливалась музыка и бешеная ярость. Тело её начало раскачиваться и извиваться, словно змеиное. Задыхаясь, ничего не соображая, он всё ещё держал Нэсс, но понимал, что силы его на исходе.

Тут Олпер хрипло крикнул. Что-то сверкающее пронеслось перед лицом Сойера. Олпер тут же схватил это на лету, одновременно ударив

Сойера. Сойер ослабил хватку, и Нэсс вырвалась из его рук.

Для Олпера настал момент наивысшего блаженства. Золотой брусок озарил его своим сиянием, и пока он стоял, держа его в руках, он начал преображаться на глазах. Казалось, годы слетали с него, как листки с календаря. Спина выпрямилась, обвисшие щёки подтянулись, глаза засияли фанатическим блеском, и он кружился на месте и приплясывал, как мальчик.

— Так вот что это такое! — кричал он. — Вот эта, энергия!

— Отдай мне его, — крикнула Нэсс, бросаясь к нему. — Ты даже не знаешь, что творишь. Нельзя брать так много энергии, хом. Смотри, ворота уже открываются. Сейчас же верни!

Олпер увернулся от неё, смеясь, словно пьяный.

Сойер видел, что происшедшие с Олпером изменения нельзя было назвать омоложением.

Лицо его было по-прежнему старым, хотя приобрело необычайно твёрдые и мужественные черты. Тело оставалось огромным и толстым, но энергия, казалось, била из него ключом.

Тут налетела Нэсс и обеими руками схватилась за брусок. Олпер, пытаясь увернуться, полоснул

сияющими V-образными лучами по стене. Послышались исступлённые звуки музыки, словно стена была гонгом, по которому ударили молотом, а сноп света, исходящий из стены, стал таким ярким, что на него было невозможно смотреть. В ярком свете угадывался лишь силуэт Клай.

— Закрой его, Олпер, — кричала в исступлении Нэсс. — Нас всех потащит внутрь. Олпер! Закрой Жар-птицу. Можешь оставить её себе, только закрой.

Воздух, казалось, звенел. Круг света превратился во вход в светящейся, ведущий куда-то вниз и сужающийся вдалеке ледяной туннель…

Поток воздуха подхватил их и понёс к этому входу. От яростных, отчаянных криков Нэсс дребезжали ледяные стены. В воздухе слышалось шуршание и свист огромного количества крыльев. V-образные лучи пламени из туннеля шахты проносились мимо, касались стен, вспыхивали и гасли.

Только теперь Олпер закрыл брусок. Но было уже поздно. Поток подхватил их. Они кружились и падали, а ледяные стены мелькали и мелькали у них перед глазами.

IV

В какой-то момент стало так холодно, что Сойеру почудилось, будто у него смёрзлись и стали позвякивать, словно льдышки, все внутренности. И тут же он ощутил, что стоит на твёрдой земле, в длинном, круглом, бледно-зелёном, словно ледяном, коридоре. Он был не один. Рядом была едва державшаяся на ногах Клай, а ещё в трёх шагах Олпер; одной рукой он опирался на похожую на лёд стену, а в другой крепко сжимал обретённую драгоценность.

Но самым удивительным была толпа каких-то фигур, быстро удалявшихся вниз по коридору. Все они были очень высоки, необычайно грациозны, и казалось, что двигаются они задом наперёд. Милые, но слепые лица мягко улыбались у них на затылках.

Сойер посмотрел на Клай. Её глаза были совершенно круглыми от удивления. Переведя взгляд на Олпера, он увидел такое же удивлённо-недоумённое выражение и на его лице. Сойер решил заговорить первым.

— Олпер, — окликнул он. — Ты меня слышишь?

По пустому коридору прокатилось эхо. Олпер дважды беззвучно открывал рот, но лишь на третий раз раздались звуки.

— Да, я тебя слышу. Где…

— Где мы? — угадав его вопрос, произнёс Сойер. Он печально улыбнулся, когда Олпер выпрямился и, оглядев себя, победно рассмеялся. С удивительной лёгкостью Олпер отошёл от стены.

— Что за этими стенами? Посёлок и шахта?

— Я не знаю, где мы, — ответил Олпер, — но я знаю, как мы сюда попали. Вот. — Он открыл ладонь, и золотой брусок, поймав отблески света, тускло засиял. Толстые пальцы Олпера нажали на брусок. Открылись плоские золотые V-образные крылья, по краям которых сверкала огненная бахрома. Олпер ухмыльнулся и стегнул крыльями по ледяной стене. Она тонко и мелодично зазвенела. Больше ничего не произошло.

Олпер растерянно пробормотал что-то, завёл руку за спину и снова полоснул по стене. Со стеной опять ничего не произошло, но воздух вокруг стал накаляться.

— Закрой его, Олпер, закрой немедленно!

Все обернулись. И тут впервые они увидели Нэсс без всяких вуалей.

Среди одинаковых фигур, удаляющихся вниз

по коридору, она единственная казалась живой. Движения остальных напоминали движения людей, впавших в транс. Одна из фигур, метрах в десяти от них, обернулась и пристально разглядывала их. Приглядевшись внимательнее, люди разгадали секрет милых, смотрящих назад лиц.

Это были маски. Настоящие лица странных фигур были обращены вперёд. Словно двуликий Янус, взирали маски ничего не видящими глазами и улыбались. Только Нэсс, отчаянно изогнувшись, пыталась смотреть назад.

Лицо её было необычным, неземным и, казалось, таило в себе огромную жизненную силу. Оно было узким, заострённым у подбородка и расширяющимся к огромным сияющим глазам, которые, словно у змеи, были полуприкрыты тяжёлыми веками. Рот её походил на узкий малиновый серп с загнутыми кверху концами, напоминая полубезумные улыбки мраморных древних этрусков.

Тело её, как и тела тех, среди которых она находилась, было не более человеческим, чем искажённые фигуры людей на полотнах Эль-Греко, и подобно людям с картин испанского художника, удлинённые пропорции придавали необычайное изящество и красоту этим фигурам,

в сравнении с которыми обычные люди казались приземистыми и неуклюжими.

У Нэсс так же, как и у других, на затылке была улыбающаяся маска. На голове, между лицом и маской, была надета стеклянная корона. В ушах висели серьги — маленькие шарики с дырочками, из которых струился свет. От малейшего движения серьги качались и по щекам метались лучики света.

Все фигуры были одеты в одеяния цвета бледно-зелёного льда, свободно разлетающиеся от широкого воротника, напоминающего стихарь. Казалось, Нэсс прилагала огромные усилия, чтобы обернуться.

— Закрой его, — снова закричала она. — Быстрей. Так вы никогда не попадёте назад.

Колебания воздуха усилились.

Сойер повторил: «Олпер, быстрее» — и попытался обернуться и отступить назад.

Не тут-то было.

Воздух решительно и безжалостно сопротивлялся их движению назад. Это не было давление чего-то твёрдого и тяжёлого, а скорее походило на поток мельчайших колючих частиц, исходящих от стены позади них.

— Я уже пыталась, — спокойно сказала Клай. —

Но это невозможно. Я не могу даже просто стоять на одном месте. Смотри, мы начинаем двигаться.

Сойер попытался было бороться против нарастающего давления воздуха, но вскоре понял всю бесполезность своих попыток и сдался. Впереди них Нэсс тоже отчаянно боролась. Её неземное лицо выражало ярость и беспокойство. Поток подхватил её и ей подобных, словно сильный ветер, и понёс вперёд.

Расстояние между ними начало быстро увеличиваться. Тогда Нэсс вытянула руку в повелительном жесте и потребовала:

— Олпер! Иди ко мне. У тебя есть Жар-птица и поэтому ты можешь двигаться. Отдай её мне.

Олпер возбуждённо засмеялся. Он резко нажал на брусок, и крылья тут же сложились. В воздухе всё стало тихо и свет исчез. Олпер поднял брусок вверх, как бы дразня Нэсс.

— Ты лишила меня единственного источника существования, — кричал он удаляющейся Нэсс. — Теперь он у меня в руках. Что я, дурак, чтобы отдавать его тебе?

— Он мне нужен, — отчаянно взывала Нэсс. — Ты не понимаешь, что ты творишь. Что значит твоя жалкая хомья жизнь в сравнении с моей? Я

не посмею даже выйти без Жар-птицы.

В голосе начали появляться угрожающие нотки.

— Неужели ты думаешь, я пощажу тебя и не отберу её назад, когда мы подойдём к концу коридора? Торопись, хом, если тебе дорога жизнь.

По мере того, как она удалялась, голос её становился всё тише и лишь эхо отражалось от ледяных стен.

— Верни её мне! — крикнула она откуда-то издалека, маленькая, уменьшающаяся фигурка с яростно горящими глазами. — Верни её мне и я пощажу тебя. Но торопись, пока я…

Одна из быстро удаляющихся фигур свернула в сторону и резко встряхнула Нэсс за плечо. Нэсс повернула голову вперёд и издала дикий, пронзительный, полный ярости и отчаяния крик, который раскатился по всему коридору.

Многочисленные двойники Нэсс, казалось, не обращали никакого внимания на то, что происходило вокруг них. Невидимая сила, несущая их вперёд со всё увеличивающейся скоростью, закружила их в вихре и направила к шевелящейся завесе, закрывающей дальний конец коридора.

Бледные, прозрачные, ниспадающие складками занавеси переливались и играли. Словно

полярное сияние, — подумал Сойер. — Те же складки, те же движения. Скользящие фигуры по одному и попарно исчезали между складками, переходя в какой-то иной, неведомый мир, который лежал за занавешенным выходом из коридора.

— Олпер, — сильный, мелодичный голос Нэсс, отражаясь от стен, звучал как орган. — Олпер, ты опоздал. Теперь слушай меня. Только очень внимательно. Те, кто находятся за занавесом, уже увидели меня и доложили богине.

Она захочет заманить меня в ловушку. Я постараюсь добраться до тебя, как только смогу. А пока спрячь Жар-птицу и никому её не показывай. Если хочешь остаться жив, делай, как я сказала. Ни в коем случае…

Голос её неожиданно смолк. Нэсс исчезла за колеблющимся занавесом, в последний раз взглянув на них огромными, полными решимости и злобы глазами.

Олпер инстинктивно сжал в руке Жар-птицу и вопросительно посмотрел на Клай.

— Я… я ничего не понимаю, — сказал он. — Мы как будто во сне. Где мы? Клай, мне кажется, она думала, что ты… ты на самом деле понимаешь, что происходит?

Клай крепче прижалась к плечу Сойера. Они

оба медленно шли вперёд, подгоняемые мягким, но настойчивым потоком воздуха, Олпер сделал два-три быстрых шага и догнал их.

— Это не сон, — произнесла Клай, причём акцент её стал сейчас гораздо сильнее. — Сном было моё пребывание в Фортуне. А сейчас я, кажется, начинаю пробуждаться. Мой мир — в конце этого коридора. Хомадия. Там живёт мой народ. И там нами правят айзиры. Где…

Она неожиданно замолчала, словно ей не хватало дыхания. Пальцы её конвульсивно впились в руку Сойера, как бы в страшном испуге.

— О, нет, — закричала она. — Только не это. Я не могу туда вернуться.

Она изо всех сил старалась повернуть и пойти назад. Меховая шубка и сапоги сильно мешали ей. Тогда она скинула их и вновь отчаянно попыталась пойти против потока. Но попытки её не принесли успеха.

— Что с тобой? — спросил Сойер. — Что ты такое вспомнила, Клай? Что тебя так напугало?

— Н-нэсс, — заикаясь ответила Клай и с содроганием взглянула на приближающийся занавес, за которым исчезали закутанные в покрывала фигуры, чьи симпатичные лики-маски смотрели на людей невидящим взором. — Я помню айзи-

ров. Когда мой дедушка служил в храме, Нэсс уже тогда была кандидатом в богини. Она следующая обладательница двуликой маски. Но меня так долго не было…

С этими словами она коснулась своей щеки, как будто удивляясь себе самой не меньше, чем своим воспоминаниям.

— Меня не было здесь целых два года, если, конечно, время на Земле движется так же, как наше. Но я не могу туда вернуться. Меня предназначили в жертву Жар-птице. Что же мне теперь делать?

Она бросила умоляющий взгляд на Сойера.

— Подожди, — сказал он. — Давай всё-таки разберёмся. Ты думаешь, что в конце коридора начинается другой мир, так? Твой мир?

— Думаю? — в отчаянии воскликнула она. — Я в этом уверена. Ты видел Нэсс. Ты видел других. Это — айзиры. Ты что, воображаешь, что ты всё ещё на Земле? Они что, похожи на людей? Зачем же ты спрашиваешь, когда и так всё ясно?

Сойер задумчиво посмотрел на неё. Затем перевёл взгляд на симпатичные, удаляющиеся лица-маски и длинные, изогнутые фигуры, скользящие над собственными отражениями на ледяном полу. С усилием повернув назад голову, он посмотрел на то место в стене, сквозь

которое они очутились здесь. Он подумал, что, может быть, кто-нибудь просто огрел его чем-то тяжёлым по голове, пока он был в шахте, и он на самом деле лежит там, на влажном полу, и всё это ему просто снится.

— Сон это или не сон, но надо что-то делать, — сказал он. — Олпер, ты единственный, кто может передвигаться. Посмотрим, сможешь ли ты нам помочь.

Олпер с видимой неохотой взгромоздил перед ними своё тучное тело. Поток воздуха подхватил их, а заодно и Олпера с такой лёгкостью, словно он был пушинкой. Приблизившись, Олпер крепко ухватил Клай за запястье и упёрся ногами в пол. Но поток безжалостно увлёк их вперёд, и ноги Олпера скользили по гладкому ледяному полу.

Сойер вздохнул.

— Ну ладно. Хорошо, что попробовали. А что дальше? Скажи, Клай, что там за этим занавесом?

— Город, — нетерпеливо ответила она, всё ещё делая попытки за что-нибудь зацепиться. — Там Хомадия, моя родина. Мне ещё много придётся вспомнить. Я многое забыла. Но одно я знаю точно — Нэсс очень опасна.

— Расскажи, что ты знаешь о ней, — попросил

Сойер. — Но быстрее. У нас мало времени.

— Она из рода айзиров, — бессмертных богов, которые управляют Хомадией. Они вечно молоды и неуязвимы. Даже богиня будет править вечно, если не произойдёт какая-нибудь беда, и тогда сами боги её обвинят.

— Богиня? — спросил Сойер.

— Она такая же, как Нэсс и другие айзиры, только наделённая громадной силой и властью, носящая двуликую маску и чёрное одеяние. Нэсс станет богиней через три дня, если только она не солгала. За то время, что меня здесь не было, дела в Хомадии, должно быть, ухудшились, иначе Нэсс не могла бы надеяться на смену власти.

— Какие-то неприятности, — подсказал Сойер. — А нас они тоже коснутся? Расскажи, что ты помнишь.

— Скорее всего это распри между самими богами, — неуверенно предположила Клай. — Откуда нам, хомам, знать? Но айзиры почему-то вдруг начали… исчезать, превращаясь в пар, и никто не знает причины. А потом появились безобразные, ужасные существа, которые пришли из нижнего мира, и никто, даже айзиры, не, могут с ними справиться. Для бедных же хомов всё это означало, что их чаще прежнего стали приносить в

жертву. Как только мы доберёмся до конца коридора, они возьмут меня как избранную жертву и отдадут на съедение Жар-птицам на ближайшей же церемонии…

— Может быть, и не отдадут, — сказал Сойер. — Мы постараемся найти выход. Скажи, что такое Жар-птицы? То же, что и у Олпера?

Она с сомнением покачала головой.

— Ты видел Жар-птиц. Это привидения, духи, которые забирали уран из руды. Для меня это было открытием. Когда я жила в Хомадии, я и представления не имела о том, какие они. Я знала только, что из глубины Колодца миров, куда бросают человеческие жертвы, иногда доносятся звуки, словно от взмахов крыльями. Поэтому айзиры назвали это место колодцем Жар-птиц, и жертвы предназначены им на прокорм. Но живя в Хомадии, мы никогда не видели ни одного привидения, как там, в шахте. И конечно, в Хомадии никогда не слышали об уране.

Она остановилась.

— Как странно. Мне всё время приходят на ум сравнения — Земля и Хомадия.

— А что же тогда это? — спросил Олпер, подняв руку с бруском.

— Не знаю. Нэсс зовёт его Жар-птицей. Мне

кажется это символ, талисман. Когда его открываешь, он становится похож на духов, правда? Мне кажется, он притягивает их к себе. Помните, как дрожал воздух и становилось очень светло, когда вы его открывали?

— Брусок открыл стену, через которую мы прошли сюда, — сказал Олпер. — Я сам это видел. Но, кажется, он может открывать её только в одну сторону.

— Что-то вроде ключа? — предположила Клай. — Ключ между мирами. Тогда понятно, почему Нэсс так его добивается. Я даже скажу больше. Если она собирается через три дня стать богиней, то теперешняя богиня приложит все силы к тому, чтобы её убить. Она не отдаст так просто двуликую маску. Нэсс нужна Жар-птица, чтобы справиться с богиней.

— В Жар-птице заключена колоссальная сила, — сказал Олпер глухим, хриплым голосом. — И она у меня в руках. Если Нэсс что-нибудь от меня захочет, ей придётся…

— Да вы просто круглый дурак, — устало сказала Клай. — Нэсс — айзир, полубог. Здесь, в моей стране, вы люди — такие же хомы, как и мы. Вы что, этого не понимаете?

Сойер усмехнулся.

— Ты пытаешься померяться силами с самим дьяволом, Олпер, старый прохвост, — сказал он. — Но руки-то коротки. Слушай меня. Нам нужно держаться друг друга. И первое, что следует сделать — освободить меня от приёмника. Он может сослужить хорошую службу в случае с Нэсс, если на неё вообще что-либо действует. Как только ты выйдешь отсюда, тут же попадёшь в её лапы. Тогда-то ты вспомнишь мои слова.

— Нет, — сказал Олпер и его маленькие глазки подозрительно заблестели. — Пока я здесь, я свободен. В отличие от вас, я могу тут сидеть вечно. К тому же, на тебя у меня всегда найдётся управа. Так что поживём — увидим.

Сойер посмотрел на колеблющийся в конце коридора занавес, который находился теперь совсем близко. Мягкий, но настойчивый поток воздуха нёс их вперёд и вперёд.

— Словно поток электронов в электронно-лучевой трубке, — неожиданно подумал Сойер, видя, как ему навстречу качнулся занавес. — Если ты электрон, то не можешь двигаться против потока. Этот конец коридора — катод, и мы к нему стремимся.

Занавес на минуту накрыл им лица. Последним, мягким, но сильным толчком поток воздуха

вынес их наружу. Мигая, стояли они наверху широкой, невысокой лестницы, выходящей на открытую площадь, а над их головой предгрозовой закат окрасил небо в красный свет. У Сойера подгибались колени. Было непривычно вновь ощутить себя на свободе.

— Вот она, — тихо прошептала рядом с ним Клай. Он услышал длинный, прерывистый вздох. — Хомадия. Я снова дома.

V

Мир, в который они попали, оказался довольно шумным. Ступеньки лестницы вели вниз на заполненную народом площадь, где среди толпы более низкорослых особей, именуемых хомами, величественно вышагивали высокие айзиры в ниспадающих складками полупрозрачных одеждах. Один из айзиров выбивал на необычном квадратном барабане очень ритмичную дробь, а собравшиеся вокруг другие боги покачивались в такт ритму, в то время как их маски на затылках были повёрнуты в сторону толпы.

Другая группа двуликих людей оживлённо спорила о правилах какой-то игры, но несмотря на явные разногласия, речь их звучала, словно

звуки музыки. Один из вновь прибывших, стоявший несколькими ступеньками ниже Сойера, сначала бешено замотал головой, а затем, издав неожиданный звенящий крик, стал спускаться по лестнице в направлении группы игроков. Те шумно расступились и приняли его в свою компанию.

С дальнего конца площади донёсся ритмичный металлический перезвон, сопровождаемый высокими завываниями. Вся площадь тут же наполнилась шумом, двуликими фигурами, шорохом тяжёлых полупрозрачных одеяний, ритмом и музыкой. Небо переливалось яркими, холодными красками.

Среди высоких, змееподобных фигур, смиренно бродили люди, называемые хомами, на которых айзиры не обращали ни малейшего внимания. Наконец-то Сойер понял, каково происхождение Клай. Кругом было полно людей с такими же высокими скулами и тем же разрезом глаз, что так пленили его в Клай. Большинство людей было темноволосыми и довольно низкорослыми, по сравнению с высокими, горделивыми богами. Они были одеты в невзрачные серо-коричневые туники и рейтузы, а сверху фартуки или спецовки. На ходу они оглядывались и торопливо

уступали дорогу проходящим айзирам.

По краям площади Сойер увидел сложные нагромождения зданий из кирпича и камня, улицы, петляющие между домами и теряющиеся вдали. Сгущались сумерки, в тусклых переулках между домами зажигались огни.

Над домами, словно паря в воздухе, высились башни из льда или стекла, формой напоминающие корону. Башни сверкали, словно алмазные, в холодном и жёстком свете, косо падавшем из облаков.

— Храм, — тихо проговорила Клай, — Видишь? Когда начинается церемония открытия колодца, свет, излучаемый Жар-птицами, освещает не только верхушки башен, но и полгорода впридачу.

Мимо них по ступенькам лестницы спускались на площадь айзиры. Прямо под ними, словно в глубоком раздумье, стояла Нэсс, то и дело оглядываясь назад. Её яркое недоброе лицо с улыбкой этрусской маски и огромными змеиными глазами было полно гнева и страха. Она смотрела мимо людей на занавес, из-за которого они только что появились. Обернувшись, Сойер увидел одутловатое лицо Олпера, выглядывающего из-за колышущихся складок. Столкнувшись с горящим

взглядом Нэсс, он отпрянул назад. Нэсс что-то яростно прошипела на своём языке и, извернувшись, словно змея, перевела взгляд на площадь.

Холодная дрожащая рука Клай ткнулась в ладонь Сойера.

— Смотри, — испуганно прошептала она. — Богиня. — Тут Клай низко опустила голову и глубоко надвинула на лицо опушённый мехом капюшон. — Может быть, меня не узнают, — с надеждой прошептала она. — Постараюсь спрятаться. Ах, если бы только дедушка знал!

Сойер сжал её руку в тщетной попытке утешить и посмотрел на площадь, на которую вышла сдвоенная колонна айзиров, быстрым шагом продвигавшихся через толпу. Колонна была построена в форме буквы V, прокладывая себе дорогу остроконечной вершиной. Длинные одеяния разлетались от быстрого шага. Вершина колонны достигла подножия лестницы, и шеренга раздвинулась. Между ними появилась великая и ужасная богиня айзиров.

На какую-то долю секунды Сойеру показалось, что он сходит с ума от ощущения абсолютной нереальности происходящего. Нет, он всё ещё находится в Фортуне, а страны Хомадии вовсе не существует! Пока поток нёс их по ледяному ко-

ридору, он был убеждён, что в конце концов окажется на открытом заснеженном пространстве рядом с урановым рудником или в какой-нибудь пещере глубоко под землёй. Но всё окружающее вовсе не было похоже на пещеру. Небо над головой, и в небе солнце. Интересно, какое? То же, что и на Земле? Где же тогда была Хомадия? Где…

Внезапно богиня заговорила, голос был и сильным и мелодичным.

— Клай, — произнесла она. Девушка вздрогнула, вздохнула и сбросила капор.

Богиня казалась высокой, покачивающейся чёрной башней, увенчанной неподвижным, бледным, не выражающим никаких чувств лицом с двумя огромными зелёными, гранёными, словно изумруды, глазами, слишком яркими, чтобы в них можно было смотреть. Если бы не маска, которая свободно покачивалась над абсолютно чёрным одеянием, можно было подумать, что это просто декорация. Ослеплённый глаз зрителя напрасно пытался бы отдохнуть на одежде, в которую она была закутана. Ниспадающее прямыми складками одеяние было того абсолютно чёрного цвета, который невозможно даже вообразить. Казалось, что там, где она стояла, зияла бездонная дыра.

Лицо богини не было видно. Она была единственной, кто носил две маски: на лице и на затылке. В овальных отверстиях маски, через которые должны были смотреть глаза, находились две огромные, плоские линзы, которые собирали окружающий свет и отбрасывали изумрудно-зелёное сияние. Сойер подумал о том, каким должен выглядеть мир через такую гранёную поверхность. Видит ли богиня, как паук своими фасеточными глазами?

Пристальный взгляд богини, словно два зелёных луча, коснулся Клай, и, оставив её на время в покое, задержался на Сойере. Там, где его коснулись лучи, он почувствовал ожог. Когда богиня отвела взгляд, Нэсс какой-то странной речью неожиданно попыталась привлечь к себе внимание богини. Но напрасно. Теперь взгляд остановился на занавесе, из-за которого появлялись айзиры…

Сойер повернулся и стал смотреть туда же. Лицо Олпера было едва заметно. Он с жадным любопытством выглядывал из-за занавеса, пытаясь разглядеть, что происходит. И добился своего. Встретившись взглядом с изумрудно-зелёными лучами, исходившими от богини, он вдруг на мгновение застыл, а потом оцепенело двинулся

вперёд.

Словно загипнотизированный, а может быть, и в самом деле в гипнотическом состоянии Олпер вышел из-за занавеса и стал спускаться по лестнице, двигаясь, точно робот. Рука Олпера была засунута в карман, и Жар-птицы видно не было.

Богиня вновь заговорила. Её голос был глухим, но сильно резонировал под маской. Колонна охранников двинулась вперёд. Сделав сложный прыжок, Нэсс оказалась между тремя людьми и приближающимися охранниками. Она скомандовала что-то резким голосом, который даже сейчас, когда она была разъярена, звучал мелодично. Охранники в нерешительности остановились и взглянули на богиню. Сойер подумал, что если Нэсс действительно суждено через три дня получить эту страшную маску, то охранники правильно сделали, что прислушались к её приказу.

Богиня опять заговорила. Голос звучал бесстрастно. Нэсс ринулась к ней. Они стояли друг против друга, покачиваясь, словно две раскрывшие капюшоны кобры, готовые броситься в атаку.

— Она угрожает богине, — едва прошептала Клай. — Она говорит, что сделает после того… нет, подожди, дай лучше послушать.

Богиня говорила звенящим на всю площадь голосом, а Нэсс отшатнулась назад и что-то прошипела. Айзиры и хомы затаили дыхание.

— Что такое? — нетерпеливо спросил Сойер. — Что она говорит?

— Тише, тише — шёпотом ответила Клай.

— Дай послушать. Просто так она двуликую маску не отдаст. Она бросает Нэсс вызов, требуя распечатать колодец. Это значит, что одна из них умрёт. Она хочет попытаться выиграть маску — это её право. Она…

— Я думал, что айзиры бессмертны, — удивился Сойер.

— Для других да. Но есть оружие, против которого айзиры бессильны. Богиня держит его в руках. Я не знаю, что это такое. И ни один хом не знает. Известно только, что если богиня извлекла его, то с этого момента её саму могут им убить. Но даже зная это, она бросает вызов! Она говорит, что или убъет Нэсс, или умрёт сама. — Клай глубоко вздохнула, затем тихо рассмеялась. — На это грандиозное представление у меня забронированы места в первом ряду партера, — сказала она, с улыбкой глядя на Сойера.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, сжимая её руку. — Что это такое — открытие колодца?

— Это торжественный обряд, — ответила Клай, — где обязательно требуются жертвы. И богиня узнала меня. Мне предстоит забавное приключение.

Нэсс неподвижно замерла перед ликующей соперницей. Казалось, она решила незаметно выйти из игры. Клай засмеялась. Услышав смех, Нэсс повернула голову, и серьги в её ушах качнулись. Она прошипела ещё несколько злобных фраз, обращённых к богине, а потом обернулась к группе ожидавших своей участи людей, бросила уничтожающий взгляд на Клай. У девушки от страха перехватило дыхание, и она крепко прижалась к Сойеру. Сложенные в улыбке-полумесяце губы Нэсс мстительно раздвинулись. Затем огромные глаза остановились на Олпере, который стоял, словно статуя, уставившись на богиню.

— Я подойду к тебе позже, — быстро проговорила она низким голосом. — Если тебя спросят, не говори ни слова о Жар-птице. Помни, что я тебе сказала, иначе мы все погибнем. Ты меня слышишь, Олпер?

Он молча кивнул.

Она отвернулась от него и спустилась к богине. Тем временем колонна охранников-айзиров

окружила Олпера, Сойера и Клай. На полных высокомерия лицах айзиров не отражалось ни единой эмоции, но хватка их холодных пальцев оказалась железной, когда, подхватив Сойера под руки, они поволокли его вниз по лестнице. Олпер пришёл в себя и даже попытался сопротивляться, Клай же, оказавшись в руках богов, совершенно пала духом.

Когда охранники повели своих пленников к стеклянным башням храма, над их головами в разрывах грозовых облаков проглядывал кроваво-красный закат. Пока длинная колонна пробиралась сквозь толпу горожан, стемнело, и один за другим начали зажигаться огни. В узких переулках пленников вели по одному, и Сойер не мог даже словом перекинуться с Клай. Девушка откинула на спину капюшон и жадно разглядывала знакомые улицы, как бы надеясь на чудесное спасение.

Сойер шёл словно во сне, слыша вокруг себя незнакомую речь, видя загорающиеся в домах незнакомые огни и движущиеся за занавесками загадочные тени. Мир этот, несмотря ни на что, был вполне реальным. Из окон, светящихся темно-малиновым и ярко-зелёным светом, доносилась странная музыка высокой тональности,

исполнявшаяся на незнакомых инструментах. То и дело ощущались ароматы неведомых кушаний, смешиваясь с до боли знакомым запахом дыма от горящих поленьев. Мальчишки визгливыми голосами предлагали что-то, лежавшее в конусообразных проволочных сетках, но что это было, Сойер рассмотреть не смог. Маленькие торговцы сновали туда-сюда в толпе, занимаясь бойким вечерним бизнесом.

Но стоило айзирам с пленниками приблизиться, как толпа мгновенно замолкала и расступалась. За время пути Сойер увидел много лиц, в глазах которых светилось искреннее сострадание. Но что могли сделать эти несчастные создания, кроме как посочувствовать пленникам, да надеяться, что судьба окажется милостивее к ним самим. Однажды из окна, расположенного довольно высоко от земли, кто-то бросил пятнистый фиолетовый фрукт, который стукнулся о маску на затылке айзира, идущего как раз впереди Сойера. Айзир обернулся, внимательно всмотрелся, запоминая окно, и продолжил путь. От этого взгляда по спине Сойера пробежала дрожь.

Они только-только добрались до улицы, на которой стоял храм, как раздался сильный раскат

грома и начался дождь, окрашенный закатом солнца в малиновый цвет. Послышался стук закрываемых окон и дверей, женщины начали звать детей с улицы. И когда они подошли к храму, улица была пуста и только ливень поливал их, не щадя сил.

Ворота были похожи на стеклянные или ледяные, с высокой, взмывающей вверх аркой, почти готической по форме и сложности сплетённых узоров. Ворота были прозрачными, но в красном свете заката они приобрели зловещий оттенок. С улицы ворота прикрывала раздвижная медная решётка.

Процессия остановилась. Шедший впереди айзир вытянул тонкие губы трубочкой и издал мелодичный свист, похожий на звук флейты. Какое-то время они молча стояли у ворот.

Решётка, подрагивая, начала расходиться, и в этот момент у входа в переулок, справа от Сойера, послышался какой-то шум. Он не мог разглядеть из-за косо падавшего дождя, что там происходит, но услышал крики и ржание несущихся на них людей и животных. Стены дрожали от грохота повозок, который многократно усиливался благодаря уличному эху.

Когда шум и грохот приблизились, Сойер раз-

глядел несколько повозок, доверху гружённых чем-то, что по виду и запаху напоминало мокрую шерсть. В повозки были впряжены бешено несущиеся лошади — маленькие лохматые создания, пятнистые, словно леопарды. Передней повозкой правил полный пожилой человек в одежде уличного торговца. Ногами он упирался в передок телеги, а сам согнулся вперёд, подгоняя кнутом и без того несущихся во всю прыть лошадей. За первой повозкой мчались другие; люди в них громко кричали на лошадей. Шум дополняли крики бежавших за повозками людей и лай собак. Повсюду распахивались окна и выглядывали головы любопытных. Вокруг нарастала паника. Волна неразберихи подкатила к процессии и захлестнула её. Возбуждённые лошади вставали на дыбы и храпели, сея ещё больший беспорядок среди тех, кто стоял у ворот храма. Все собаки в округе оглушительно лаяли, лошади ржали, причём звуки эти чем-то напоминали человеческие вопли, а кричавшие люди бегали между накренившимися телегами, стегая лошадей и пиная собак, вертевшихся под ногами.

Даже надменные айзиры растерянно отступили перед такой неожиданной атакой. Сойер почувствовал, как его локоть сжали, словно

железными тисками, и он без сопротивления позволил отвести себя к стене ближайшего дома. Айзиры тоже начали кричать глубокими, напоминающими звон колокола голосами, сердито отдавая приказания. Одна из лошадей брыкалась, как сумасшедшая. Она с ужасным грохотом опрокинула телегу, и огромные тюки шерсти раскатились по мокрой мостовой.

Среди всей этой толчеи Сойер случайно увидел Клай. Она была взволнована и жадно всматривалась в лица бегущих мужчин.

Случайно наступив ногой в лужу, Сойер поскользнулся. Державший его айзир попытался удержаться. Но Сойер подтолкнул его и схватил за ногу. Они оба упали и покатились в сторону айзира, державшего Клай.

Это был именно тот шанс, которого она ждала. Извернувшись, словно змея, вылезающая из своей кожи, она выскользнула из своей шубы и моментально очутилась у передней повозки. Толстый старик, крикнув «Клай!», подхватил её, и повозка тут же скрылась из вида. Остальные возницы с радостными криками умчались за ними. «Дедушка», — подумал Сойер.

Несколько особо нервных собак всё ещё бегало и лаяло в соседнем переулке, но вскоре и они

успокоились, и всё произошедшее теперь казалось сном. Клай исчезла, как будто она вовсе не существовала, исчезла в городе, одновременно и родном и чужом для неё.

Всё случившееся произошло так быстро, что когда решётка окончательно раздвинулась и ворота открылись, уже стояла полнейшая тишина. Страж Сойера подтолкнул его вперёд, за слегка позванивающую медную решётку. Сойер оглянулся и в последний раз увидел лежавшую на дороге шубу Клай. Решётка закрылась, и все звуки внешнего мира внезапно умерли.

Олпер разместился на низком уступе в пустой стеклянной камере и смотрел на Сойера. Сойер сидел на полу в противоположном углу камеры и, обняв колени, смотрел на Олпера.

— Ну и дурак же ты, — выпалил Олпер.

Сойер промолчал.

— Помог ей сбежать, — продолжал Олпер. — Ничего более идиотского нельзя придумать. Теперь нам придётся за это отвечать.

Не возражая, Сойер окинул взглядом голые гладкие полупрозрачные стены. В стене должна была находиться дверь. Во всяком случае, через неё их сюда ввели. Но дверь закрылась так плотно, что стала невидимой. Откуда-то сверху в

камеру падал свет.

— Мне здесь не нравится, как и тебе, — наконец произнёс Сойер. — И я хочу выбраться отсюда как можно скорее. И не забывай, что теперь мы вместе плывём в одной лодке.

— Лодке! — фыркнул Олпер. — Нашёл сравнение. Это тебе не Земля. Не понимаю, почему…

— Я думаю, ты знаешь больше, чем я. И если мы хотим выжить, тебе придётся рассказать мне всё. О Нэсс, например, неужели она никогда даже не намекала тебе о существовании другого мира?

— Нет, — угрюмо ответил Олпер. — Когда я впервые увидел её в Фортуне, мне показалось, что я грежу. Но когда она прикоснулась ко мне и я почувствовал, как по моим жилам заструилась энергия… — Он с победным видом взглянул на Жар-птицу в своей руке. — …после этого я готов был отдать ей всё, что она попросит.

— Урановую руду?

— Да. Она не хотела, чтобы уран добывали и увозили. Поэтому я и попытался закрыть шахту. Но о том, что существует какой-то другой мир, я и понятия не имел.

— Придётся свыкаться с этой мыслью, — сказал Сойер. — Мне кажется, мы больше преуспеем, если будем друзьями, а не врагами. Может, за-

ключим перемирие? У меня объективно нет никакой возможности послать сейчас в Торонто свой доклад. Я думаю, мы пробудем здесь ещё какое-то время.

Олпер неохотно кивнул.

— Вот и хорошо, — обрадовался Сойер. — Тогда первая моя просьба, — освободи меня от приёмника.

— Нет, — ответил Олпер.

— Почему? Контролировать меня в такой ситуации вряд ли разумно.

— Это как посмотреть. Например, он не позволит тебе меня убить, — сказал Олпер, серые глаза которого подозрительно следили за Сойером. — Я-то знаю, что бы я сделал на твоём месте.

— Ты просто дурак, — заключил Сойер.

Олпер на минуту задумался.

— Ладно, согласен, — сказал он. — Перемирие сейчас — лучшее, что мы можем придумать. Итак, с сегодняшнего дня мы работаем вместе. Но приёмник в твоей голове останется — как гарантия моей безопасности. Что ты там говорил о планах? Каких, например?

Сойер снова обнял колени.

— Единственное разумное, что я могу сейчас предложить, — угрюмо произнёс он, — это

ждать.

VI

Они просидели в полном молчании минут десять, время от времени бросая друг на друга недружелюбные взгляды, как вдруг в углу камеры, находившейся напротив двери, послышалось странное гудение. Они оба оглянулись. Нижняя часть стены, куб со стороной в метр, начала мерцать. Поверхность куба стала прозрачной, и какое-то время внутри него можно было разглядеть сложную кристаллическую решётку. Через секунду мерцающий куб превратился в горячий зеленоватый пар, заполнивший всю камеру. Постепенно тепло рассеялось. В воздухе висел зелёный туман, зато в стене зияло квадратное отверстие. Куб словно испарился, не растаяв, как куски сухого льда.

В тёмном отверстии появилась увенчанная стеклянной короной голова айзира, который внимательно рассматривал обоих пленников, словно фермер, пересчитывающий обитателей курятника. Божественное чело айзира было усеяно капельками пота. Вероятно, температура испарившихся веществ была достаточно высокой.

Большие, полуприкрытые веками глаза айзира сначала холодно осмотрели Сойера, а затем и Олпера; по-видимому, убедившись, что именно этот человек ему нужен, айзир, не влезая в камеру, вытянул длинную руку и бросил на колени Олпера небольшой чёрный свёрток.

Прежде чем кто-либо проронил хоть слово, голова айзира исчезла в проёме. Какое-то мгновение отверстие было пустым, затем через него в камеру ворвалась струя холодного воздуха. Зеленоватый пар в камере начал конденсироваться с поражающей скоростью. В мгновение весь пар как бы всосался в отверстие, через которое он поступил, воздух снова стал прозрачным, а отверстие исчезло.

Олпер осторожно потрогал свёрток, затем подозрительно взглянул на Сойера. В этот момент все сомнения разрешились сами собой, так как туго свёрнутый узелок превратился в мягкий узел из мерцающего материала абсолютно чёрного цвета. Узел сохранял форму благодаря собственному силовому полю. Когда и эта обёртка раскрылась, из неё выпало нечто похожее на плащ, размеры которого казались неправдоподобно большими по сравнению с первоначальным объёмом свёртка. Из середины плаща с резким щелчком

вылетел свёрнутый в трубку лист бумаги и с шуршанием развернувшись упал на пол.

Олпер осторожно поднял его, держа за самый кончик. На белой поверхности было что-то написано. Глаза Олпера забегали по строчкам. Когда он дошёл до конца, лицо его сияло торжеством. С довольной усмешкой он взглянул на Сойера, и рука его поползла в карман.

Ударил гром. В глубине, в лобных долях мозга Сойера молния калечила зрительные бугры, посылая такие импульсы, что он был полон страха за своё зрение. Биения его собственного пульса, усиленные до трубных звуков Страшного суда, заглушали сознание. Но на сей раз Сойер оказался к этому готов. Он увидел, как рука Олпера скользнула в карман, и понял всё. Рефлекс, зревший в его сознании с тех пор, как Олпер применял это оружие в последний раз, проявился в том, что его мускулы и нервы сработали сами, совершенно подсознательно.

До того, как разразился гром, он уже стоял на ногах, а когда гром ударил, Сойер был в воздухе. Внимание Олпера было отвлечено письмом и лежащим на его коленях плащом. И хотя тот, кто прыгнул на него, действовал инстинктивно, сила удара от этого меньше не стала.

Удар пришёлся сбоку и сверху. Пытаясь защититься от Сойера, Олпер выставил вперёд руки, вытащив их из кармана, и пытка Сойера тут же прекратилась.

Сойер с удовольствием прикончил бы Олпера, если бы мог. Но Олпер, защищаясь, привстал, и ребро ладони, целившее в шею, попало в скулу. Другой рукой Сойер ударил его в живот. Олпер согнулся пополам, и тогда резким движением Сойер ударил его коленом в лицо.

Сойер наклонился над корчившимся на полу телом, чтобы добить его ударом в основание черепа, но в этот момент слабый проблеск сознания напомнил о грозившей опасности. Если Олпер умрёт, то приёмник в его голове взорвётся. Сойер ударил его в челюсть. Потом ещё раз. Он остановился и, внимательно посмотрев, убедился, что Олпер без сознания; перевернув его, он засунул руку в тот карман, откуда ударяли громы, разрывающие его мозг. Он нашёл маленькую, плоскую коробочку размером с корпус наручных часов. Одним пальцем он слегка надавил на неё. В голове тут же раздалось зловещее шуршание тока крови и звук собственного дыхания, многократно усиленные передатчиком.

Он наклонился вперёд и ослабил нажим. Затем

приложил ухо к карману пальто.

— Олпер, — тихо позвал он. — Олпер?

Из маленькой коробочки донёсся его собственный голос, только чуть тоньше, повторивший то же имя. Итак, это был ещё и радиоприёмник, и микрофон — Олпер не соврал. Многоцелевой, универсальный прибор в его голове был одновременно и радиомаяком, который всегда даст знать Олперу о его местонахождении, как бы далеко друг от друга они не были.

Сойер вздохнул и вытащил коробочку из кармана Олпера. Это было нетрудно. Она не соединялась с Олпером каким-либо проводом. Но как только зловещий пульт удалился из биополя Олпера, в голове Сойера вновь зашумело, и чем дальше он отходил от Олпера, тем громче становился шум. Сойер отступил ещё на шаг, и шум превратился в гром. Он тряхнул головой и отступил ещё на шаг.

Через мгновение он бросился к Олперу, как к спасательному кругу, и засунул коробочку обратно ему в карман. Пытка мгновенно прекратилась.

Итак, перед ним была дилемма. Он не мог больше терпеть действие приёмника на свой мозг и не мог найти способ от него избавиться.

Он энергично согнул руку и посмотрел на беспомощно распростёртое тело своего мучителя, которого не решался умертвить из боязни убить самого себя.

Олпер сказал, что у пульта управления был какой-то выключатель. При этом он добавил, что даже Гудини не смог бы найти его код и что это под силу только сверхмощному компьютеру. Сойер снова залез в карман Олпера и вытащил металлическую коробочку.

Может быть, вся хитрость выключателя заключалась в его необычайной простоте? А может быть, Олпер ему солгал и выключателя нет вообще? Он внимательно осмотрел коробочку. Даже если бы у него была масса свободного времени, он вряд ли смог бы найти выключатель и отгадать комбинацию, отключавшую его мозг.

Минут через десять, поняв, что это абсолютно безнадёжно, он опять положил коробочку в карман Олпера и решил посмотреть записку, которая послужила сигналом к нападению Олпера на него.

Записка была написана на хрустящей, гладкой и белой бумаге на английском языке, но таким корявым почерком, как будто автор её лишь научился писать. Однако содержание было по-

нятным и логичным.

«Олпер, я спасу тебя, если смогу. Но мне нужна твоя помощь. Конкретно, мне нужна Жар-птица, которую ты у меня украл. Ты хочешь жить. Мы можем договориться, если ты будешь вести себя так, как я скажу. Я посылаю чёрный плащ, в котором ходят слуги богини, исполняя её поручения. После того, как стемнеет, ты будешь абсолютно невидимым. Камеру можно открыть так. Поднеси одну из кнопок, расположенных вдоль плаща, к любой стене. Нужная тебе стена начнёт теплеть при поднесении кнопки. Как только кнопка прилипнет к стене, тут же отпусти её, иначе обожжёшь руки. Когда ты накинешь плащ на голову, то услышишь звуковой сигнал. Он поможет тебе не сбиться с пути и приведёт ко мне. Будь осторожен, ни с кем не разговаривай и не отвечай ни на какие вопросы. Поскольку ты одет в платье служителя храма, ты имеешь на это полное право».

Последний абзац был жирно подчёркнут.

«Я смогу помочь тебе, если ты обещаешь хранить молчание. От твоего напарника надо избавиться прежде, чем ты покинешь камеру. С помощью Жар-птицы это сделать не так уж трудно. Открывай Жар-птицу только тогда, когда убедишься, что вы с землянином в камере одни, иначе охрана заберёт её у тебя. Не оставляй Жар-птицу надолго открытой, а используй её, когда тебе нужна энергия».

В конце письма стояла подпись: «Нэсс».

Сойер снова посмотрел на Олпера и с трудом подавил в себе желание убить его. Затем он поднял плащ. Он был невесомым, тонким, шелковистым и настолько чёрным, что на него было невозможно долго смотреть.

Конечно, он не знал, что ждало его впереди и каковы были планы Нэсс, но по сравнению с теперешним положением узника любой выход казался предпочтительным. Единственное, что мучило его, было осознание своей зависимости от лежавшего на полу камеры человека, который мог в любой момент проявить власть над ним или даже убить.

Сойер помотал головой, полагая, что хорошая

встряска способствует прочищению мозгов. Теория не замедлила подтвердиться. В следующее мгновение, осенённый блестящей идеей, он рассмеялся, бросил на пол плащ и наклонился над Олпером. Перевернув его на спину, он начал шарить в его карманах и в одном из них обнаружил Жар-птицу.

На обратной стороне записки Нэсс ручкой Олпера он написал следующее.

«Спасибо за плащ и Жар-птицу. Жаль, что не удалось тебя укокошить. Но моя жизнь, к сожалению, зависит от твоей. С этого момента ты будешь зависеть от меня, как я от тебя. Это куда надёжнее, чем любые обещания и перемирия. Только попробуй ещё хоть раз коснуться пульта управления и ты никогда не увидишь Жар-птицу, как собственных ушей. Если не будешь мне мешать, а план мой удастся, я за тобой приду. Это единственная сделка, которую я могу тебе предложить. Примешь ли ты мои условия, дело твоё. Но предупреждаю, не трогай пульт управления, иначе Жар-птица исчезнет для тебя навсегда. Энергии, полученной

тобой от неё, хватит как раз до моего появления.

Получишь ли ты её ещё, будет зависеть только от меня. Помни об этом, когда захочешь вновь испытать на мне свою силу».

Сойер решил, что подписываться необязательно. Он завернул в записку пульт управления и сунул Олперу в карман. Затем набросил на себя плащ, опустил капюшон и, проведя рукой по подкладке, нащупал ряд маленьких съёмных кнопок.

Когда Сойер поднёс кнопку к той стене, через которую появлялся айзир, небольшой участок стены начал теплеть. Сойер приложил к этому месту кнопку и, когда она прилипла, быстро отскочил назад. В стене замерцала кристаллическая решётка, повеяло горячим воздухом, появился зелёный пар, и стена начала испаряться, открывая проём внизу. Как только он стал достаточным, чтобы протиснуться, Сойер выскользнул из камеры. От лежавшей в кармане Жар-птицы по всему телу разливалось мягкое, приятное тепло. Он даже пожалел, что не открыл ненадолго Жар-птицу, чтобы запастись от неё энергией. Ведь

Нэсс явно дала понять, что в закрытом состоянии Жар-птица не выделяет энергию. Сойер устал, его мучили голод и жажда, но всё это были пустяки по сравнению с тем, что его ожидало.

Впереди замерцал свет. Дождь падал на мостовую длинными, косыми струями, которые искрились в свете затемнённых шторами окон. Дождь барабанил по глубоко надвинутому капюшону, стекал холодными струями с плеч и своим шумом почти заглушал позывные Нэсс. Сойер медленно шёл по безлюдным улицам, чутко прислушиваясь к сигналам, доносившимся из двух маленьких кнопок внутри капюшона, расположенных по бокам.

Сойер старался держаться тёмных глухих переулков и улочек. Пытаясь сосредоточиться на том, что ему предстояло сделать, он отложил в сторону все сомнения. Очевидным было лишь то, что он брёл по улицам незнакомого, чужого мира. Само существование айзиров служило этому подтверждением. Насколько этот мир был ему враждебен, он ещё до конца не понял, но уже узнал достаточно, чтобы быть предельно осторожным.

Айзиры владели определёнными техническими знаниями. Они знали, что медь проводит ток,

и использовали это её свойство при сооружении решётки для ворот храма. Испарение стен камеры — ещё одно достижение, за которым стоит овладение сложной технологией. Прикосновение кнопки к стене вызвало немедленную активацию молекул, которая приводила к выделению большого количества тепла и испарению твёрдого материала. Как происходило обратное превращение пара в твёрдое вещество, — оставалось загадкой, но, очевидно, какой-то механизм конденсации обусловливал дезактивацию молекул, и испарившееся вещество переходило в первоначальное состояние.

Но сам по себе факт, что айзиры владели высокоразвитой технологией, ещё ничего не означал. Почти у всех технически развитых цивилизаций есть что-то общее, но при этом они могут быть абсолютно чуждыми друг другу.

Вероятно, у всех народов и во все времена по утрам в домах топятся очаги, зажигается свет, готовится еда, лают собаки, а женщины зовут детей домой при надвигающейся грозе. Но по одним этим признакам узнать, каковы жизненные ценности той или иной цивилизации, невозможно.

— И всё же, — думал Сойер, — где-то здесь, под одной из мокрых крыш прячется дом старика, в

котором перед очагом сидит Клай, пересказывая свои невероятные приключения на неведомой здесь Земле.

Жужжание внутри капюшона прервалось, но вскоре возобновилось, сигнализируя об изменении направления движения. Сойер покрутил головой, чтобы получше сориентироваться, а затем он повернул под прямым углом относительно своего прежнего маршрута. По всей видимости, Нэсс тоже не стояла на месте, а двигалась.

Интересно, куда он идёт? Если бы он только мог разговаривать на местном наречии! Тогда он добрался бы до Клай и её дедушки, и половина проблемы была бы разрешена. Но не зная, где они находятся, он мог бродить до бесконечности, пока не попал бы в лапы Нэсс или других айзиров. Если он не явится к ней на свидание, Нэсс постарается узнать, где он и что с ним произошло. У Сойера в руках была ещё одна вещь, имевшая ценность в глазах Нэсс — Жар-птица. Лучшее, что ему приходило в голову, — спрятать Жар-птицу в надёжном месте, а затем встретиться с Нэсс, держась от неё на безопасном расстоянии, и постараться получить максимум информации, например, как с помощью Жар-птицы открыть ворота и вернуться на Землю.

Разрабатывать далеко идущие планы в сложившихся обстоятельствах просто не имело смысла. Кругом было столько неясного и непредсказуемого. Нэсс вполне могла подкараулить его, ударить чем-нибудь по голове, а затем обыскать бесчувственное тело. Поэтому приходилось постоянно соблюдать большую осторожность да уповать на волю Господа, который в этой части Вселенной почему-то чаще оказывался на стороне неправедных, хотя кого считать праведным в этом чужом мире?

Основная проблема была в Жар-птице. Он боялся носить её с собой и не решался спрятать. «И что это Нэсс всё время мечется, не может ни секунды постоять на месте», — в раздражений думал Сойер, когда звуки, доносившиеся из капюшона, прерывались слишком часто. Он остановился на мокрой пустынной улице под окнами дома, из которого доносился отчаянный плач младенца. В этот момент Нэсс, очевидно, тоже остановилась, и сигналы стали более чёткими. Из-за двери, которую миновал Сойер, принялась истерично лаять собака, яростно её царапая.

Но именно эта собака подсказала ему, что за ним следят. Когда Сойер удалился от двери метров на тридцать и собака почти успокоилась, она

вдруг вновь начала отчаянно лаять. Сойер спрятался в тень и оглянулся назад. Но тени скрывали не только его, но и преследователя, если таковой был. И сколько он ни напрягал слух, он так ничего и не услышал, за исключением злобного лая и царапанья собачьих когтей о дверь.

Постояв, он снова двинулся вперёд, потому что у него не было другого выхода. Но вёл себя осторожнее. По крайней мере, утешал себя Сойер, он так же невидим, как и возможный преследователь.

Крошечный многогранник в его голове, связывавший его с Олпером, казался фантастическим третьим ухом, способным подслушивать любые его мысли. Всё, о чём бы он ни говорил с Нэсс при встрече, тут же станет известно Олперу, если он только даст себе труд послушать их разговор. Любая сделка, заключённая с Нэсс, не останется секретом для Олпера. К тому же Олпер мог в любой момент отправить его на тот свет, когда, очнувшись, обнаружит, что Сойер и Жар-птица исчезли. Но всё это был неизбежный риск. Надо просто об этом не думать и продолжать делать своё дело.

В течение последней четверти часа от Нэсс поступали ровные, чёткие сигналы. Это показы-

вало, что она стояла на месте, и Сойер ускорил шаг, пытаясь преодолеть разделявшее их расстояние, пока она вновь не ударится в бега.

Погоня закончилась внезапно.

Сигнал прозвучал ясно и громко. Сойер завернул за угол и так резко остановился, что даже поскользнулся на мокром тротуаре. Спрятавшись в проём двери, он осторожно выглянул оттуда, кляня про себя Нэсс на чём свет стоит. Перед ним лежала широкая, освещённая магистраль, которая упиралась в бронированные ворота. Вправо и влево от ворот тянулась высокая каменная стена. Это была окраина города, и Сойер внезапно осознал, что этот город живёт в постоянном страхе перед нападением извне.

Арка ворот была высокой, а сами ворота сделаны из толстой стали. Сверху по стене ходили стражи — хомы, зорко вглядываясь в темноту, пытаясь не проглядеть возможную опасность. Другие стражи-хомы в металлических кольчугах, вооружённые какими-то трубами, больше похожими на музыкальные инструменты, чем на оружие, охраняли ворота.

Один из айзиров, который рядом с коротышками-людьми ещё более походил на бога, надменно отдавал приказы офицеру-хому. На стене явно

готовились к бою. Отчётливые сигналы, которые Сойер слышал, казалось, шли прямо из-за ворот, из кромешной тьмы.

Может быть, эти айзиры охотятся за Нэсс? Что произойдёт, если он подойдёт и отдаст Жар-птицу прямо в руки божества? И что будет, если он всё же пойдёт на встречу с Нэсс? Он не знал, на что решиться. Если он сдастся айзиру, то последствия будут непредсказуемы. Нэсс он до какой-то степени знал и, хотя и не всегда, но всё же мог приблизительно предвидеть её реакции. Он осторожно пошёл вдоль стены, разыскивая неохраняемый участок. Его удалось найти в конце тихой аллеи. Он перебрался через стену по крыше находившегося поблизости сарая и легко спрыгнул на мокрую траву по другую сторону стены. Перед ним расстилалось обширное открытое пространство. За сплошной стеной дождя он различал округлые силуэты верхушек деревьев и в просветах между ними тонкую полоску горизонта.

Вспыхнул огонёк фонарика, погас и снова зажёгся.

— Я уже здесь, — нетерпеливо произнесла Нэсс. — Быстрее иди ко мне. Прямо на меня, никуда не сворачивая.

Слегка помедлив, Сойер осторожно пошёл на свет фонаря. Мокрая трава скользила у него под ногами. Плащ был непромокаемым, но, несмотря на капюшон, струи дождя попадали ему на лицо, а ветер закручивал полы вокруг мокрых ног. Под сенью деревьев были едва заметны бледные, неясные очертания лица. Между качающимися ветвями виднелась яркая полоса света, как будто огромная водная гладь протянулась от берега до берега, и на её поверхности отразился весь небесный свод.

Когда до Нэсс оставалось с десяток шагов, она сказала: «Подожди» — и замолчала, а он стоял, и ветер закручивал плащ вокруг его ног и швырял струи дождя ему в лицо.

Тогда Нэсс засмеялась тихим, мягким, торжествующим смехом.

— Всё в порядке. Теперь беги.

Смех Нэсс насторожил Сойера. Он послушно двинулся вперёд, но не побежал. Все его чувства обострились до предела, стараясь уловить опасность, которую он инстинктивно чувствовал, но не мог определить. Непонятно почему он начал считать шаги.

Семь шагов отпечатались на мокрой траве и твёрдой земле. Восьмой повис в воздухе, и он

полетел в бездну. Где-то вверху над ним послышался приглушённый торжествующий смех и звук шагов Нэсс, которая бежала к обрыву, чтобы проследить за его падением.

VII

С той удивительной ясностью мысли, которая свойственна в последнюю минуту утопающим, Сойер в одно мгновение охватил всё, что было под ним.

Светившееся пространство под деревьями оказалось беспредельным воздушным океаном. Далеко внизу, в бесконечном пространстве, виднелась другая планета! В блеклом серебристом небе под ним плыли облака. Некоторые из них почти чёрного цвета были грозовыми и казались совсем близкими.

Он упал с какого-то обрыва и заглянул в ещё один мир. Очевидно, Нэсс хорошо знала это место, раз так настоятельно советовала ему бежать быстро, чтобы, падая, он не успел за что-нибудь зацепиться.

В первый момент охваченный паническим страхом, он действительно беспорядочно падал. Потом что-то царапнуло его по лицу, и он ин-

стинктивно схватился обеими руками за сеть, мимо которой пролетал.

Падение прекратилось так резко, что руки чуть не вывернуло из суставов: он, раскачиваясь, повис над бездной. Сойер закрыл глаза и обеими руками вцепился в спасительную сеть, которая угрожающе трещала и рвалась под тяжестью его тела, опускаясь толчками всё ниже и ниже. Он осторожно открыл глаза. Спасительная опора была столь ненадёжной, что малейшее резкое движение в этой ситуации могло оказаться роковым.

Зато теперь он всё видел. Сильный, яркий свет заливал безбрежное пространство под ним. Там, внизу, была видна другая планета. Сеть, которая его держала, на самом деле оказалась клубком спутанных корней деревьев. Слой почвы по краю чудовищного обрыва был очень тонким, корни деревьев частично вросли в землю, частично болтались в воздухе. Чуть выше корни были крепче и надёжнее. До них можно было попытаться дотянуться, но он боялся сделать лишнее движение.

Несколько камушков упали сверху на голову и плечи. Он приподнял голову. На краю обрыва появилась торжествующее лицо Нэсс. Увидев Сойера, она нахмурилась.

— О! — воскликнула она несколько смущённо. Сойер ничего не сказал. Он не рискнул. Все его мысли были заняты тем, чтобы определить, выдержит ли сплетение корней вес его тела, если он будет держаться за них одной рукой, а другой попытается дотянуться до более толстых корней. — Нет, — решил он, — корни вряд ли выдержат.

Нэсс нерешительно спросила: «Олпер?» Сойер не произнёс ни звука. Тогда она повторила свой вопрос.

— Олпер, это ты?

Сойер ощутил живительное тепло, исходившее от лежавшей в его кармане Жар-птицы, и его смятенный ум начал пробуждаться. Смешно, конечно, строить планы, находясь в таком отчаянном положении, но человеческий ум достаточно гибок.

Среди шума сыпавшейся сверху гальки послышался голос наклонившейся над бездной Нэсс.

— Так это не Олпер. Вот в чём дело. В западню по ошибке залетела другая птичка. — Она засмеялась. — Хочешь, помогу выбраться?

Сойер опять ничего не ответил. Он знал, что она вряд ли сможет помочь, даже если захочет. Надеяться можно было только на себя. Мускулы

его рук и плеч страшно болели, и он понимал, что долго не выдержит. Он начал осторожно раскачиваться на потрескивающих корнях, надеясь дотянуться до более толстых корней.

— Если ты догадался прихватить с собой Жарптицу, я тебя спасу, — убеждённо проговорила Нэсс. — Она у тебя? Что же ты молчишь? Я ведь знаю, что это так. Ты ведь не дурак. Отдай её мне, и я вытащу тебя наверх.

Сойер даже не посмотрел на неё. Он раскачался довольно сильно, но корни пока выдерживали. Он сделал один сильный мах телом и полетел к тем корням, которые могли бы его спасти.

От бездны под ногами кружилась голова. Корни ударяли его по лицу. И тут с громким шлепком обе ладони вцепились в толстый корень и он повис, дрожа и всё ещё качаясь. Глаза его были закрыты, а щека упиралась в шершавую поверхность корня.

Сверху послышался вздох. Опять посыпались камешки. Затем от края оторвалось несколько крупных комков земли и, вертясь, понеслись в сияющую бездну. Послышался шум, как будто бы кто-то цеплялся, пытаясь не упасть. Сойер засмеялся. Теперь он чувствовал себя гораздо лучше, хотя полной уверенности, что он спасся, не было.

— С тобой всё в порядке? — донёсся сверху голос. — Послушай, отдай Жар-птицу — и ты спасён. Ты что, не хочешь жить? Я ведь хотела избавиться от Олпера, а не от тебя.

Нэсс продолжала говорить, и в голосе её слышалась тревога, но Сойер её не слушал. Ему удалось обхватить коленями болтавшийся корень и повиснуть на нём, словно на канате, освободив одну руку. Теперь он внимательно разглядывал выступавший над вертикальным обрывом земляной уступ с торчавшими из него корнями, совсем рядом с его лицом. Аккуратное круглое отверстие, похожее на вход в нору, привлекло его внимание, и у него зародилась смутная, мстительная мысль. Он вытянул свободную руку и засунул палец в нору.

Там послышалось царапанье. Он вытащил палец, следом за которым высунулась маленькая любопытная, с глазами-бусинками мордочка. Две крошечные лапки уцепились за края норки, и небольшой, похожий на белку грызун с пушистым полосатым мехом выглянул из норы и с нескрываемым интересом уставился на Сойера. Очевидно, это была первая встреча подобного рода в его жизни. Он настороженно вертел головой в разные стороны, пристально разглядывая

качающееся тело.

Сойер защёлкал языком. Этот звук привёл белку в панику. Она повернулась в узком пространстве норы, продемонстрировав огромный, пушистый хвост, и приготовилась сражаться за свою жизнь, но промахнулась. Она не рассчитала, и задние лапки её съехали вниз, и некоторое время и человек и белка — оба болтались над бездной.

Тогда Сойер вытянул руку, чтобы помочь бедолаге забраться в норку. Крошечные холодные лапки несколько секунд беспомощно цеплялись за его ладонь, но затем оттолкнулись от неё, и белка исчезла в норе, из которой посыпались комочки сухой земли.

Сойер вытянул шею и осмотрел окрестности норки.

Подходящий по размеру камень наполовину торчал на расстоянии вытянутой руки; он вытащил его и, вставив в нору, протолкнул как можно дальше. Затем залез в карман и осторожно вытащил золотой брусок — Жар-птицу. Брусок грел ладонь и тускло сиял в серебристом свете бездны.

Он осторожно сжал брусок и почувствовал, как он словно раздвигается в его ладони. В то же мгновение из Жар-птицы, между его указа-

тельным и большим пальцами вырвались два сияющих крыла и почти коснулись его лица. Всё залило словно солнечным светом, и проступили мельчайшие песчинки висевшего над ним уступа земли. Потом он почувствовал, как по его жилам заструилась живительная энергия.

— Жар-птица, — закричала где-то над ним невидимая из-за слепящего света Нэсс. Она, конечно, увидела сияние, но не могла рассмотреть саму Жар-птицу. Нэсс мягко шлёпнулась на уступ на краю бездны. — О, она у тебя. Я вижу свет. Дай её мне, и я спасу тебя.

Но даже в отчаянном положении Сойер понимал, что этого делать нельзя. Он вспомнил, что Жар-птицу можно держать открытой только несколько мгновении, нужных для восстановления утраченных сил. Неизвестно, какая энергия таилась в этом бруске. Его мучило страшное видение кружащихся над ним Жар-птиц, появившихся Бог знает откуда, из каких-то ворот Вселенной, в то время как он беспомощно висит, не в состоянии защититься.

Он нажал на брусок ещё раз, и крылья моментально сложились. Источник энергии иссяк, но тот заряд, который получил Сойер, наполнил его нервы и мускулы живительной силой, и он

чувствовал себя обновлённым, не испытывая более ни голода, ни жажды.

По крайней мере, подумал он, уже Нэсс-то не получит Жар-птицы.

Сойер осматривался в поисках тайника для сокровища. У него было на это не так уж много времени, и он нашёл, наконец, подходящее место. Он протолкнул брусок в нору, вдавив его в землю рядом с тем камнем, который он засунул раньше. Затем, найдя другой камень, плотно забил его в нору, и Жар-птица оказалась между двумя камнями.

Пользуясь запасом полученной энергии, он вскарабкался по свободно болтавшемуся корню до края торчавшего выступа. Корень скользил и вырывался из рук, а земля осыпалась. Он подождал, пока падение комьев земли прекратилось. Поднявшись выше, он увидел край обрыва и, как ему показалось, лицо Нэсс.

Задача перед ним стояла непростая.

Ясно, что долго он не продержится. Если же он упадёт, то навсегда распростится с Жар-птицей. Место, где она лежала, было довольно ненадёжным. Земляной выступ мог осыпаться в любой момент, или белка, движимая любопытством, могла прорыть нору вокруг Жар-птицы и ута-

щить её в глубь норы, став самой богатой белкой на свете. В любом случае Нэсс она не достанется.

Итак, мрачно заключил он про себя, теперь можно и поторговаться. Он повернулся, вися на своём корне, и, подняв голову, обвёл взглядом край обрыва.

— Нэсс, — позвал он. — Ты меня слышишь? Словно по волшебству её сверкающее лицо возникло среди примятой травы. С травы капала вода и, попадая на лицо Сойера, струйками стекала по его щекам.

— Если ты вытащишь меня наверх, — предложил он Нэсс, — то мы с тобой договоримся.

Она протянула руку вниз.

— Я тебе не верю. Отдай сначала Жар-птицу.

Сойер вздохнул.

— Хорошо. Но для этого тебе надо до меня дотянуться.

— Ещё немного.

Узкая, гладкая, длинная рука появилась недалеко от его лица. Сойер рассмеялся и крепко обхватил её вокруг запястья, словно клещами. Затем потянул руку вниз, давая понять, что за этим последует.

— Теперь ты попалась, — сказал он. — Тащи меня наверх, или оба полетим вниз.

В ответ раздался яростный крик. В тот же момент рука начала вырываться. Ему казалось, что он держит в руках извивающуюся змею. Корень, на котором он висел, трясся и качался и даже начал подозрительно трещать. Сражаясь за свою жизнь, Сойер попытался перекричать её яростные, шипящие проклятия.

— Хватит, Нэсс, хватит. Остановись, иначе мы оба погибнем. Вытяни меня наверх.

— Я не могу это сделать, ты, глупец, — исступлённо закричала она.

— А как же ты обещала меня спасти, — сказал Сойер, ещё сильнее стискивая пальцы вокруг её запястья. — Или ты сейчас же меня поднимешь, или полетишь вниз.

Сойер слышал, как её дыхание со свистом вырывалось сквозь сжатые зубы. Он улыбнулся, глядя на её напряжённое, прекрасное лицо, хотя горящие ненавистью глаза придавали ему свирепое выражение.

— Такие не сдаются, — подумал он. — Никогда. Они скорее предпочтут умереть.

— Я больше не могу держаться, — спокойно, словно о чём-то малозначащем, сказал он. — Корень очень гладкий. Последний шанс. Подумай, Нэсс.

Нэсс ещё больше наклонилась над пропастью. Почти половина её тела висела над бездной, и сияющие серьги свисали вниз, освещая, точно лампы, гибельный путь. И тут Сойер почувствовал, как корень задрожал и угрожающе затрещал.

— Ну что ж, жизнь была прожита не зря, — прокомментировал он, глядя в лицо Нэсс.

В этот момент разорвались последние волокна, и на какую-то долю секунды они, не двигаясь, повисли в воздухе, потому что рука Нэсс всё ещё сжимала какую-то невидимую опору.

Вдруг на её лице отразилась надежда, сменившаяся ликованием.

Нэсс засмеялась и… отпустила корень.

Что пришло ему в голову, когда он начал падать? Сойер не мог с точностью припомнить. Казалось, само время остановилось.

На краю обрыва появилось тёмное лицо человека в остроконечной шляпе, который лежал на траве и смотрел за их падением. Сойер запомнил этот момент во всех деталях, запечатлев его в памяти с фотографической точностью: неровный край обрыва и уменьшавшееся с огромной скоростью лицо, превратившееся в крошечное, словно мир, видимый в бинокль с другого конца. Лицо

человек лежало на тёмной, мокрой траве, которая казалась свисающей с его подбородка бородой. Наконец и борода, и сам человек превратились в точку, которая, описав по часовой стрелке дугу по небу, исчезла навсегда.

На всём пути падения в бездну смех Нэсс отдавался долгим, звенящим эхом, летящим за ними, словно хвост кометы.

Пока они падали вниз, грозовое облако, находившееся под ними, всё время двигалось, как бы пересекая им путь. Оно поднялось вверх, чтобы принять их. Может быть, именно поэтому Нэсс рассмеялась и отпустила руку?

Но как могло облако их спасти?

К величайшему удивлению, оказалось, что на облаке растут деревья. Сойер упал в густое сплетение ветвей, как в колыбель, которая прогнулась, чтобы принять его в свои объятья, а затем, выпрямившись, снова подбросила вверх. Про себя он подумал: «Стоит ветке сломаться, и колыбель упадёт». Но деревья в этой стране были куда благосклоннее к нему, чем люди. Дважды они не давали ему упасть. Конечно, трудно было ожидать чего-то особенного от растущих на облаке деревьев, но было приятно ощущать под собой их пружинящие ветви.

«Хорошие деревца, — с одобрением подумал он. — Добрые, умные, понимающие, сочувствующие». В этот момент отломившийся сук больно ударил его по голове. Первый раз Сойер был благодарен судьбе за то, что потерял сознание от удара.

Ему чудилось, что он лежит на твёрдой, неровной мостовой. Тени скользят по нему в серебристо-серой мгле.

«Мощённые облака» — это было выше его понимания, и он приподнял голову, пытаясь что-нибудь рассмотреть, но в этот момент чья-то рука прижала его к мостовой так, что у него зазвенело в ушах.

— Где она? — зло прошипела Нэсс, которая, должно быть, обшаривала его карманы, потому что отскочила от него так быстро, что он покатился по неровным камням и звёзды поплыли у него перед глазами. — Что ты с ней сделал? Я знаю, она у тебя была. Куда ты её девал?

Нэсс наклонилась над ним, и яркий свет от покачивающихся серёг бил ему в глаза. За ней, в серебристых сумерках, громоздились тёмные силуэты. Сквозь деревья, словно гигантское грозовое облако, опустившееся так низко, как они никогда не опускаются, всего в пятнадца-

ти-двадцати метрах над их головами нависала поверхность верхней планеты.

— Может быть, я уронил её, — пытаясь привстать, сказал Сойер. — Где мы? На облаке? — Мы на одном из дрейфующих островов, — нетерпеливо ответила Нэсс. — Ты что, правда потерял её? Отвечай! — и она сильно его встряхнула.

На лбу, там где его ударила ветка, выросла шишка. Он осмотрелся. Вокруг на настиле лежали сломанные ветви и кучи осыпавшихся листьев — следы его падения. Итак, тёмное облако оказалось дрейфующим островом? Он с силой ударил рукой по настилу.

— А это надёжно? — забеспокоился Сойер. — Как этот остров держится?

— А как держится Солнце? — раздражённо проговорила Нэсс. — Откуда я знаю? Где Жар-птица? Отвечай сейчас же, а не то убью.

До Сойера наконец-то дошло, что если она узнает, что навсегда лишилась Жар-птицы, то скорее всего выполнит свою угрозу.

— Будешь хорошо со мной обращаться, тогда скажу, — торопливо ответил он. — Я выронил её, когда летел вниз. Но помню, куда она упала. А без меня ты не сможешь её найти.

Она бросила взгляд в темноту.

— Куда упала Жар-птица? — требовательно спросила она. — Отвечай!

— Не скажу, — ответил он.

Длинная рука Нэсс мгновенно выбросилась вперёд и ударила его в висок. Удар был сильный. Другой рукой она схватила его, когда он начал падать, железной хваткой вцепилась в его руку и скрутила её за спиной. Затем сквозь сжатые зубы промолвила: «Отвечай, хом».

Энергия, позаимствованная у Жар-птицы, дала Сойеру силы бороться. Он потряс головой, которая страшно гудела, и отклонился в сторону, навалившись всем телом на державшую его руку, чтобы помешать ей защищаться, а ребром ладони свободной руки нанёс резкий удар по шее.

Удар пришёлся по твёрдому, холодному, нечеловеческому телу. Нэсс слегка пошатнулась и злобно прошипела, перекрутив его руку сзади ещё сильнее, так что у него плечо чуть не выскочило из сустава. На лбу у Сойера выступили капельки пота. Он сжал зубы и сказал высоким, жёстким голосом:

— Давай. Ломай дальше.

Она взглянула на него с удивлением.

— Я тебе не хом, — сказал он резко. — Ломай. Всё равно не скажу. Можешь предлагать что

угодно, можешь меня убить…

Она вывернула руку ещё сильнее. Он сдержал дыхание и ударил её ещё раз, надеясь слегка ослабить хватку и спасти свою руку: Нэсс непременно сломала бы её, не помешай ей неожиданное обстоятельство.

Неизвестно откуда взявшийся камень с острыми краями просвистел в воздухе и чуть не ударил Нэсс в лоб. Она отшатнулась и выпустила руку.

Сойер благоразумно растянулся на мостовой, потирая затёкшую руку и пытаясь разглядеть нападавших.

Он понимал, что камень такого размера должен был бы размозжить ей голову. Но в последнее мгновение, предшествующее удару, у головы айзира возникает словно вспышка молнии, спасительный буфер. Скорее всего Нэсс сама мысленно его вызвала. Так что же айзиры, действительно, неуязвимы? Тогда понятно, почему Нэсс рискнула упасть в бездну на дрейфующий остров. Такое падение не принесло бы ей никакого вреда, в то время как Сойер, если бы не спасительная колыбель из ветвей деревьев, лишился бы жизни.

Времени на размышления не было. Не успела Нэсс упасть на землю, как со стороны деревьев

донёсся страшный шум. Тёмные полчища невидимых существ напали на них в серебристой мгле.

Сойер видел их очень смутно. Они вызывали омерзение своей походкой и низкой посадкой голов на толстых, массивных плечах. И всё же они передвигались на двух конечностях и использовали для нападения камни и другие предметы. Сойер заметил вспышки длинных, стальных клинков, сверкавших в толпе, окружавшей их. Они двигались с такой быстротой, что оказались рядом с ними в тот момент, когда Сойер всё ещё приходил в себя, а Нэсс, покачиваясь, вставала с земли.

Сойер почувствовал, как сильные грубые лапы обхватили его руки и ноги. Он пытался сопротивляться, но был поднят и поставлен на ноги. Они обращались с ним, будто он весил не более чем соломенный человечек и был столь же беспомощен. Только по чистой случайности они не вывернули Сойеру руки, когда поднимали его.

Сойер пытался разглядеть их во тьме. Интересно, какого они роста? Казалось, рост этих существ менялся, и через некоторое время Сойер понял почему. Головы их были плоскими, словно у черепах, на толстых убирающихся шеях, кото-

рые могли складываться на массивных плечах или подниматься вверх. Сойеру казалось, что их длинные, сильные конечности были без костей, потому что двигались они с несоответствующим их внешности изяществом.

Передавая Сойера от одного к другому, они дышали ему в лицо горячим, мускусным запахом и обменивались странными похрюкиваниями, в которых, казалось, не слова, а тембр звука нёс в себе какой-то смысл. Их огромные светлые глаза ничего не выражали и были похожими на цветные стекляшки.

Один из них издал громкий горловой звук, похожий на эхо от стука барабанов в пещере, и небрежно взял Сойера обеими лапами за голову. Огромные, холодные, пахнущие мускусом, они сомкнулись вокруг его головы, пытаясь её повернуть. Он почувствовал, что ещё одно движение, и ему свернут шею.

В щели между закрывающими его лицо растопыренными пальцами он увидел Нэсс, которая с гораздо большим успехом, чем Сойер, сопротивлялась попыткам с ней справиться.

Сойер прокричал ей, причём голос его был приглушён ладонью дикаря: «Нэсс! Нэсс!»

Яростный взрыв голосов раздался из середины

клубка дикарей, сгрудившихся вокруг Нэсс. Он видел всё это смутно, в просвете между огромными пальцами, да и сознание его уже затуманивалось от головокружения. Ему показалось, что Нэсс призвала на помощь какие-то сверхъестественные силы, так как она с такой неистовостью завертелась в толпе хватавших её дикарей, что заставила их вертеться вместе с ней. Какой-то внутренний огонь горел на её лице. Глаза сияли, как прожекторы, и во все стороны от неё летели искры.

Вдруг она издала крик, похожий на мощный удар гонга. Ни одна человеческая глотка не могла бы издать звука такой силы и долготы. Сойеру показалось, что он видит разлетающиеся в разные стороны светящимися кругами волны звука.

Реакция дикарей была неожиданной. Они сразу отпустили его, и Сойер, выдернув руки из ослабевших тисков, потирал скрученную шею, в недоумении оглядывая образовавшееся вокруг него свободное пространство. Головы дикарей были повёрнуты к Нэсс, и глаза, не мигая, смотрели на неё.

Приняв мгновенное решение, Сойер выхватил длинный нож из руки стоявшего поблизости дикаря и вонзил его ему в грудь по самую рукоятку.

— Брось, — крикнула Нэсс. — Не трать понапрасну время. Слушай меня. Сбрось плащ. Быстрее, а то погибнешь.

Сам себе удивляясь, почему это он подчиняется приказу Нэсс, Сойер неловко выбирался из окутывавшей его материи и в то же время недоверчиво косился на пронзённого кинжалом дикаря. Дикарь смотрел на Нэсс, точно заколдованный. Он не обратил ни малейшего внимания на кинжал, вошедший в его грудь. Он только протянул лапу и вынул нож из груди, как будто это была иголка, воткнутая в одежду. На груди существа не было даже следов раны. Тёмная змеиная кожа затянулась сразу же, как только из неё вышло лезвие, и лишь с кончика ножа упали три капли сверкающей золотистой крови и тут же исчезли.

— Неуязвимые, — с горечью подумал Сойер, — они все неуязвимы, кроме меня.

Он вовремя выбрался из плаща, так как плащ у него в руках начал тлеть. Словно туника, подаренная кентавром Гераклу, он превратился в пылающий факел, и пышные складки, прочертив в воздухе огненную дугу, достигнув земли, стали горящим костром.

Овальные сверкающие глаза, словно загипнотизированные, следили за плащом; плоские

головы, как по команде, повернулись, и во всех глазах отразилось сияние белого пламени. О Нэсс забыли, как, впрочем, и о Сойере. Дикарей тянуло к огню, словно мошек, и они придвигались к нему всё ближе, пока совсем не загородили его своими тёмными спинами.

Что Нэсс сделала с плащом, Сойер понять не мог. В одно мгновение чёрный, как ночь, плащ превратился в пылающий костёр, хотя на самом деле плащ не горел и не превращался в пепел.

Однако каков бы ни был механизм этого удивительного «горения», костёр разгорался всё сильнее, а толпа возбуждённых дикарей всё увеличивалась, пополняясь выходящими из леса сородичами.

В этой обезумевшей толпе Сойер уловил отсвет качающихся серёг Нэсс. Она пыталась незаметно подобраться к нему, и Сойер вспомнил о грозящей ему опасности. Нэсс спасла его для себя, но Сойеру было безразлично, погибнуть ли от грубых лап дикарей или изящной руки айзира. А в том, что его ожидал именно такой конец, если Нэсс удастся его поймать, он не сомневался.

Сойер вскочил и бросился бежать…

VIII

За кронами деревьев вздымалась ещё более тёмная полоса холмов, видневшихся на фоне серебристого неба. Спотыкаясь, Сойер взбирался по склону холма, думая об одном: как бы подальше уйти от Нэсс. Он помнил, что находится на парящем в небе острове. С опаской смотрел он себе под ноги, пока, наконец, не увидел в просвете между двух холмов низко стелившийся серебристый туман, который явно обозначал край острова.

Так оно и было. Сойер поднялся на другой холм и остановился, схватившись за ствол накренившегося дерева, чтобы не упасть. И он, и дерево нависали над бездной. Это был край острова. Здесь кончалась земля и начинался космос. Струйки тумана, загибаясь у самых его ног, скатывались по крутому уступу вниз. Корни дерева свободно болтались в воздухе, как и у того дерева, в другом мире, которые совсем недавно спасали Сойера. Корни медленно раскачивались; вероятно, это означало, что остров не стоит на месте, а плывёт в воздухе. Крепко обхватив дерево, он, дрожа, наклонился и понял, что тёмные облака, казавшиеся ему грозовыми тучами, на самом

деле были небесными островами, архипелагом островов, каждый с кучевым облаком посредине, медленно плывущими длинными, ниспадающими гирляндами между верхним миром и далёким призрачным, загадочным миром внизу. — Похоже на лестницу, — подумал Сойер. — Если подгадать удобный момент, можно перебираться с одного острова на другой, то опускаясь, то поднимаясь, пока не взберёшься на самый верхний, от которого до Хомадии рукой подать…

Не потому ли ворота города так усиленно охранялись? Может быть, жители города ожидали нападения?

Он посмотрел наверх и задержал дыхание, увидев, что огромное грозовое облако, находившееся по другую сторону, книзу от Хомадии, превратилось в малиновое и по нему пробегали яркие отблески. Это было похоже на конец света. Затем он понял, что всё это лишь отблески горящего плаща, который, вероятно, превратился в почитаемое божество, рассылающее во все стороны свет, отражавшийся от находившейся над ним земли.

Оглянувшись назад, Сойер заметил, что к нему быстро приближались две сверкающие точки. Сойер обхватил руками дерево и отдался во власть провидения, находясь в полном смысле

слова между дьяволом и бездной. Нэсс отрезала ему все пути к отступлению, а прямо под ним открывалась пропасть.

Нэсс заметила его силуэт на фоне серебристого неба.

Она победно засмеялась сильным, звучным смехом.

— Даю тебе ещё один шанс, — на ходу прокричала она ему. — Если скажешь, где Жар-птица до того, как я к тебе подойду, я сохраню тебе жизнь.

Сойер посмотрел вниз и занёс ногу над бездной.

— Хорошо, — чётко сказал он. — Ты уже достаточно близко от меня. Остановись, если хочешь что-то сказать, я отлично тебя отсюда услышу. Но скажи это с того места, где ты сейчас стоишь. Потому что я лучше прыгну вниз, чем попаду к тебе в руки.

Нэсс не очень уверенно рассмеялась. Постояв, она снова пошла вперёд. Сойер ещё ниже наклонился над бездной. От края откололся кусок скалы и упал вниз.

Нэсс остановилась.

— Подумай, хом, — настаивала она. — Ты ведь не можешь стоять здесь вечно. Я всё равно доберусь до тебя, когда тебе надоест. Тебе ведь нужно

спать, ты…

— Я не хом, — спокойно ответил Сойер, — Надеюсь, ты уже поняла, что не можешь заставить меня слушаться. Я знаю, куда упала Жар-птица. Она, как это ни печально, упала не на этот остров. — Он посмотрел вниз, так как ему показалось, что он уловил движение каких-то фигур на следующем, ближайшем к ним острове, который лежал прямо под ними.

— Скажи, где она, и я тебя прощу, — предложила Нэсс, делая вид, что подходит ближе. Как бы невзначай, Сойер скинул вниз ещё один камень. Это её остановило.

— Я бы мог сказать тебе, если бы это давало мне хоть какой-то шанс. В противном случае, я просто подожду, пока этот остров пристанет к Хомадии. Я же вижу, что он движется в этом направлении. Теперь я понимаю, от кого охраняются ворота Хомадии. Они ожидают нападения. Но всё же ответь мне, почему ты предпочла упасть со мной именно на этот остров. Разве не знала, что он кишит дикарями?

— Я не собиралась падать с тобой именно на этот остров, — резко ответила Нэсс. — Если бы ты не был таким упрямым, мы попали бы на другой, меньший остров. Он как раз находился под тобой,

когда ты в первый раз провалился в бездну. Но ты предпочёл цепляться за корни деревьев и спорить. Вот и подумай…

— А, так вот каков был твой план, — пробормотал Соейр. — Сбросить Олпера на дальний остров, убить его, а затем обыскать труп. Но что ж, зато теперь ты сама попалась. Что ты мне дашь, если я верну тебе Жар-птицу?

— Да я тебя убью, если ты её не вернёшь, — яростно выкрикнула Нэсс и быстро придвинулась к нему. — Ну что, она у тебя?

Сойер пнул ещё один камень и он полетел вниз.

— А теперь представь, что это я полетел вниз, — сказал он. — Вместе с Жар-птицей.

Она нехотя остановилась.

— Нет, её у меня нет, — продолжал он. — И ты это знаешь, ты ведь успела меня обыскать. Кроме того, если бы сейчас она у меня действительно была, я бы не стоял здесь с тобой, а воспользовался бы её феноменальными возможностями и открыл те ворота, через которые мы сюда попали.

— Ты совсем дурак, если думаешь, что сможешь открыть ворота, — презрительно промолвила Нэсс.

— Но Олпер же смог, — напомнил ей Сойер.

— Чтобы открыть ворота, нужно гораздо больше, чем помахать ключом, — холодно сказала она. — Если бы я предварительно не открыла их, чтобы вернуть назад Клай, Жар-птица бы ничуть не помогла. Единственное, что она может сделать, — это вызвать настоящих Жар-птиц из того места, где они обитают.

— А что такое настоящие Жар-птицы? — с интересом спросил Сойер.

Но прежде чем она произнесла хоть слово, новый звук прорвал тишину, и они оба быстро обернулись посмотреть, в чём дело. Откуда-то сверху донеслись низкие, мощные звуки колокола. Попадавшие в резонанс звуки заставляли вибрировать весь остров.

— Они увидели, что острова поднимаются, — сказала Нэсс, отвернувшись и подняв кверху лицо, в то время как маска на её затылке безразлично взирала на Сойера. — Это колокол тревоги в Хомадии, — объяснила она.

До них ещё доносились звуки первого колокола, когда где-то вдали забил второй и ещё дальше — третий. Сойер представил себе, как в Хомадии готовятся к отражению неприятеля; оставалась надежда, что странное, в форме трубы оружие айзиров окажется более эффективным в борьбе,

чем кинжал, который, пронзив грудь дикаря, не причинил ему заметного вреда.

— Они на самом деле неуязвимы? — спросил он Нэсс. — Я имею в виду дикарей.

— Селли? Да, практически так же, как и мы.

— Значит, даже вы уязвимы?

— Только не для вас, хомов. — Она рассмеялась и, повернувшись, зло посмотрела на него. — Все живые существа уязвимы, но в разной степени. Только богиня знает оружие, которое можно применить против айзиров. Не беспокойся. Селли не причинят особого вреда. Да и что значит горстка каких-то дикарей против расы айзиров?

Сойер посмотрел вниз, на группы кружащихся под ними островов, и ему показалось, что он видит на них движение каких-то существ. Возможно, горстка дикарей действительно не причинит особых хлопот, но если их не горстка, а бесчисленная орда? Он вглядывался в темноту, которая начала озаряться отсветами верхнего мира, — красные и малиновые лучи струились вниз и окрашивали поднимающиеся острова светом зари.

Земля под его ногами гудела в такт ударам колокола. Он подумал об Иерихонских трубах и обвалившихся стенах. Может, это было лишь

совпадением, своеобразным предчувствием, но в следующую секунду тихая, лёгкая, хорошо знакомая вибрация зазвучала у него в голове.

— Олпер, — подумал он. — Очнулся. Его разбудили звуки колоколов. Наверное, сидит сейчас на полу и оглядывается, пытаясь вспомнить, что произошло. — Сойер представил всю картину довольно отчётливо.

— Вот он подумал обо мне. Положил руку в карман, старается нащупать выключатель. А теперь нашёл мою записку..

Он мог представить, как Олпер с потемневшим от злости лицом пытается выбраться из камеры, засунул в карман руку и вдруг наталкивается на клочок бумаги… Через секунду Сойер узнает, станет ли записка его спасением или… Его жизнь сейчас действительно находилась в руках Олпера, который мог убить его одним пальцем, как если бы они стояли в комнате друг напротив друга, и Олпер был готов спустить курок заряженного пистолета. Если злость овладеет Олпером раньше, чем он дочитает мою записку…

— Олпер, — вырвалось у Сойера. — Ты меня слышишь? Если да, то слушай внимательно.

Вибрация в его мозгу продолжалась какое-то время, а потом постепенно стихла. Олпер слу-

шал.

— Нэсс, скажи, что такое Жар-птица? — громко спросил Сойер, убеждённый, что ответ на этот вопрос Олпер хочет услышать больше всего на свете.

— Ключ, — нетерпеливо бросила Нэсс. — Ключ к другим мирам. Это также затвор колодца. Я не знаю, как сказать точнее, возможно, в вашем языке нет полного эквивалента этому понятию. Впрочем, тебе это вовсе не нужно. Ты всё равно не поймёшь. И не пытайся понять, предупреждаю тебя. Ты можешь привести в действие такие силы, с которыми даже айзиры не смогут справиться. А теперь скажи, где она лежит, и я… я гарантирую твою безопасность.

— Ха, — фыркнул Сойер и занёс ногу над бездной. — Это самое пустое обещание, которое я когда-либо слышал. — Ему вдруг стало весело, и он засмеялся. — По крайней мере, в данный момент они оба: и Нэсс, и Олпер — у него в руках. И он решил насладиться этим моментом всласть.

В голосе Нэсс зазвучали металлические нотки.

— Слушай, хом! Моя жизнь зависит от того, достану ли я вновь Жар-птицу. Богиня меня ненавидит. Через три дня она должна уступить мне своё место. Я хотела прождать эти три дня на Зем-

ле, а потом спокойно получить двуликую маску. Но ты и твой приятель Олпер спутали все карты. Из-за вашей дурости я снова попала в Хомадию, причём без Жар-птицы. Я не прощу этого Олперу и при первой же возможности с ним рассчитаюсь. Даже с Жар-птицей находиться в Хомадии было для меня опасно. Но с ней, по крайней мере, я всегда могла спастись. Существуют ворота — длинный и необычный переход, по которому мы, айзиры, путешествуем в другие миры и измерения. С Жар-птицей я могла открыть их, без неё я бессильна. Стражи богини следят за мной, и если они меня схватят, мне придётся предстать перед ней на церемонии открытия. Одна из нас должна погибнуть. Если у меня будет Жар-птица, победа будет за мной. Если же нет…

— В таком случае мне лучше связаться с богиней, — весело откликнулся Сойер. — Олпер, ты слышишь?

Последние слова он произнёс мысленно.

— Хом, — рассвирепела Нэсс. — Низкая тварь.

— Хватит, — остановил её Сойер. — Я на самом деле хочу договориться с тобой. Например, можешь ли ты отправить меня назад, на Землю? — И быстро прибавил. — И Олпера, конечно, тоже. И Клай, если она захочет.

— За Клай охотятся слуги богини. Она будет принесена в жертву на церемонии открытия. Но тебя я могу вернуть назад и Олпера тоже. А теперь давай мне Жар-птицу и…

— Не торопись, — посоветовал Олпер. — А что ты можешь сделать для меня такое, чего не может богиня?

— Я могу подарить тебе жизнь, — яростно закричала Нэсс — Богиня ничего не знает. Абсолютно! Только я могу отправить вас назад.

— Занятно. Но верится с трудом, — пробормотал Сойер и, повернув голову назад, посмотрел вниз, туда, где в бездне, поднимаясь и опускаясь, кружились острова. Свет от горящего плаща осветил самые верхние, и на них среди деревьев стали заметны шевелящиеся тени.

— Ну что ж, постарайся меня убедить, и, может быть, я тебе поверю. Начинай.

В голове у него вертелась мысль, что если Олпер слышит их разговор, а он наделся, что так и было, то старый хитрец сможет извлечь какую-нибудь пользу из услышанного, даже если сам Сойер что-нибудь упустит.

Нэсс смерила его ненавидящим взглядом и сказала:

— Айзиры — раса богов. Зачем же мне пус-

каться в объяснения с низкими тварями, вроде тебя? — Потом, подумав, добавила. — Впрочем, я расскажу тебе то, о чём ты просишь. Когда-то в давние времена мы не были бессмертными богами. Конечно, я не хочу сказать, что тогда мы были простыми смертными, вроде тебя, вовсе нет. Но айзиры умирали, пока не было сделано великое открытие. Это произошло тысячу лет назад в другом мире — том, который находится сейчас под нами. Открытие это изменило всё. Тот мир заключён в атомную оболочку под названием Хомадия, а дрейфующие острова поднимаются и опускаются под влиянием гравитационных потоков, проходящих между внутренней поверхностью Хомадии и верхним миром. В древние времена наши мудрецы создали колодец миров, и после этого мы стали богами. Благодаря колодцу мы внутренне изменились, и это отразилось и на нашей внешности. Наши тела изменились, и в то же время мы сохранили свою сущность, остались сами собою. Я могу пояснить это лишь с помощью одного понятия, с которым познакомилась на Земле, — это изотопы химических элементов: они и едины по существу, и в то же время различны. Мы превратились в своеобразные изотопы того, чем мы были раньше, а отличие изотопов богов

состоит в одном — нам необходима энергия.

Все силы, всю энергию мы черпаем из колодца. Он дарует нам бессмертие. Ничто не может причинить нам физического вреда, наши раны сами затягиваются, нам не нужно беспокоиться о питье, пище или сне. А теперь я постараюсь объяснить тебе как можно проще принцип работы колодца. Может быть тогда, своим ограниченным умом, ты сможешь понять, какие разрушительные силы в нём таятся.

Многие миры развиваются и меняются в ходе эволюции. Вот почему существуют различные состояния материи. Я надеюсь, тебе это известно? В твоей Вселенной Солнце отличается от Земли. Так вот, имеются и другие состояния материи, в том числе и такие, о которых ты ничего не знаешь. Например, миры, состоящие только из газа. Подобное состояние материи абсолютно не поддаётся твоему восприятию, но оно не менее реально, чем твоя Земля.

Хомадия — это мир иного состояния материи. Ваше Солнце и планеты невидимы для нас, как Хомадия не видна вам. Есть вещества легче водорода и тяжелее элементов трансурановой группы — ведь существуют электромагнитные излучения за пределами видимого спектра. И до

всех этих миров, хотя и невидимых или для нас, или для вас, можно добраться с помощью колодца. Ваши Солнце и звёзды излучают энергию в вашу Галактику; и наш мир собирает энергию из всевозможных источников в необозримом космосе. Собранная энергия втягивается колодцем, и мы черпаем её оттуда в таких количествах, какие нам требуются, в соответствии с нуждами каждого айзира. В вашем мире энергию можно передавать через воздух. Мы получаем её аналогичным путём, регулируем её количество сами.

— Трансформаторы, — пробормотал Сойер. — Встроенные, надо полагать. Рентгенограмма какого-либо айзира могла бы многое объяснить. Интересно, а что у вас внутри: проволочная обмотка? Ну это я так. Можешь не объяснять. Давай лучше о Жар-птице.

— Жар-птица — это регулятор энергии, поступающей из колодца. Она — его непременная принадлежность. И должна в нём находиться. Её украли… — Нэсс помолчала, затем твёрдо сказала. — Её украла богиня. И после этого начались все беды. Видишь ли, в этот момент мы находились рядом с Землёй, вблизи северного магнитного полюса, где, как ты знаешь, имеются большие залежи урановой руды. Силовой полюс

нашего мира — это колодец. Это южный полюс, и отсюда понятно, что произошло, когда Жар-птицу похитили. Урановая руда, запасы которой на Земле огромны, сделала ваш мир желанным источником энергии для нас. Я думаю, вы пока ещё не очень хорошо знаете, что представляют собой вещества — источники ядерной энергии. А ведь это не только уран.

Обычно, когда мы находим подобный источник энергии, Жар-птица, регулирующая энергию колодца, отключается, как бы на время умирает. Это изолирует и сам колодец до тех пор, пока мы не минуем опасную зону. Иначе колодец может вобрать в себя столько энергии, что не только сгорит сам, но и погубит айзиров.

— Выключатель, — сказал Сойер. — Понятно. Так что же случилось?

— Когда ваш мир оказался вблизи нашего и Жар-птица согласно программе закрылась, богиня случайно оказалась вблизи колодца одна. Она решила воспользоваться благоприятным случаем и перенести Жар-птицу в другое место. Это был один из немногих моментов, когда Жар-птицу можно свободно взять и переместить. Но когда она извлекла Жар-птицу, оба мира — наш и ваш — находились рядом. И сближались до

соприкосновения, словно противоположные полюса магнита. И они никогда не разъединятся, если Жар-птицу не вернуть обратно в колодец.

Итак, оба мира тесно соприкасаются друг с другом. Но колодец мёртв. Айзиры получают всё меньше и меньше энергии. И они не знают, почему. Причина известна лишь мне и богине, но ей не известно, где находится Жар-птица. В прошлом наш мир — неоднократно попадал в такие места, где было мало источников энергии, и поступление её в колодец резко сокращалось. В этих случаях колодцу требовались человеческие жертвы, — из массы тел жертв колодец также может извлечь энергию. Когда из такой мёртвой зоны мы вновь переходили в места с сильным излучением, колодец начинал черпать энергию от звёзд, и жертвы ему больше не требовались. Айзиры полагают, что сейчас мы попали в мёртвую зону. Но на самом деле это не так. Колодец никогда не сможет вновь вбирать энергию, если Жар-птицу не вернуть на место. Пока же нам приходится приносить колодцу человеческие жертвы, чтобы поддержать жизнь бессмертных айзиров. Жертвы дают нам энергию, но, к сожалению, не столько и не столь длительное время, как хотелось бы. Когда айзиру приходится тратить

больше энергии, чем та, которой он обладает, с ним что-то происходит. Стоит израсходовать больше энергии, чем допустимо, и айзир… меняется.

Вспомнив слова Нэсс об аналогии с изотопами, Сойер подумал об изотопных изменениях при распаде урана-238 через превращения в нептуний и плутоний.

— Это происходит из-за их нестабильности, — пробормотал он. — Ядро нептуния испускает электрон и превращается в…, впрочем, не важно. Продолжай, Нэсс. Итак, что же происходит с айзирами?

Нэсс подозрительно посмотрела на него.

— Похоже, что они… испаряются. А затем, долгое время спустя, через ледяной коридор, который ты, наверное, помнишь, возвращаются назад. Именно это я имела в виду, говоря о том, что такие пути длинны и необычны, наверняка мы, айзиры, претерпеваем превращения во множество различных форм. Но что в действительности происходит с айзиром в этот промежуток времени — от момента испарения до появления в обычной форме — никто не знает, ибо никто не помнит, что с ним было.

Она нетерпеливо сделала шаг вперёд.

— Теперь ты знаешь всё. Ну, что, отдаёшь Жар-птицу или прыгнешь в бездну?

— Ты забыла рассказать о дикарях, — нашёлся Сойер, желая вытянуть из неё как можно больше сведений для Олпера.

— Они — часть наказания, которое должна понести богиня за украденную Жар-птицу. Несчастья будут продолжаться до тех пор, пока Жар-птица не вернётся в колодец. Первое, что я сделаю, став богиней, — верну Жар-птицу в колодец, и все несчастья моего народа кончатся.

— Ты могла бы вернуть Жар-птицу сейчас, — возразил Сойер. — Непонятно, почему богиня совершила такую глупость? Уж кто-кто, а она должна знать все последствия. А может это была не она, Нэсс?

— Конечно, она, — выпалила Нэсс. — Она хотела власти, много власти, гораздо больше, чем мог дать ей колодец. Почему я должна отдать ей Жар-птицу и тем самым помочь сохранить её власть? Когда я сама стану богиней, я позабочусь о том, чтобы восстановить порядок. А она пусть пожинает то, что посеяла.

Сойер задумчиво посмотрел на неё. Теперь он был почти уверен, кто на самом деле украл Жар-птицу из колодца. Он надеялся, что Олпер

внимательно его слушает. Интересно, допрашивала его богиня или ещё нет, и что из разговора Сойера с Нэсс могло ему пригодиться.

— Я не совсем понимаю, что же такое настоящие Жар-птицы? — спросил он. — Для чего они нужны и какова их связь с этим украденным символом — регулятором?

— А вот этого я тебе не скажу, — яростно воскликнула Нэсс. — Давай, прыгай вниз, если хочешь. Жар-птицы питаются энергией урана с вашего рудника, они могут высосать жизненную энергию хома и твою, между прочим, тоже. И непременно сделают это, будь уверен.

— А что будет, — поинтересовался Сойер, — если богиня узнает о том, что Жар-птица у тебя?

— Да она и так знает. Знает, но не хочет, чтобы об этом узнал кто-нибудь ещё. Она — хранительница колодца. Неужели ты думаешь, что она будет трезвонить повсюду, что позволила… что она стащила Жар-птицу?

Сойер усмехнулся. Теперь он знал точно, кто был вором. Наверное, Нэсс прочла это на его лице, потому что тут же продолжила:

— Хочешь рассказать богине? Да первое, что она сделает, это заставит показать, где ты спрятал Жар-птицу. Она обладает такой властью, которой

у меня пока нет. И второе, что она сделает, это навеки заткнёт тебе рот, так что ты никому не сможешь проболтаться, что богиня не сохранила сокровище. Она носит двуликую маску и хочет оставить её у себя, а меня убить на церемонии открытия колодца. Когда меня не будет в живых, богиня не станет с тобой церемониться. Как ты думаешь, почему я не стала ждать тебя у выхода из храма, а заставила пройти такой далёкий путь?

— Ну, положим, не меня, а Олпера, — сказал Сойер. — А в самом деле, почему? Чего ты боялась?

— Стражей богини, конечно, — ответила Нэсс. — Я не подчинилась требованиям ритуала открытия колодца. И дальше намерена поступать так, как сочту нужным, если, конечно, меня не схватят. Но где в Хомадии скроешься от богини? Нигде, если Жар-птица не поможет тебе открыть ворота, через которые не может пройти даже богиня.

— Ворота на Землю? — спросил Сойер. Нэсс на секунду заколебалась.

— Куда-то в другое место? — вновь спросил он, внимательно глядя на неё. — Когда мы были в урановом руднике, ты собиралась забрать с собой Клай на допрос и провести её через ворота.

Вряд ли ты имела в виду ворота в Хомадию. А затем всех нас втянуло в этот длинный ледяной коридор и… — Сойер остановился, махнул рукой и живо продолжал. — Итак, скорее всего, коридор — это просто перегон на пути в то место, куда ты намеревалась затащить Клай. Но без Жар-птицы тебе его не преодолеть. Поток в коридоре унёс тебя и всех нас, за исключением Олпера, у которого тогда была Жар-птица.

— Какая сейчас разница, — нетерпеливо сказала Нэсс. — Ты понимаешь теперь всю отчаянность моего положения. Город полон солдат, ищущих среди хомов многочисленные жертвы для церемонии распечатывания колодца. А за пределами города у богини есть способ, с помощью которого она быстро до меня доберётся. Поэтому или ты отдашь мне Жар-птицу или можешь прыгать, выбирай. — И она сделала неслышный шаг вперёд. — Думай, думай быстрее, животное. Да или нет?

Сойер ещё раз посмотрел вниз, в головокружительную бездну, которая перерезалась теперь длинными косыми лучами, исходящими от горящего у подножия холма «костра». В его свете можно было заметить оживление на плавучих островах.

— Ещё минуточку, Нэсс, — попросил он. — Есть кое-какие обстоятельства, которые ты не учла. Нарочно ты это сделала или нет, но твой костёр привлёк повышенное внимание селли, ты так, кажется, их называешь? Я думаю, скоро стражи Хомадии забьют тревогу. Взберись на камень позади тебя, и ты всё увидишь. Но не подходи ко мне близко, иначе я прыгну вниз.

Нэсс что-то злобно прошипела в ответ, поставила ногу на уступ скалы и поднялась на камень, с которого ей было видно всё, о чём говорил Сойер, и испуганно вскрикнула.

В красноватом свете «костра» было отчётливо видно, что плавающие острова буквально кишат ордами селли, перебиравшимися по висящим корням деревьев с нижних островов на верхние. Их пустые воздетые кверху глаза казались красными и плоскими в гипнотизирующем их свете.

Вдруг сильный удар встряхнул почву под ногами Сойера. Нэсс вскрикнула и сползла вниз с камня, на котором стояла. Только судорожно обхватив ствол дерева, Сойер спасся от падения со скалы, но при этом так ударился лбом о дерево, что у него из глаз посыпались искры.

Остров, на котором они находились, медленно развернулся почти под прямым углом. Что-то

скользнуло по его лицу. Подняв голову, он получил сильный удар по щеке корнем дерева. Остров поднялся так высоко, что коснулся края обрыва Хомадии, и корни, по которым стекала вода из верхнего мира, касались верхушек деревьев острова.

Над его головой, вздымаясь, словно ворота рая, виднелись сквозь дождь и тьму тяжёлые железные двери и гранитные стены укреплений Хомадии. Ворота медленно открывались. Колокола звонили во всю мощь!

Сойер крепче схватился за ствол дерева и продолжал смотреть.

IX

Водопад человеческих тел изливался из верхнего мира. Отблески горящего «костра» освещали стальные трубы и спирали — загадочное оружие хомов. Тёмный поток стекал вниз, и остров сотрясался от падающих на него тел.

Опускаясь на землю, они громко кричали.

В ответ, словно дальнее эхо, раздавались глухие, рокочущие голоса дикарей. Их головы на низких шеях почти лежали на плечах, длинные руки болтались, ножи сверкали, когда они устре-

мились вперёд на хомов.

Боевые крики хомов и глухое рычание селли перекрыл сильный, пронзительный, похожий на удар мощного гонга крик. За первым криком последовал второй, за ним — третий, и они превратились в оглушительные раскаты.

Над водопадом человеческих тел возникли три фигуры богов.

Три высоченных айзира на две головы возвышались над тёмной человеческой массой. Они словно хлыстами пощёлкивали над хомами длинными полосками пламени, похожими на молнии.

— Наконец-то, — подумал Сойер, — появились те, кто действительно сможет справиться с селли.

При первых же звуках их голосов, Нэсс беспокойно обернулась и смерила Сойера ненавидящим взглядом, мгновенье поколебалась, а потом сделала шаг по направлению к нему. Он быстро обернулся и рывком свесился в бездну. — Ничего у тебя не выйдет, — предупредил он. — Я брошусь вниз, и ты это знаешь.

— Не подумай, что твоя взяла, — она плюнула в его сторону. Огромные её глаза загорелись яростью. — Ты знаешь слишком много, гораздо

больше, чем тебе положено. Но от меня не уйдёшь. Я… — она резко остановилась, мстительно улыбнулась, и одним змеиным движением как бы обтекла камень и исчезла между двумя пологими холмами, подальше от поля битвы.

Сойер напряжённо всматривался в темноту, но ничего не видел. Вероятно, Нэсс действительно исчезла. А может быть, просто спряталась. Он сделал несколько осторожных шагов вперёд, разглядывая сражающихся.

Первые ряды хомов продвигались вперёд. Длинной, изгибающейся волной навстречу им шли селли.

Айзиры бродили среди толпы, пощёлкивая огненными хлыстами. Их нечеловеческие голоса смешивались с глухим рычанием селли и громкими криками людей. Все эти звуки перекрывал тревожный перезвон колоколов. Наполовину потухший «костёр» от догоравшего плаща разбрасывал в разные стороны лучи, подсвечивая картину сражения снизу.

Сойер увидел, как один из идущих в авангарде айзиров столкнулся лицом к лицу с селли. Глаза дикаря яростно вспыхнули, а божественное лицо айзира исказилось презрением. Он высоко взмахнул своей огненной розгой, и она, взметнувшись,

молнией опоясала уродливое существо.

Селли взревел, завертелся и свалился… но остался жив. Сойер с интересом наблюдал за этой сценой. Он видел, как дикарь упал, потом нерешительно приподнялся, помотал своей плоской головой и, слегка пошатываясь, оглушённый и неуверенный, снова двинулся в бой.

Послышался звук перекатывающихся под ногами камешков, и в просвете между двумя холмами возникла голова человека в остроконечной шапке. Он прокричал что-то, а затем, размахивая руками, быстро припустился вниз по ущелью в направлении Сойера. Сойер вновь забрался на дерево, готовый броситься в бездну, если это окажется ловушкой.

Бегущий хом, задыхаясь, ринулся к Сойеру, по-прежнему отчаянно жестикулируя. Он всё время выкрикивал какое-то короткое слово, но какое именно, Сойер разобрать не мог и решил подождать, пока тот приблизится.

И тут вдруг в его сознании всплыло, что эту остроконечную шапочку и тёмное лицо он уже видел. В первый раз, когда он падал с обрыва, именно это лицо провожало его глазами.

Увидев, что Сойер стоит на самом краю обрыва, человек резко остановился и, справившись с ды-

ханием, закивал головой, каждый раз произнося «Клай». Сначала Сойер ничего не мог понять. Затем он подался вперёд, схватил человека за плечи и повторял за ним: «Клай? Клай?..»

Человек широко улыбнулся, ещё пуще закивал головой и, схватив Сойера за руку, постарался оттащить подальше от края обрыва. Сойер позволил, чтобы его повели в сторону сражения, но зорко следил за тем, что творилось вокруг. Постепенно из обрывков памяти начала складываться некая логическая картина событий. Под влиянием сильного возбуждения он непрерывно заговаривал со своим провожатым по-английски, забыв, что тот его не понимает.

— Я знаю, что ты шёл за мной от самого храма. Ты видел, как я упал в бездну, а острова с дикарями начали подниматься. Это ты поднял тревогу? А теперь ты поведёшь меня к Клай?

Маленький человечек при слове «Клай» снова закивал и жестами показал Сойеру, что им надо убираться отсюда как можно быстрее. Они остановились лишь на вершине одного из холмов, что находился как раз над сражавшимися. Провожатый явно хотел миновать поле боя и добраться до ворот. Но сейчас, когда поле битвы расширялось, это было особенно трудно.

Сойер задумчиво разглядывал окружавшую местность. Остров причалил к верхнему миру, воткнувшись в него, точно лодка носом в берег. Две трети острова свободно расстилались прямо перед городскими воротами.

Сойер сказал: «Пошли», — и взял своего провожатого за руку. Маленький человечек неожиданно начал сопротивляться: схватил Сойера за рукав, одновременно показывая куда-то вбок. Сойер обернулся.

Они стояли почти на вершине холма. Внизу, под потоками дождя на широком, разбитом тротуаре, шла отчаянная борьба. Вдали, там, куда указывал человек, Сойер увидел Нэсс, скрывавшуюся за деревьями и глядевшую на них и на битву с лицом, полным возбуждения и ярости. Серьги болтались вдоль щёк, посылая лучи в разные стороны.

— Она знает, что мы здесь, — сказал он на английском. — Нам нужно поскорее отсюда сматываться, пока она до нас не добралась. Пошли.

Произнеся эти слова, он, однако, не двинулся с места. Его внимание привлекло необычайное выражение глаз Нэсс. Он замер на какое-то время, смотря на неё, словно загипнотизированный, и новая мысль начала постепенно складываться в его мозгу.

По случайному совпадению один из селли поднял глаза кверху в ту же минуту, когда это сделала Нэсс, и Сойер увидел глаза обоих одновременно…

Это были совершенно одинаковые глаза: огромные, овальной формы, сияющие, словно драгоценные камни. Разница была в том, что глаза селли были абсолютно пустыми, словно стекляшки. За одними скрывался отточенный, острый ум, а за другими абсолютная тупость.

Провожатый Сойера вновь дёрнул его за рукав. Неохотно, всё ещё во власти странной идеи, пока без чётких очертаний, Сойер повернулся.

Но в этот момент его остановило необычное происшествие.

Айзир, пробираясь вперёд через толпу, словно карающий ангел через орды демонов, размахивал в воздухе огненным кнутом. Один из селли метнул нож в айзира. Тот лишь презрительно усмехнулся. В тот момент, когда нож почти коснулся груди айзира, между телом айзира и лезвием сверкнула вспышка. Не причинив никакого видимого вреда, нож упал на землю.

Но айзир застыл на месте, как вкопанный. Он стоял так целую минуту; лицо его стало совершенно пустым, а глаза остекленели. Затем вокруг

него возник сверкающий раскалённый нимб. В следующую секунду бог исчез.

Но битва продолжалась, сомкнувшись, словно вода, над тем местом, где только что стоял айзир.

«Когда айзир использует больше энергии, чем допустимо, он… он испаряется», — так сказала Нэсс в своём монологе на краю пропасти.

Встряхнув головой, ошеломлённый всем, что он увидел и что ему ещё предстояло осмыслить, Сойер повернулся к провожатому. Ему предстояло ещё одно небольшое дело перед тем, как они возвратятся в город. И дело это нужно было держать в секрете от всех, даже от провожатого.

— Пойдём, — сказал Сойер, уводя своего попутчика с поля боя. — Мы поднимемся наверх.

Дождь продолжал литься в знакомый обрыв, с которого уже падал Сойер. Сейчас край обрыва был над ними на высоте, не превышающей два человеческих роста. Хорошо знакомый корень свисал вниз, волочась по земле отломанным концом.

— Лезь первый, — жестами показал Сойер. Маленький человек ухватился за корень, быстро забрался по нему наверх и исчез из вида.

Сойер полез за ним, но гораздо медленнее, внимательно разглядывая влажную стену рас-

щелины. Это почти невероятно, но ему удалось найти нору, заткнутую камнем. Он глубоко вздохнул, вытащил обломок камня, бросил его вниз, просунул руку в отверстие и в ту же секунду почувствовал, как она коснулась тёплого золотистого бруска — Жар-птицы.

Он положил эту чудесную и опасную вещицу себе в карман и быстро преодолел оставшийся подъём. Человечек поджидал его у края и помог выбраться наружу.

Пока они пробирались по тёмным улицам, провожатый Сойера дважды останавливался, нырял в подъезды и издавал тихий, предупреждающий свист. Город кишел возбуждёнными хомами, но человек так хорошо знал все окольные пути, что им ни разу не пришлось пересечь освещённую магистраль.

У провожатого Сойера было отлично развито шестое чувство, потому что, прячась второй раз, он не напрасно втолкнул Сойера в подъезд; они увидели мелькнувшие невдалеке развевающиеся белые одежды и слабое фосфоресцирующее сияние, излучаемое серьгами Нэсс.

— Теперь я знаю её планы, — подумал Сойер. — Ей пришлось спрятаться, когда на остров вступили стражи богини. Но теперь? Может

быть, она следит за мной, надеясь, что я выведу её к Жар-птице? Хорошо, что она не видела, как я взбирался по корню наверх, иначе давно бы настигла меня. — Он прикрыл рукой карман, излучающий слабое сияние.

Маленький человечек похлопал Сойера по плечу, повозился какую-то секунду с дверью, затем бесшумно толкнул её и в полной темноте начал спускаться по шаткой лестнице в подвальное помещение, в котором было небольшое окно, через него они вылезли на другую улицу и пустились бегом.

Пока Сойер бежал, он решил, что лучше ему посвятить Олпера во все события, иначе он может получить неожиданный удар в самый неподходящий момент. Опасаясь своего далёкого врага, который управлял его жизнью, он шёпотом рассказывал ему о происходящем, пока мчался вслед за незнакомцем по чужому городу навстречу неизвестной цели.

А целью их оказался глухой переулок, тёмный и приятно пахнувший сеном и лошадьми. Спутник Сойера постучал условным стуком по замаскированной двери. Откуда-то возникли два хома, заглянули на их лица и, что-то сказав, исчезли. Дверь открылась. Сойер и провожатый быстро

проскользнули внутрь.

Фонарь, горевший на каком-то остро пахнувшем масле, свисал с потолка, и его покачивания рождали на стенах пляшущие тени. Головы пятнистых леопардовых пони понуро высовывались из стойл по обеим сторонам прохода в конюшне. Под фонарём копошились красноватые куры, выклёвывая что-то из разбросанной по полу соломы.

Конюшня была битком набита хомами. Они сидели в три ряда вдоль стойл, заполняли все углы; их ноги свисали с сеновала, расположенного над стойлами пони. Глаза в свете фонаря ярко блестели, и они хранили тревожное молчание, готовые к любой неожиданности.

В дальнем конце конюшни, на куче соломы, сидел толстый старик; на коленях у него расположился полосатый кот. Рядом со стариком, на расстеленном голубом плаще, крепко спала Клай, подложив ладони под щёку, с пятнами сажи и копоти на лице.

Старик осторожно потряс её. Она широко открыла темно-голубые, затуманенные сном глаза. Затем вскочила, крикнула: «Сойер!» — и бросилась к нему, всё ещё не отойдя от сна, но улыбаясь и протягивая к нему руки.

Он с радостью взял её руки в свои. Было очень приятно вновь увидеть знакомое лицо. Вначале она упорно говорила на своём родном языке и остановилась только тогда, когда он перебил её: «Подожди, Клай. Прежде всего здравствуй». Она рассмеялась, смущённо покачала головой и перешла на английский, хотя незнакомые слова то и дело мелькали в её речи.

— С тобой всё в порядке? — спросила она. — Я всё ещё никак не проснусь. С тобой ничего не случилось? Ведь я втянула тебя в эту передрягу. Мне очень жаль. Я…

— Да говори ты по-английски, — не выдержал Сойер. — Я не понимаю вашего языка. Мы все сейчас находимся в беде, и нам следует помогать друг другу, чтобы из неё выпутаться. — Он осторожно стёр копоть с её щеки. — А что случилось с тобой?

— За мной пришли айзиры, — просто сказала она. — Мы, конечно, знали, что они придут. Они подожгли дедушкин дом, и мы с трудом успели из него выбраться. Они по-прежнему охотятся за мной. Они бы уже схватили меня, если бы не нападение дикарей на город. Ты принимал в нём участие? Что с тобой произошло?

Решительный голос сзади заставил Клай обер-

нуться. Старик улыбался, но его голубые глаза были настороженными и холодными. Он продолжал нежно гладить кота, но то, что он сказал, заставило Клай переменить тон и представить старика Сойеру.

— Его зовут Затри, — сказала она. — Это мой дедушка и чудесный человек. Он говорит, что у нас мало времени. Я рассказала ему о Жар-птице и то, что мы услышали от Нэсс, когда она стояла на ступеньках в ожидании богини. Что такое Жар-птица — никто не знает, но дедушка думает, что с ней связано что-то очень серьёзное. Он хочет подробно расспросить, что с тобой произошло, но у нас может не хватить времени. Селли начали прорываться в город, и вскоре мы будем драться с ними на улицах. Дедушка надеется, что ты знаешь нечто такое, что может нам пригодиться.

— Что именно он хочет узнать? — спросил Сойер.

Клай повторила старику вопрос, и его глаза зажглись, когда он наклонился вперёд, говоря быстро и отрывисто.

— В течение тысячелетий, — спокойно начала переводить Клай, когда старик закончил свою речь, — мы были рабами айзиров. Мы лишены каких-либо свобод, мы не можем даже само-

стоятельно думать и учиться. Для айзиров мы просто животные. Дедушка считает, что сейчас наступил подходящий момент положить конец их господству. Ещё он хочет, чтобы ты знал, что он ни за что бы не рисковал жизнью людей даже ради спасения своей единственной внучки, если бы не был уверен, что я обладаю какими-то сведениями, которые могут им пригодиться. Но, к сожалению, я ничего не знаю. Он надеется, что ты сможешь им помочь.

— Подожди, — сказал Сойер. — Скажи ему, что я также против айзиров, как и он. Основная моя забота — помешать им воровать уран из рудника Фортуны. Теперь я знаю об айзирах гораздо больше, чем прежде. Я хочу вернуться на Землю и завершить своё дело. Но мне также хочется остаться в живых. — Он улыбнулся. — Поэтому я не буду сейчас особенно активно выступать против айзиров, даже если бы и мог. Без них селли убьют нас всех. У хомов ведь нет никакого оружия против селли?

Клай покачала головой и тревожно взглянула на него.

— Из того, что я знаю, даже айзиры не могут полностью уничтожить селли. Вообще-то селли уважают и даже немного побаиваются айзиров.

Но, конечно, не сейчас, когда они вошли в раж. Я даже думать боюсь, что может произойти.

— Мне бы хотелось знать побольше об этих дикарях, — сказал Сойер. — Наверно, всё-таки существует какой-то кодекс взаимоотношений с ними, иначе вы бы все давно погибли.

— В том-то и дело, что они появились совсем недавно, — воскликнула Клай. — В тот момент, когда колодец айзиров перестал давать прежнее количество энергии. Хотя нам, хомам, не положено много знать, но мой дедушка долгое время был служителем в храме и знает тайные прослушивающие устройства храма. Поэтому нам известно, почему айзиры боятся селли.

Селли буквально означает «младший брат», но с сильным оттенком пренебрежения и даже ненависти. Айзиры говорят, что нынешняя богиня совершила какой-то страшный поступок, из-за чего колодец умер. За это должны расплачиваться все айзиры. Они происходят из нижнего мира. Никто не может туда попасть. Но вскоре после смерти колодца из нижнего мира разлилось сияние, и по дрейфующим островам начали бродить селли, доставляя всем массу хлопот. Они неуязвимы, как и айзиры. Высказывалось предположение, что на родине айзиров вырастает

новая раса богов, и они придут им на смену, как только обретут достаточно сил. Поэтому айзиры боятся и ненавидят селли.

— Но селли не похожи на айзиров, — возразил Сойер. — Каким образом они могут превратиться в…

— Понимаю, что ты хочешь сказать, — прервала его Клай. — Этот вопрос заботит и айзиров. И всё же, если приглядеться повнимательнее, в них есть что-то общее, и не стоит об этом забывать. Жар-птицы появились на Земле в то самое время, когда селли появились здесь. Ведь Жар-птиц в Хомадии нет, они только на Земле.

— На другом конце колодца, — вслух размышлял Сойер. — Забавно. Между этими явлениями должна быть какая-то связь. Три формы жизни — это три стороны одной и той же загадки. Но…

Отчаянный крик айзира, раздавшийся неподалёку, прервал разговор.

На какую-то секунду воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь хрустом сена жующих пони и долетавшим издалека шумом битвы. Когда Сойер только вошёл в конюшню, звуки сражения сюда ещё не доносились. Это означало, что селли овладели подступами к городу и теперь рвались к его центру. — Если у айзиров существует оружие

против селли, — невесело подумал Сойер, — нужно без промедления готовить его к бою.

Тишина продолжалась недолго. Затем снова послышались удары и звенящие выкрики айзиров, которые вдруг перекрыл яростный, дикий вопль. Сойер хорошо знал, что он мог принадлежать лишь одному существу.

— Нэсс, — пробормотал он и бросился к двери.

Затри с необычайным проворством подскочил к двери в тот же момент, когда Сойер её открыл. По приказанию старика кто-то немедленно выключил лампу. Потом все бросились к началу переулка, чтобы взглянуть, что происходит.

Нэсс попала в беду. Немного впереди Сойер увидел знакомую фигуру с мотающимися серьгами, пытающуюся освободиться от двух айзиров, которые вели её вниз по улице к храму. Она извивалась, сопротивлялась и то и дело обращалась к ним с пламенной речью. Но айзиры, казалось, не слышали её слов. Три надетые на затылки маски невозмутимо взирали на кучку разглядывавших их из боковой аллеи хомов.

— Значит, она нас всё-таки преследовала, — сказал Сойер. — Ну и поделом ей. Интересно, что с ней сделает богиня.

— Заставит её участвовать в церемонии откры-

тия колодца, — ответила Клай из укрытия. — И кто-нибудь из них при этом погибнет. Но кто бы ни победил, для нас это не имеет никакого значения, так как власть айзиров будет продолжаться по-прежнему, если не произойдёт нечто из ряда вон выходящее. Ну, а теперь пойдём. Нам ещё нужно многое сделать.

— Ладно, — согласился Сойер. — Но ответь мне на один вопрос. Для чего нужны эти маски?

В этот момент из-за угла донёсся спокойный голос:

— Хороший вопрос, мой друг. Посмотри, что я принёс с собой? — Сойер узнал этот голос мгновенно. Эти низкие звуки могли принадлежать только одному человеку. Он обернулся и воскликнул: «Олпер!»

К ним приближалась внушительная фигура старика. Хотя он двигался почти без усилий благодаря полученной от Жар-птицы энергии, но, видимо, она была уже на исходе — он слегка волочил ноги и немного сутулился.

В каждой руке он держал бледную, улыбающуюся, безглазую маску айзира.

X

Затри снова взгромоздился на свой соломенный трон, хомы опять заняли места вдоль стен. Олпер стоял прямо под качающейся лампой, слегка опустив тяжёлую голову и напружинив ноги, оглядывая собравшихся холодным решительным взглядом. С улицы доносился нарастающий шум сражения. Глухой рёв селли, младших братьев, катился эхом по пустынным улицам Хомадии, смешиваясь с криками и стонами людей и звенящими возгласами айзиров. Олпер повернул голову и прислушался.

— Придётся им поторопиться с церемонией открытия, — обратился он к Сойеру. — Я разговаривал с богиней. С помощью вот этого, — он потряс двумя улыбающимися масками, — это было не так уж трудно. Значительная часть разговора, который вы вели с Нэсс на острове, я пересказал богине. К счастью, она не могла понимать тебя, потому что ты был без маски, а связь осуществляется только посредством двух масок. Вот почему я ничего не сказал ей о Жар-птице.

Он остановился, засунул одну из масок под мышку и опустил руку в карман. Голос его стал

зловещим.

— Где Жар-птица, Сойер? — спросил он. — Что ты с ней сделал?

Сойер мгновенно вспомнил, что всегда, когда говорил вслух, так, чтобы Олпер мог его слышать, он отрицал, что Жар-птица у него.

— Я ничего с ней не делал, — ответил он. — Я оставил её там, где она была.

Приёмник в его голове чуть-чуть задрожал, посылая в мозг слабые токи. Сойер почувствовал, как в нём нарастает порыв дикой ярости. Он ринулся к Олперу с перекошенным от гнева лицом, даже не пытаясь сдерживаться.

— Прекрати немедленно! — заорал он. — Так ты ничего от меня не добьёшься!

Шум в его голове тут же прекратился. Олпер торопливо заговорил:

— Хорошо, хорошо! Я просто напомнил тебе. Я знаю, что ты не врёшь. Нэсс ведь обыскивала тебя сама, и я это знаю. Я знаю всё, что она сказала тебе, и это навело меня на ряд интересных мыслей. Я ведь нашёл тебя с помощью приёмника. Его сигналы были мне отличным проводником после того, как я удрал от богини. Это нападение дикарей помогло нам всем. Я свободен, Клай, по крайней мере, получила отсрочку, и мы с тобой

прямо сейчас отправимся в храм, если старик согласится нас проводить.

Он повернулся к Затри и заговорил, но спохватился, пожал плечами и протянул ему маску. Затри осторожно её взял, испытующе глядя на Олпера. Олпер слегка наклонил голову, натянул вторую, улыбающуюся, маску себе на лицо и заговорил немного глухим голосом.

— У меня есть план, сказал он, — как спасти вашу внучку. Ну и меня самого, конечно. Мне нужна ваша помощь…

Затри жестом попросил его подождать, поколебался какое-то мгновение и затем натянул маску на лицо.

Было необычно видеть два бесцветных лица айзиров, смотрящих друг на друга. Сквозь овальные прорези одной маски мигали голубые глаза Затри, а из другой холодно смотрели маленькие серые глаза Олпера.

Олпер повторил своё предложение, говоря по-английски. И Затри после некоторого неловкого молчания, как будто бы маска лишила его дара речи, вдруг ответил на своём языке, словно смысл слов Олпера был для него хотя бы отчасти понятен. Столпившиеся вокруг него хомы переводили взгляд с одного на другого и стали тревожно пе-

решёптываться.

— Что происходит? — спросил Сойер у Клай.

Она удивлённо посмотрела на него. — Эти маски — своеобразные приборы для общения, — ответила она, — Нэсс, я думаю, именно с помощью такой маски выучила английский язык. Наука и искусство айзиров поднялись до таких высот, что музыканту, скажем, очень трудно найти общий язык с физиком, области их знаний не пересекаются. Ведь айзиры развивали свои знания в течение тысячелетий. И чтобы общаться друг с другом, ими разработан способ обмена информацией, который позволяет вести разговор, не вникая в технические тонкости, но сохраняя понимание друг друга. Интересно, как это Олперу удалось их стащить?

— Мне тоже интересно, — задумчиво промолвил Сойер. — Я не доверяю Олперу. Послушай, что говорит твой дедушка?

— Он хочет знать планы Олпера. Он говорит, что мог бы проводить его в храм, но сейчас для этого неподходящее время. Церемония открытия колодца скорее всего началась. К тому же на улицах небезопасно.

— Я скажу тебе, каковы мои планы, — голос Олпера из-под маски звучал довольно глухо.

Бледная улыбка тонкогубой маски придавала ему зловещее выражение, которое, вероятно, вполне соответствовало его намерениям. — Сойер знает, где лежит Жар-птица. Она нужна мне. Как только я её получу, я заставлю Нэсс открыть ворота и переправить нас на Землю.

— Как ты её заставишь? — спросил Сойер. Маска повернулась к нему с улыбкой. Но нетерпеливый голос, доносившийся из-под маски, не предвещал ничего доброго.

— Ты дашь Жар-птицу, и я освобожу тебя от приёмника. По-моему, сделка неплохая? А потом доберусь до Нэсс и надену этот приёмник на неё. И тогда она сделает всё, что я ей скажу.

У Сойера были большие сомнения относительно плана Олпера, но он не решился высказывать их вслух. Однако Затри потребовал объяснений. Олпер быстро дал нужные пояснения. После этого Затри обратился к Клай, которая подвела Сойера к деду, чтобы он мог лично убедиться в наличии на голове у Сойера крошечного прибора. Но как только Сойер сделал попытку заговорить, Олпер нетерпеливо его перебил.

— Не трать понапрасну время. Ну, что, будем меняться или нет? Ты хочешь избавиться от приёмника. Я же заберу Жар-птицу на Землю и не

буду вмешиваться в дела Фортуны. Клай может отправиться с нами, если захочет. Всё, что нам требуется, это забрать Жар-птицу и одарить Нэсс приёмником. Тогда она откроет для нас ворота на Землю, и мы удалимся вместе с Жар-птицей. Единственное, что меня беспокоит, — это успеем ли мы добраться до неё прежде, чем начнётся церемония.

Затри задал вопрос. Клай не стала переводить, а Олпер пожал плечами и сказал: «Не можешь. Придётся доверять мне. Я… хотя подожди».

Он стянул маску с лица и бросил её Сойеру.

— Надень её. Он тебе верит. Убеди его, Сойер. Ну и что из того, что в храме опасно? А здесь что, спокойнее? Скажи ему, что он должен привести нас к Нэсс.

Сойер подозрительно разглядывал маску.

— В последний раз, когда я надел кое-что из рекомендованного тобой, я оказался с приёмником в голове, — проговорил он. — Поэтому меня не очень радует предложение надеть ещё и эту маску. Насколько я тебя знаю, она вполне может превратить меня в рогатую жабу.

Олпер нетерпеливо фыркнул.

— Это совершенно безопасно. Ты же видел, что я сам её надевал. Маска — всего-навсего сред-

ство общения. Между собой айзиры общаются телепатически, но между ними и тобой или хомом общих понятий не так уж много. Поэтому маска выдаёт последовательность образов. Человеческий мозг работает по принципу телеграфного повторителя. В нём возбуждается каппа-ритм, порождающий новые, чёткие и запоминаемые образы. Альфа-ритм мозга может играть роль несущей частоты, способной периодически перестраиваться. Точно я не знаю, это только предположение. Общение — это процесс познания, который, как и зрение, зависит от способа восприятия, а иногда — от преобразователя, вроде этой маски. Ведь звуковой язык — не единственное средство общения. Животные, например, общаются с помощью запахов. Запах можно связать со строением пахучего вещества, а последнее в свою очередь — со структурой гормонов, которые играют роль внутренних связей в организме. Теперь понимаешь?

— Нет, — улыбнулся Сойер. — Но именно это меня убедило.

Он сунул голову в маску, приладил её, чтобы она правильно сидела. Маска была гладкая и прохладная, плотно прилегала к голове. Он открыл глаза и посмотрел сквозь овальные отверстия.

И вдруг произошло нечто удивительное. Конюшня, в которой они находились, волшебно преобразилась. Он не видел таких красок со времён своего детства. А запахи!.. Он вдыхал одуряющий запах сена, масло в коптящей лампе пахло приятнее, чем любое самое тонкое ароматическое вещество. В нём проснулось необычайное чувство пространства — какой-то суперориентации. Маска служила и усилителем, делая восприятие мира более обострённым для того, кто её надевал. Ничего удивительного, что Затри растерялся, когда впервые надел такую маску, как неудивительно и то, что айзиры чувствовали себя богами.

Он увидел внимательные голубые глаза Затри, смотрящие на него из овальных отверстий белой, самодовольной маски айзира.

— Ты понимаешь меня? — спросил он старика. Затри заговорил. Он говорил на языке хомов. Но то, что Сойер сейчас слышал, чувствовал, ощущал, было похоже на мгновенное постижение теней, узоров, света, звука и понятий, форм и запахов. Обычно комбинация восприятий постепенно сливается воедино, и вдруг из пустоты возникает знакомая или узнаваемая форма, постепенно становящаяся понятием. Но здесь всё

произошло сразу. Язык сразу стал полностью понятен Сойеру.

— Клай рассказала мне об этом человеке, Олпере. Ты веришь ему?

— Конечно, нет, — ответил Сойер. — Но вопрос в том, каковы у нас альтернативы? — Он кивнул в сторону улицы, откуда доносился страшный шум. — По-моему, абсолютно безопасного места нет нигде. Если даже айзиры не придут, чтобы забрать Клай, сюда преспокойно могут вломиться селли и убить нас. У вас ведь нет оружия против них? Например, взрывчатки? — Он поражался, как быстро смысл его слов доходил до Затри и насколько точно маска переводила понятия с одного языка на другой.

— У меня есть немного взрывчатки, — сказал Затри. — Но я не уверен, поможет ли она справиться с селли. Айзиры вряд ли позволили бы держать оружие, которое могло бы им серьёзно повредить. Ведь это означало бы, что они подвергали бы риску самих себя. Существует единственный вид оружия, к которому могут прибегнуть айзиры, и, я думаю, им вскоре придётся это сделать. Но оно столь же опасно и для айзиров, поэтому они колеблются. Они…

Он неожиданно прервал свою речь, услышав

стук в дверь. В проёме возникла голова хома, он прошептал что-то и исчез. Затри огляделся по сторонам, затем обратил взгляд на Сойера.

— Башни храма раскалились докрасна, — сказал он. — Это означает, что церемония начинается. Это значит также, что Нэсс уже вошла в зал миров и никогда не выйдет оттуда прежней. Богиня или убьёт её, или умрёт сама. Если Нэсс победит, на неё наденут двуликую маску и чёрное одеяние, и она станет богиней. Поэтому план твоего друга теперь бессмыслен. Человек может появиться в зале миров только в качестве жертвы для церемонии.

Он с тревогой взглянул на Клай. Сойер тоже оглянулся и был поражён необычным очарованием её хорошенького личика. Тогда он посмотрел на Олпера и с удовлетворением отметил, что даже маска не придала его лицу хоть немного привлекательности. Он перевёл Олперу то, что услышал от Затри. Олпер нетерпеливо фыркнул.

— Нэсс нужна Жар-птица, — сказал он. — Должно быть какое-то место, откуда она смогла бы увидеть нас вместе с Жар-птицей. Как только она нас заметит, даю голову на отсечение, она прекратит любую церемонию и бросится за Жар-птицей, потому что без неё она проиграет

сражение богине. Доставь меня к Нэсс с Жар-птицей, и она сделает всё, что я ей скажу. Она откроет нам ворота, и мы вернёмся назад, на Землю.

Не спуская глаз с лица Олпера, Клай шёпотом переводила его слова дедушке. Затри с сомнением произнёс: «Эти ворота, о которых он говорит, слишком опасны, я не…»

— Но Клай ведь прошла через них, не так ли? — зло спросил Олпер, когда ему перевели смысл слов старика.

Затри заговорил, обращаясь к Сойеру.

— Я отправил Клай через ворота вслед за Нэсс. Это было очень опасно, но другого выхода не было. Я спрятал Клай глубоко под землёй, в том месте, где Нэсс творила своё колдовство, и Клай осталась ждать её прихода.

— И что случилось потом? — спросил Сойер.

— Мне бы самому хотелось это знать. Я много раз наблюдал за Нэсс, когда она считала, что рядом никого нет. Я видел, как между её пальцами возникала искра и превращалась во вращающуюся в воздухе спираль. Тогда я ещё не слышал о Жар-птице. Но я знал, что Нэсс могла переходить в другой мир. Она и раньше исчезала надолго. Я надеялся, что Клай посчастливится где-то там, в другом мире, потому что здесь её не ждало ничего

хорошего.

— Я мало что помню, — вступила в беседу Клай. — Я помню, как дедушка втолкнул меня куда-то и как Нэсс стала быстро удаляться, а я упала на землю в незнакомом, тёмном месте. Затем Нэсс снова зажгла между пальцами огонь. Теперь я знаю, что это была Жар-птица, потом появилась другая спираль и… — Она помотала головой. — А дальше я проснулась в урановом руднике, ничего не помня, кроме собственного имени.

Она говорила по-английски, и Олпер вмешался в разговор — Я думаю, что то тёмное место, о котором ты говоришь, было подпространством. Богиня много мне об этом рассказала. Она хотела узнать как можно больше о Нэсс, и я её провоцировал на разговоры. Мне кажется, что ворота — это какой-то замкнутый процесс, который можно…

— А что с богиней? — спросил Сойер. — Если её положение столь безнадёжно, может, нам лучше иметь дело с ней?

— Нет. Какое ей до нас дело? Я безуспешно пытался с ней об этом говорить и потому знаю, как она поведёт себя. Для айзиров мы — просто животные, низшая раса. А они бессмертные боги. Краеугольный камень их бессмертия — Жар-пти-

ца. Ты знаешь, что это такое, Сойер? Я тебе скажу. На Земле ты можешь купить десяток подобий Жар-птицы, но не эту. Эта — единственная.

Он перевёл дыхание.

— Колодец миров — явление совершенно особенное, — продолжал он, — и я не знаю, как он действует, хотя кое о чём догадываюсь. Сейчас это — ниточка между Хомадией и Землёй, связавшая их вместе, но это ещё и источник, из которого айзиры черпают свою энергию из других миров. Фактически колодец — это труба из меняющейся, динамичной материи. Здесь, на этом конце Хомадии, колодец состоит из той же материи, что и Хомадия; на другом конце он в данный момент состоит из земной материи. Но тот, другой конец способен менять свою структуру в зависимости от того, с каким видом материи он в данный момент соприкасается. Способность конца колодца к постоянным изменениям, превращениям в любую форму, существующую в том мире, мимо которого пролетает Хомадия, позволяет ей соприкасаться с другими мирами и черпать из них энергию. Но это только половина вопроса, Сойер, только часть материи колодца. Другая его часть — структурообразующие магнитные частицы, из которых состоят стенки колодца. Но

Жар-птица — нечто совсем иное.

— По-моему, это просто идеальный проводник, сверхпроводник.

— Наверное, так. Ни на что другое она не похожа. Жар-птица передала мне энергию, и эта энергия должна была откуда-то поступать. И она может перетекать в Жар-птицу откуда угодно: из космоса, из уранового рудника — отовсюду. Жар-птица служит идеальным энергомостом между тем, чего она касается, и ближайшим источником энергии. Именно таким образом она открывает ворота между мирами. Возможно, это взаимопревращение вещества и энергии — откуда мне знать? Может быть, она действует как некий сверхпроводник, так, что волновые функции частиц, из которых состоит твоё физическое тело, входят в резонанс с волновыми функциями вещества в Хомадии, а мы принимаем эти изменения за проход ворот, в то время как превращения происходят в нас самих.

— Быть может, поэтому только айзиры могут открывать ворота. Они изменили волновые функции частиц, составляющих их, преобразовав так, что айзиры-боги могут получать энергию прямо из колодца, минуя всю сложнейшую цель биохимических реакций, происходящих в наших

телах при питании обычной пищей.

Олпер улыбнулся.

— На Земле в любом доме, куда проведено электричество, используется устройство вроде Жар-птицы. Ведь с её помощью можно получать энергию, но можно и прекращать её доступ. Это нечто вроде предохранительного клапана на энергопроводе, Сойер. Вот почему Жар-птица закрылась, когда Хомадия вошла в контакт с Землёй и урановой шахтой. Другой конец колодца прекрасно адаптировался к земной материи, и чудовищная энергия распада урана прямиком попала бы в Хомадию, если бы колодец мог её принять. Но когда Жар-птица закрылась, колодец отключился и перестал накапливать и передавать энергию. Связь между Землёй и Хомадией всё ещё существует, но энергия уже не перетекает. Вот почему, я думаю, Жар-птицы не появляются в Хомадии, хотя их свечение иногда можно видеть на дне колодца.

Если же открытую Жар-птицу бросить в колодец, я даже не знаю, что произойдёт. Это предохранительный клапан, но ведь существуют и детонаторы. Нас окружает множество источников энергии, и я просто боюсь себе представить, что произойдёт, если на нас обрушится вся энер-

гия из окружающего пространства. Даже айзиры не смогли бы выдержать полной энергоотдачи колодца. Сейчас они кормятся только той энергией, которую они получают, бросая в колодец жертвы. Но её давно недостаточно.

Айзиры исчезают, когда расходуют больше энергии, чем имеют. Что с ними происходит? Откуда-то, каким-то образом они вновь получают истраченную энергию и возвращаются назад по ледяному коридору. А если они получают больше энергии, чем могут использовать? Богиня боится чего-то, Сойер. Я думаю, всё дело тут в предохранительном клапане, этой способности Жар-птиц закрываться, когда поток энергии слишком велик. Откуда нам знать, какой предохранительный клапан сработал в тот момент, когда айзиры впервые превратили себя в богов? А когда украли Жар-птицу, стал необходимым другой клапан. Я не знаю, какой, но только вижу, что и богиня, и Нэсс чего-то боятся и, если Затри согласится с нами сотрудничать, мы все сможем спастись. Скажи ему это, Сойер.

Клай тихим шёпотом начала переводить слова Олпера. В этот момент Затри пристально посмотрел в глаза Сойеру.

— Спроси его, — сказал он, — зачем ему всё это

нужно?

— Чтобы стать обладателем Жар-птицы, — нетерпеливо ответил Олпер, когда ему перевели эти слова. — Я хочу вернуться на Землю с Жар-птицей. Всё просто.

— А что даст ему Жар-птица? — спросил Затри.

— Бессмертие, — подумав, ответил Олпер. Он покачал своей крупной головой. — О чём большем ещё можно мечтать? Молодость, сила, бессмертие? Разве этого мало? — переводила Клай.

Затри заговорил спокойным голосом.

— Зачем нужно создавать ещё одного бессмертного и отпускать его на Землю, чтобы он стал основателем ещё одной расы айзиров? Ваши люди такие же смертные, как мы, а не боги. Нет, я не хочу больше бессмертных. Я тоже старик. Переведи это Олперу. — Нет ничего плохого в старости. Видеть, как приходит смерть, обретая желанный покой. Ни один из тех, кто, словно ребёнок за любимую игрушку, цепляется за вечную молодость, не может стать бессмертным. Нет и нет. Я не допущу, чтобы этот землянин обрёл Жар-птицу и стал богом. Я не поведу его в храм.

Сойер радостно, облегчённо рассмеялся.

— Молодец, Затри, — сказал он. — Я ему тоже не

верю. Хотя он может меня убить, если захочет… При этих словах Сойер повернулся к Олперу и вызывающе уставился на него через отверстия в маске, — я тоже отказываюсь ему помогать. Если хочешь получить Жар-птицу, будешь слушать мои приказы, а не…

Олпер махнул рукой в яростном нетерпении.

— Хватит, — сказал он. — Я это предвидел. А теперь получите то, что заслужили, и помните, что сами на это напросились.

Пока они стояли, смотря на него, Олпер громко закричал, и из-за двери ему ответили гортанные, пронзительные крики айзиров. До того, как кто-нибудь из перепуганных присутствующих хомов дерзнул пошевелиться, дверь распахнулась настежь, сорванная с петель лёгким движением руки айзира, и в проёме возникли два одетых в туники айзира, а из-за их спин выглядывал ещё один. Презрительными взглядами они окинули конюшню и всех толпившихся там.

Ловким движением Олпер сорвал маску с лица Сойера. Мир опять стал знакомым, с привычными запахами, звуками и цветами. «Как будто цветную плёнку внезапно заменили на чёрно-белую», — подумал Сойер. Он быстро опомнился, но было уже поздно. Олпер надел маску на себя и го-

ворил сквозь неё глухо, но достаточно отчётливо. Казалось, айзиры поняли всё, что он сказал, хотя маски висели у них на затылках, а не на лицах.

— Девчонку можете арестовать, — спокойно произнёс Олпер. — Богиня желает принести её в жертву на церемонии. Этот человек и старик пойдут со мной. Остальных можете уничтожить.

Он повернулся к Сойеру. Глаза его сквозь тупую маску сверкали холодным торжеством.

— Итак, — сказал он. — Это твой последний шанс, мой мальчик. Мне нужна Жар-птица.

XI

Мозг Сойера работал быстро и трезво, но абсолютно безрезультатно. Десяток бесполезных идей промелькнули в его голове, пока слова Олпера раздавались в звенящей тишине конюшни. От доносившегося снаружи глухого рёва селли дрожали стены. Слышались человеческие крики, топанье ног и удары дерущихся рядом с конюшней.

— Быстрее, — потребовал Олпер, — опуская руку в карман. — Все карты у меня. Не будь дураком. Я могу убить тебя. Я могу довести тебя до бесчувствия, а айзиры разорвут тебя на части. Отдай

Жар-птицу, и ты спасён. Но если не отдашь…

Один из айзиров нетерпеливо вскрикнул и, подняв огромную руку, двинулся вперёд, словно мраморный бог. Он произнёс что-то на своём языке, и глубокое презрение отразилось на его лице. Он обошёл Сойера, схватил Клай своей железной рукой и толкнул её в направлении двери, где стояли двое его товарищей. Они слегка расступились, тот, кто стоял позади, схватил девушку и удалился в темноту.

Отчаянная, бесполезная попытка Сойера помочь Клай была пресечена ближайшим к нему айзиром. Он схватил его за плечо и так встряхнул, что зубы у Сойера застучали.

— Подожди, — вскричал с отчаянием Олпер. — Подожди, айзир. Отдай его мне. Богиня договорилась со мной, не забывай.

Айзир снова вздохнул, но оставил Сойера в покое.

— Сойер, прошу тебя, будь благоразумен, — нетерпеливо продолжал Олпер. — Смотри. Я заключил сделку…

Он неожиданно осёкся и взглянул на ближайшего айзира, а затем поднял руки и стянул маску со своего лица. — Я не хочу, чтобы они поняли, о чём мы говорим, потому, что я обещал богине

вернуть Жар-птицу. Она ей нужна, но факт воровства необходимо сохранить в секрете. Я думаю, что украла Нэсс, а не богиня. Но главное то, что Жар-птицы нет и богиня выполнит любое наше желание, лишь бы заполучить её назад. Но если я не принесу её, она убьёт меня. А моя жизнь важна для тебя, помни об этом. Если я умру, ты умрёшь тоже. Что ты говоришь?

Сойер прислушивался к звукам драки, которые стали такими громкими, что приходилось повышать голос, чтобы понять хоть что-нибудь из разговора. Он знал — надо действовать очень быстро. Следующее, что сделает Олпер, — попытается его обыскать, чтобы удостовериться в отсутствии у него Жар-птицы. Это непременно произойдёт, поэтому нельзя было терять ни минуты. Он бросил взгляд на внимательно следящего за всем Затри, который всё ещё был в маске.

— Хорошо, — согласился Сойер, — твоя взяла. — Он пошевелил плечами, ощущая живительное тепло Жар-птицы на своём боку. — Она не у меня, но рядом. Мне нужен свет. Удержи своих.

— Не показывай им, — быстро проговорил Олпер. — Они не должны её видеть.

Сойер кивнул в знак согласия, тогда Олпер, вздохнув, снова опустил маску на лицо. Сойер

сделал три шага вперёд и подошёл к висячей лампе. Все глаза были прикованы к нему, все замерли в ожидании. Голубые глаза Затри сверкали из-под маски. Никто не знал, чего ожидать, но хомы были готовы на всё. Сойер громко и довольно рассмеялся. Одним сильным броском он забросил лампу прямо в стог сена. Хомы, толпившиеся вокруг, расступились, чтобы дать ей возможность упасть на середину, и краешком глаза Сойер увидел, как кто-то даже подбросил охапку сена во вспыхнувшую копну. Они могли не догадываться о его планах, но поняли, что он хочет устроить пожар.

Той же рукой, которой он бросил лампу, Сойер крепко впился в запястье Олпера. Затем, притянув его к себе, он охватил второе запястье Олпера железной хваткой и прокричал: «Затри!»

Но Затри не требовалось понукать. Он вскочил с копны, на которой сидел, и начал отдавать чёткие приказания ещё до того, как лампа опрокинулась на стог сена. В момент наивысшего замешательства, когда два высоченных айзира, издав крик, полный удивления и ярости, бросились к сражавшейся паре, на их пути в едином порыве встала низкая, тёмная шеренга хомов, окружив возвышавшихся богов со всех сторон.

Айзиры были ошарашены неожиданным сопротивлением. Затем они, широко расставив ноги, начали раздавать жестокие удары. Каждый удар означал сломанные кости. А хомы не могли причинить айзирам никакого вреда. Они могли лишь помешать им. И отчаяние сделало их дерзкими.

Сойер напрягал все свои силы, чтобы сдержать сопротивление огромного тела. В какой-то момент ему показалось, что он вот-вот не выдержит, но Олпер вдруг неожиданно стих.

Сойер подумал, что это очередная уловка, и продолжал отчаянно сжимать его запястья. Затем он понял, что Олпер действительно сдался. Первая попытка избавиться от Сойера стала и последней. Его силы были на исходе. После истощения всего запаса энергии, полученной от Жар-птицы, он превратится в немощного старца. Поэтому он не дерзнул больше бороться, а решил подождать, что же будет дальше. Сойер скрутил руки Олпера за спину и остановился, тяжело дыша, обозревая поле боя.

Дым застилал всё вокруг. Огонь хорошо разгорался и громко потрескивал на облитом маслом сене, готовясь за считанные секунды перерасти в бушующее пламя. Конюшня полыхала ярким

светом, а дьявольская жара заставила айзиров и хомов отступать к дверному проёму.

Пони, издававшие полное ужаса ржание, перескакивали через низкие загородки стойл. Повсюду кипела свалка, и весь этот толкающийся, брыкающийся, ревущий клубок животных и людей выкатился за дверь и понёсся по переулку, увлекая за собой Сойера и Олпера.

С улицы, на которую выходил переулок, послышался глухой рёв селли, нараставший с каждой минутой. Сойер был твёрдо уверен, что хомам никогда не удастся справиться с айзирами, даже если бы они во много раз превосходили их числом. А вот селли были достойными противниками для айзиров, если бы удалось их вовремя натравить друг на друга.

Сойер сжал губы и без предупреждения ударил Олпера в висок. Тот со стоном упал.

— Затри, — озираясь по сторонам, что было сил крикнул Сойер. Старик словно бульдог, вцепился в запястье айзира, изо всех сил удерживая его длинную руку. Айзир наклонил над ним невозмутимое улыбающееся лицо, по которому стекали струйки пота. Стряхнув с другой руки несколько хомов, он занёс огромный белый кулак над головой Затри. Сойер предупреждающе закричал.

Но кулак уже падал вниз, и Затри приготовился к смерти.

В этот момент айзир неожиданно исчез. На том месте, где он только что стоял, ослепительно вспыхнул свет, и воздух внезапно стал горячим. Некоторое время в воздухе ещё висело облачко, напоминающее дым, но и оно быстро рассеялось. Айзир истратил весь имеющийся у него запас энергии и сейчас уносился куда-то в неведомую даль, готовясь проделать путешествие, которое полагалось совершать богам, прежде чем они снова возникнут в своём привычном виде.

Затри пошатнулся, тряся слегка опалённой головой в маске, из-под которой в разные стороны торчали седые волосы. Казалось, он всё ещё сжимал исчезнувшую руку.

Сойер нагнулся и стянул маску с лежавшего Олпера. Ему пришлось изрядно потрудиться. Маска так плотно охватывала голову, что не соскочила даже в пылу сражения. Сойер надел маску, и к нему вновь возвратилось обострённое восприятие.

Олпер очнулся и свирепо взглянул на Сойера. Рука его потянулась к карману. Сойер наклонился, схватил его за руку и, дёрнув, поднял на ноги.

— Туда, — сказал задыхавшийся, но спокойный

Затри. — Пошли.

И они двинулись к тупику в переулке, оставляя позади горящие конюшни. Олпер почти висел между ними.

Дверь в конце тупика подалась после умелых манипуляций Затри. Обернувшись, он прокричал что-то своим помощникам, и Сойер, взглянув назад, увидел последнего оставшегося айзира, сцепившегося в смертельной схватке с дюжиной извивающихся, змееподобных селли. Глаза их отливали золотом в свете пожара, а вся группа напоминала античную скульптуру Лаокоона, борющегося со змеями.

Наступил тот момент, для которого Олпер сохранял оставшиеся у него силы. Одним отчаянным броском своего огромного тела он разорвал крепко державшие его руки Сойера и Затри. Облокотясь на освещённую пожаром стену и переводя дыхание, он рассмеялся торжествующим смехом, и рука его опустилась в карман.

Сойер, всё ещё пошатываясь после борьбы с Олпером, которая отняла у него почти все силы, приготовился принять смертельную дозу грома в голове. Но Олпер, рука которого уже схватила пульт управления приёмником, решил сначала поговорить… Кивнув головой в сторону Затри, он

сказал, всё ещё тяжело дыша.

— Объясни ему, что он должен… повести нас в храм… сейчас же.

— На кого ты работаешь, Олпер? — устало спросил Сойер. Всё, что ты рассказывал до появления айзиров, было просто игрой? Или ты врал, когда говорил, что заключил сделку с богиней?

— Ты просто глупец, — ответил Олпер. — Это не игра, а уже тем более не ложь. Богиня на самом деле предложила мне сделку — подарить мне жизнь в обмен на Жар-Птицу. Но я ей не верю. Для айзиров мы хуже собак. Она, конечно, может сохранить мне жизнь, но ни за что не возвратит на Землю и тем более не отдаст Жар-птицу. Я же хочу всё или ничего. Поэтому мой план относительно Нэсс остаётся в силе, если, конечно, старик проводит нас в храм. Ну так что? — при этом он многозначительно пошевелил рукой в кармане. — Будем его уговаривать, друг мой?

Слов Затри не понял, но жест Олпера дошёл до него мгновенно. У Затри было собственное мнение по поводу того, что следует предпринять дальше. В мерцающем свете огня рука его взлетела вверх, выбросив петлю серебристой проволоки.

Петля охватила голову Олпера и начала всё

туже и туже стягиваться на его шее. Олпер замер на месте. Но заговорил:

— Сойер, скажи ему, чтобы он прекратил! От этого зависит твоя жизнь.

— Не прекращу, — спокойно ответил Затри. — Я понял, что он тебе сказал. Мне очень жаль тебя, молодой человек, но я должен подумать о Клай. Передай ему, чтобы он не двигался, пока я не разрешу, или я задушу его одним рывком. Хоть я и стар, но сил у меня ещё хватит.

— Сойер, ты что, хочешь сдохнуть? — отчаянно взвыл Олпер.

— Он говорит, что ты можешь убить меня, — равнодушно ответил Сойер. — Но ты умрёшь первый. Его беспокоит только Клай. Я не…

Вмешался Затри.

— Прикажи ему вытащить руку из кармана. Иначе я затяну петлю. Он боится смерти, я это вижу, поэтому сделает, как я скажу. Мне кажется, он понял, что ничья жизнь — ни твоя, ни моя собственная — не помешает мне сделать то, что я должен сделать.

Сойер перевёл. Медленно, неохотно Олпер вытащил руку из кармана. У Сойера внезапно мелькнула надежда, и он попросил: — Затри, скажи, чтобы он освободил меня от приёмника.

Олпер взорвался:

— Ни за что. Пока у меня есть власть над тобой, я хозяин положения. Никогда, хоть убейте.

— Он не уступит, — ответил Затри. — Я знаю, мы оба старики, я и Олпер, и мы хорошо понимаем друг друга.

Он хихикнул.

— Я поведу вас в храм. Знаешь, почему я изменил своё решение и даю ему шанс завладеть Жар-птицей и получить бессмертие?

— Нет, — сказал Сойер.

— Одной Жар-птицы недостаточно, чтобы сделать человека богом, — сказал Затри. — Я ведь стар, и не всё до меня быстро доходит. Олпер может стать бессмертным, всемогущим, но неуязвимым богом — никогда! — Он засмеялся. — Можешь передать это ему.

Затри тихо произнёс: — Теперь говорите только шёпотом.

Узкий туннель, из которого они только что вышли, скрывался за поворотом. Они долго шли дальним, кружным путём по подземным ходам. Затри, всё ещё крепко сжимая конец проволоки, которая обвивалась вокруг шеи Олпера, осторожно ощупывал стену. Прямоугольные каменные блоки, высеченные, возможно, тысячелетия

назад, были скреплены фосфоресцирующим раствором, который издавал слабое свечение, отчего казалось, что они стоят перед бесконечной решёткой сияющих квадратов. Затри удовлетворённо вздохнул, и вдруг прямо перед ними квадрат стены размером с дверь потемнел, как будто повернули выключатель. Старик легко толкнул стену, и весь тёмный квадрат отъехал назад, открыв вход в подземный коридор.

— Если нам повезёт, — сказал Затри, поворачиваясь к Сойеру, — охраны может не быть вовсе. Церемония уже началась, и все айзиры, которые не участвуют в битве, должны присутствовать в зале миров. Сейчас мы находимся прямо под ним, а камеры жертв расположены вне стен храма. Потому что нет никаких сомнений, что убежать они не могут. — Он сказал это с горькой усмешкой. — На пути к свободе лежат такие препятствия, что айзиры могут быть абсолютно спокойны. А теперь пошли вперёд и будь осторожен!

Сойер вошёл в проём вслед за обоими стариками.

На мгновение ему показалось, что он стоит у подножия Ниагарского водопада. Ошеломлённый, закинув голову, он смотрел на золотой водопад, который поднимался всё выше и выше,

теряясь где-то в заоблачных высях. Они стояли у подножия длинного склона, который мягкими извивами уходил вверх.

Сам водопад казался колеблющимся занавесом, свисающим с золотистого неба; он был словно соткан из ослепительно-золотого света. Занавес колебался, как будто развеваемый невидимым ветром, складки то и дело сменялись, а нижние края занавеса на всех ярусах постоянно касались уклона, скользя по нему.

— Пошли наверх, — прошептал Затри. — Будьте осторожны. Если кто-то появится, прячьтесь за занавесом и молите Бога, чтобы вас не увидели.

Они быстро начали подниматься, стараясь ступать как можно тише. На третьем ярусе Затри начал раздвигать занавес и на ходу быстро заглядывал внутрь. На пятом ярусе они нашли, что искали.

За занавесом находилась крошечная, наподобие соты пчелиного улья, шестиугольная комнатка, стены которой непрерывно меняли цвет. Они вспыхивали, переходили один в другой, гасли и снова зажигались. Зрелище было настолько захватывающим, что невозможно было оторвать глаз.

— Не смотри, — предупредил Затри. — Это дей-

ствует гипнотически. И скажи Олперу. Он нам ещё пригодится.

Не поворачивая головы, Сойер шёпотом предупредил Олпера, а взгляд его в это время был прикован к находящейся в забытьи Клай, стоящей на коленях в маленьком шестиугольнике на полу камеры. Руки её лежали на коленях, голова была запрокинута, а глаза неподвижно смотрели на игру света.

Сквозь полупрозрачный пол Сойер разглядел под комнаткой камеру, такую огромную и пугающую, что он инстинктивно отвёл глаза, боясь туда посмотреть ещё раз.

Затри тихонько постучал по стеклянной стене шестиугольника. Клай слегка шевельнулась и снова впала в транс, её голова опять запрокинулась назад, а глаза уставились в стену. Затри снова постучал. Она медленно повернулась.

— Отлично, — прошептал тихо Затри. — Мы пришли вовремя. Её ещё можно спасти. Юноша, — обратился он к Сойеру, пристально глядя на него. — Мне надо тебя кое о чём спросить. Слушай внимательно. Потом я изложу свой план. Он сопряжён с большим риском для всех нас. Я хочу, чтобы ты осознал, что у нас нет другого выхода, если мы не хотим всю жизнь быть рабами айзи-

ров. — Он остановился, умоляюще взглянул на Сойера: — Вот мой вопрос — Жар-птица у тебя?

Сойер заколебался, стараясь прочитать в пристальном взгляде голубых глаз старика, куда он клонит.

Но он ничего не добился. Подумав какое-то время, Сойер ответил:

— Да, она со мной.

Затри облегчённо вздохнул.

— Я очень рад, — сказал он. — Значит, у нас есть немалый шанс остаться в живых.

Олпер наблюдал за этим диалогом с нескрываемым беспокойством.

— Что он говорит? — потребовал Олпер у Сойера. — Переведи.

— А ну успокойся, — Затри слегка потянул за провод.

— И ещё одно, перед тем, как мы начнём действовать, — сказал он Сойеру. — Видишь, Клай здесь, беспомощная, загипнотизированная. Её можно освободить только одним единственным способом, только одним. — Он усмехнулся. — Айзиры хорошо нас изучили. Они могут не охранять камеры, потому что никто не может освободить узника, не заняв его места.

Сказав это, он пошёл вперёд. Он двигался так

быстро, как только позволял ему его возраст. Сойер пошатнулся от неожиданно сильного толчка старика. Плечом он ударился о стену камеры и почувствовал, как она поддаётся под весом его тела…

XII

Сначала он ничего не мог понять. Стены камеры, казалось, сложились внутрь одним точным движением, словно хорошо действующая машина. Как только он очутился на полу камеры, он увидел, что та же сила, что внесла его сюда, вынесла Клай наружу. Камера была хитроумной ловушкой. Пока он пытался встать на ноги на шестигранном полу, ударяясь о стены в тщетной попытке открыть выход наружу, он увидел лицо Затри в маске, прильнувшее к стеклу, на котором непрерывно менялись цвета, и услышал голос старика, звучавший мягко и отчётливо.

— Прошу прощения, юноша, — сказал Затри. — Я пришёл сюда для того, чтобы самому занять это место. Но хорошо, что всё случилось именно так. Потому что теперь есть надежда — всё окончится благополучно. Для любого другого это означает… — и он показал пальцем на небо.

Клай упала на колени рядом с Затри. Он нежно поднял её. Сойер смотрел на них, цветовая игра действовала на него с такой силой, что он почувствовал, как начинает впадать в транс. Он постучал по стеклу.

— Быстрее, — выпалил он, — Я уже засыпаю. Если надо что-то сказать, говорите быстрее. Или вы хотите меня убить?

— Закрой глаза, — скомандовал Затри, — и сиди так, пока я буду с тобой говорить. Что за глупости? Конечно, мы не хотим тебя убить, потому что тогда погибнем сами. У тебя же есть шанс спасти себя и всех нас. А может быть, и весь наш народ. Я не заставлю тебя делать ничего, кроме того, что сделал бы сам, если бы это было в моей власти. Но только у тебя есть защита — твой приёмник. Вот почему ты единственный, кто сможет сопротивляться гипнозу, когда ты предстанешь в качестве жертвы на церемонии. Запомни, ты — единственный. — Он посмотрел на Олпера, нетерпеливо наблюдающего за всем происходящим, и на всякий случай слегка затянул петлю.

— Как он управляет твоей жизнью, так я управляю его жизнью, — сказал он. — Я не ценю наши жизни, в том числе и собственную, выше той цели, к которой я стремлюсь. Если б Олпер снял

с тебя приёмник и установил его на моей голове, я бы с удовольствием поменялся с тобой местами. Но он этого не сделает. Поэтому именно ты отправишься на церемонию в качестве жертвы — но не безоружной. У тебя есть приёмник. И ты обладаешь Жар-птицей. У тебя имеются такие возможности, о которых никто из нас не может и мечтать.

— Моя цель, — продолжал Затри, — избавиться от власти айзиров и освободить мой народ. И ради неё я буду делать всё, что считаю нужным. Я знаю, твоя цель иная, но помочь тебе ничем не могу. А теперь слушай, потому что времени осталось не так много. В любой момент тебя может подхватить поток и унести в зал миров.

Сойер внимательно слушал, закрыв глаза по совету Затри. Вдруг до него донёсся встревоженный голос Клай, он открыл глаза и увидел, что девушка, подняв голову, удивлённо оглядывается вокруг. Затри мягко потряс её за плечи.

— Ты отправишься на церемонию, — продолжал он, обращаясь к Сойеру. — Но не беспомощным, не загипнотизированным до полного подавления воли. Как только ты почувствуешь, что готов заснуть, проси Олпера коснуться пульта управления приёмником. Он сделает это

очень аккуратно, я за этим прослежу. Я понял, как действует этот прибор, и потому уверен, что достаточно лишь небольшой мозговой встряски, чтобы не дать тебе заснуть.

Что происходит на церемонии, точно не знает никто. Но доподлинно известно, что жертва должна быть полностью загипнотизирована, прежде чем её отдадут на съедение Жар-птицам. А за это время мои люди тебя спасут. Я говорил тебе, что у нас много взрывчатки. Мы разрушим укрепления, чтобы селли смогли прорваться в храм. Таков наш план. Если мы его выполним, ты будешь спасён.

Во время церемонии башни храма ярко сияют, и селли, привлечённые светом, будут стекаться к храму и громить всё вокруг. Надеюсь, нам посчастливиться, и мы сумеем пробить брешь в стенах зала миров и напустим селли на айзиров. Вот это будет драка! — Глаза старика в прорезях маски радостно заблестели. — Тогда айзирам не останется ничего другого, как применить своё последнее оружие. Будем надеяться, что селли смогут отобрать его у айзиров и обернуть против них. Если же нет, тогда все мы погибнем. Как видишь, многое будет зависеть от тебя. — Он остановился. — Ты меня слышишь? — спросил

он. — Открой на минуту глаза. Я хочу убедиться, что ты не спишь. Хорошо, хорошо. Теперь слушай. Если ты увидишь, что айзиры берут верх, дождись нужного момента. Когда тебе покажется, что он пришёл, доберись до колодца и брось Жар-птицу вниз, но помни, что она должна быть открытой.

Впервые Сойер не выдержал и перебил его:

— Но Олпер говорил…

— Олпер был абсолютно прав. Это действительно опасно. Бессмертие айзиров скрыто в этом колодце. Мы не можем причинить им никакого вреда. Но мы можем убить сам колодец. Конечно, от этого может взорваться весь город или начнётся разрушение всей планеты. Но… — Затри мрачно усмехнулся. — Если победят айзиры, ты бесславно погибнешь. Как тебе приятнее умереть — жертвой или победителем? Одному или прихватив с собой расу богов? Зная, что все, кто придут потом, после тебя, будут тебе вечно благодарны за свободу, которую ты им добыл?

После этого Затри замолчал, только из маски доносилось тяжёлое дыхание. Наконец он сказал:

— Осталось не так много времени. Мне кажется, тебе нужно сказать Олперу всё, что ты считаешь нужным. Наверно, будет разумно не говорить

ему о нашем последнем козыре — о Жар-птице. Если он поймёт, что она для него потеряна, он откажется быть с нами заодно.

Немного помолчав, он вежливо покашлял.

— Взгляни на меня, юноша, — сказал он. — Послушай всего ещё одну минуту. Пойми, я делаю всё это не из прихоти. Я не могу поступить иначе. Если ты умрёшь, умрём мы все. Твоя победа будет нашей победой. Я хотел бы оказаться на твоём месте. Ты мне веришь?

Сойер поймал его взгляд через постоянно сменявшуюся многоцветную радугу.

— Я тебе верю. Это не означает, что я тебя простил. Если я выберусь отсюда живым, ты ответишь мне за то, что сделал. Но я верю, что ты говоришь правду.

Он повернулся.

— Олпер, я… — Он не верил своим глазам. — Олпер! Затри, разбуди его.

Полубесчувственный Олпер прислонился к стеклянной радужной стене и не мигая следил за гипнотизирующей игрой цветов. Затри подскочил к нему и сильно встряхнул. Клай смотрела на них, всё ещё пребывания в полусне. Сойер звал его через стекло громко, как только мог:

— Олпер! Олпер! Ты меня слышишь? Олпер,

проснись!

— Я не сплю, — взревел Олпер, отталкивая от себя Затри, — Со мной всё в порядке. Но Сойер! Ты видел? Понимаешь ли ты, что это такое?

Сойер не рискнул смотреть. После того, как он в первый раз взглянул на беспредельный вращающийся космос за стенами камеры и увидел трепещущие и извивающиеся огненные спирали, которые крутились в нём, он решил не думать об этом.

— Лучше послушай меня, — сказал он. — Если хочешь получить Жар-птицу, тебе придётся выполнять то, что я скажу. Олпер, ты меня понял?

— Да, да, — рассеянно пробормотал Олпер. — В чём дело?

Сойер постарался, как мог, убедить Олпера, что он получит Жар-птицу, если только будет сотрудничать с ним. Но Олпер продолжал бормотать про себя.

— Сердце атома, — говорил он. — Танец атомов! Электроны на семи оболочках. И огненные круги внутри камеры, где они сливаются. Сойер, ты знаешь что это такое? Я и раньше догадывался, но до конца понял только сейчас.

Сойер молчал и смотрел на Олпера через непонятно откуда взявшуюся, застилающую всё

дымку. Что происходит? Может быть, что-то случилось с глазами? Стены камеры начали слегка мерцать. Голос Олпера тоже изменился, как будто звуковые и световые волны колебались в такт с дрожащими стенами.

— Это циклотрон, — сказал Олпер. — Синхротрон, космотрон. Можешь называть, как хочешь. Какое-то устройство, в котором сильные поля заставляют вращаться всё, что находится внутри камеры. Планетарный циклотрон! Где-то должна находиться выходная апертура, через которую испускается материя, обладающая огромной энергией, потому что… ты видишь зелёные лучи? Сойер, ты видишь их?

Голос зазвучал всё глуше, лицо затуманилось дымкой. Последнее, что увидел Сойер, — тревожные глаза Затри, смотрящие сквозь улыбающуюся маску айзира, и позади Затри — очнувшуюся Клай. Нарастающая вибрация заставила все молекулы его тела колебаться в унисон со стенами камеры. Краски начали сползать со стен и фокусироваться в центре, проникая в его сознание. Краешком угасающего разума он обратился за помощью к Олперу…

Знакомый шёпот возник в его голове, заполняя мозг. Шёпот нарастал и постепенно перешёл в

рёв, похожий на отдалённый львиный рык.

Сойер попытался воззвать к своему рассудку, но безуспешно. Ему оставалось только воспринимать, не осознавая.

На огромной окружности выстроились ряды богов. Лица их обращены внутрь к центру вращения, а ноги опирались о пустоту. Они свободно парили в необъятном золотом пространстве и… было ли это только отражение, сверкавшее у их ног? Может быть, они стояли на невидимой, прозрачной платформе?

Не все троны были заняты богоподобными существами. Иногда айзир восседал в одиночестве, в окружении пустых тронов, иногда группу из двух-трёх ангелов также окружали пустые троны. Где находились отсутствующие? Сражались на улицах? Кто-то из айзиров действительно был там, но не все. Наверное, пустовавшие троны принадлежали тем айзирам, которые, перерасходовав свою энергию, испарились и, повинуясь неодолимому закону, отправились в далёкое путешествие, чтобы, завершая таинственный цикл, вновь возникнуть в образе богов.

Сойер заметил, что в центре вращающегося круга находится шар, столь яркий и сияющий, что Сойер не мог не него смотреть. Две высо-

кие фигуры стояли друг против друга у шара, и между ними время от времени вспыхивали ослепительные зелёные молнии. Но камера Сойера вращалась так быстро, что он не мог ни на чём сосредоточиться. К тому же она явно начала перемещаться в пространстве. Далеко внизу, под собой, он разглядел головы, увенчанные стеклянными коронами, пустые, застывшие маски, висящие на затылках, и яркие, выразительные лица. — Смотрящие в прошлое и будущее, — подумал он.

Двигаясь по своей орбите мимо рядов богов, он перемещался вниз, много ниже того уровня, где располагались троны, к огромной чаше, над поверхностью которой стлался золотистый туман, скрывая находившуюся под ним необозримую золотую бездну. Взглянув вверх, он увидел троны, крепко стоящие на квадратных основаниях, и бесчисленные пары ног айзиров, попирающие пустоту.

Затем его понесло в противоположный конец зала. Платформа, на которой восседали айзиры, теперь казалась гигантской туманной линзой, постепенно переходящей в плоский круг, находящийся прямо внизу. Но смотреть туда Сойер не мог из-за невыносимого блеска.

Из центра этого круга непрестанно вылетали языки пламени; их-то и видел Сойер из камеры. Языки извивались и кружились в том же пространстве, куда увлечён был и он, но каково было их назначение, он пока уловить не мог. Всё пространство внутри гигантского зала было охвачено этими огненными спиралями.

Сойер заметил, что в полёте через золотое пространство среди золотых всполохов он был не одинок. Другие светящиеся точки кружились по другим орбитам внутри этой обители богов. Неподвижные коленопреклонённые фигуры людей внутри бешено вращающихся камер кружились вокруг огнедышащего солнца. Их было так много, что невозможно было сосчитать. Но Сойер хорошо помнил слова Олпера, поэтому, прикрыв глаза от слепящего света, он посчитал число оболочек. Их оказалось семь.

Семь оболочек, по орбитам в которых неисчислимое множество людей-электронов обращались вокруг центра — нестерпимо яркого ядра.

А оно разгоралось всё сильнее. Пока Сойер смотрел на свет сквозь прищуренные глаза, одна из заключённых во вращающихся камерах коленопреклонных фигур начала опускаться к сияющему центру, на секунду зависла над ним —

тёмная точка на фоне слепящего света — и затем нырнула в огненную чашу, у краёв которой стояли два айзира.

Поглотив жертву, пламя взметнулось ввысь.

Между стоящими айзирами промелькнули зелёные молнии.

Сойер попытался привести в порядок свои мысли, чтобы понять, что же происходит. Но вокруг было столько непонятного, что осознать происходящее было практически невозможно.

Стремительно вращающиеся стенки камеры действовали на него гипнотически, и если бы не шум, вызываемый приёмником в его голове, он бы непременно впал в забытьё.

— Включи погромче, Олпер, — сказал он, и его фразу многократно повторило эхо. В этот момент он представил себе маленькое устройство в руке Олпера, как из него вылетают его собственные, многократно повторенные слова, и это показалось Сойеру ещё более странным, чем происходящее вокруг.

— Достаточно, Олпер. Это то, что нужно.

Теперь, когда его глаза немного адаптировались к невыносимому сиянию, он смог лучше разглядеть две фигуры, стоящие друг напротив друга по краям колодца. Белоснежная статуя и ка-

чающаяся чёрная колонна, на вершине которой колебалась бледная маска.

Это были Нэсс и богиня.

Значит, это была церемония открытия колодца, после которой только одна из них могла остаться живой. Побеждённая противница была обречена умереть на краю колодца. Он не понимал, как бессмертный вечный айзир мог умереть? И что с ним случится после смерти?

Люди-электроны кружились по орбитам, спускаясь всё ниже и ниже и, наконец, ныряли в колодец, отдавая ему свою энергию. С каждой упавшей в него жертвой пламя в колодце ярко вспыхивало.

— Все упавшие в колодец «электроны» заменяются новыми, — подумал Сойер. — Как только ближайший к центру электрон падает в колодец, на орбитах происходит перераспределение и появляются жертвы. Камера за камерой с их пленниками подхватываются потоком и попадают на орбиту, вынуждая жертву включиться в этот последний, смертельный танец. Мы…

Неожиданный толчок выбил все мысли у него из головы. Ему показалось, что он стал ближе к колодцу…

На седьмую, опустевшую орбиту влетел новый

человек-электрон, а шестая приняла Сойера. Таким образом он будет, постепенно снижаясь, переходить с орбиты на орбиту: сначала шестую, потом пятую, пока не окажется на последней и не упадёт вниз…

А энергия требовалась сражающимся за престол богиням. Они стегали друг друга изумрудно-зелёными лучами. Что это было такое?

И как они заряжали своё оружие энергией из колодца?

Как бы для того, чтобы он получил ответ на свой вопрос, огонь, пылавший в колодце, почти погас. Одна из жертв зависла над колодцем, словно раздумывая, что ей делать. Может, загипнотизированная жертва очнулась от гипноза и усилием воли сопротивлялась своей участи?

Зелёные лучи тут же потухли. Колодец слегка затянулся дымкой, и на него стало можно смотреть, хотя и не в его центр. Два айзира, стоявшие по краям колодца, получили передышку.

Огромные, злые, полуприкрытые веками, глаза Нэсс сверкали дьявольским огнём. Лицо её блестело от пота, а одеяние во многих местах зияло прорехами, как будто его прожгло пламя, и края дыр тлели зелёным светом. Нэсс беспрерывно покачивалась из стороны в сторону, словно при-

готовившаяся к нападению змея.

Так же злобно, по-змеиному, раскачивалась и богиня. Её чёрное одеяние тоже было прорвано во многих местах, и края разрывов отсвечивали зелёным.

Что-то необычное произошло с их головами. И Сойер никак не мог разобраться, что за странное оружие они держали в руках на уровне плеч.

И только внимательно присмотревшись, понял. Соперницы сняли маски и держали их за края, и те, уставившись друг на друга пустыми глазницами, зловеще, как и их обладательницы, улыбались одна другой.

В этот момент очередная жертва упала в колодец, и битва возобновилась.

XIII

В пустых глазницах двух богинь айзиров вспыхнули яркие зелёные лучи, сверкнув, словно две пары обнажённых клинков. Взгляды двух Горгон скрещивались в пространстве над колодцем. Контраст между приветливо улыбающимися губами и глазами, излучающими смертоносные лучи, был особенно разителен.

С каждым оборотом Сойер приближался к ко-

лодцу. Но он забыл о грозящей ему опасности, несясь по орбите вверх и вниз, вращаясь вокруг центрального ядра, которое неумолимо притягивало его к себе.

Единственное, что занимало его ум, — это борьба двух богинь на краю чаши, в которой вместо воды клокотало пламя и скрещивались в яростной схватке страшные зелёные шпаги-лучи.

Богини были достойными соперницами. Чаще всего их оружие сталкивалось друг с другом в воздухе и на мгновение отводилось в сторону, чтобы нанести удар исподтишка, откуда-нибудь сверху или снизу.

Это было единственное оружие, против которого айзиры были беззащитны. Сойер увидел, как Нэсс быстро подняла кверху руку и, направив луч в левое плечо богини, ударила её.

Рана оказалась очень глубокой. Когда луч, по-видимому, почти коснулся богини, плечо окружила вспышка света. — Такая же, — вспомнил Сойер, — какую я видел у головы Нэсс, когда в неё бросил камень селли. — Защитная вспышка сработала, но против зелёных лучей она оказалась бессильна. Богиня дрогнула. Маска-щит какое-то время бросала лучи в пустоту. Платье на плече расползлось, края дыры засветились

зелёным, и из раны хлынула золотистая кровь.

Золотистая кровь, — старался вспомнить Сойер. — Золотистая кровь… Кровь заструилась по чёрному одеянию богини, и из рядов, наблюдавших за сражением Горгон, послышался громкий возглас. Нэсс издала дикий, ликующий крик.

Сойера снова встряхнуло, словно на ухабе, и перенесло на следующую орбиту, теперь уже вторую от колодца. Он почти не обратил на это внимания, и даже огорчился — из-за этого он пропустил несколько интересных событий.

Нэсс явно переоценила свои возможности. Сосредоточив всё внимание и все силы на нанесении смертельного удара, она не успела опустить вниз маску, и тут её настигла быстро пришедшая в себя богиня. Хотя кровь с силой хлестала у неё из левого плеча и рука висела плетью, богиня, извернувшись, направила лучи своей маски вбок. Это был хорошо продуманный и отлично нанесённый удар. Нэсс громко вскрикнула, поняв, что произошло непоправимое. Одна из глазниц её маски потухла. Один смертельный луч исчез.

Но и потеряв половину своего оружия, Нэсс ещё яростнее набросилась на покалеченную богиню, атакуя её оставшимся лучом. Однорукая, но быстрая, словно молния, богиня, отражая нападение,

выстраивала вокруг себя огненные бастионы. А прожорливый колодец требовал всё новых и новых жертв.

И они не заставили себя ждать, падая, словно снежинки, в его жерло. Пламя разгоралось, утихало и снова вспыхивало, отмечая тем самым упавшие в колодец жертвы и расход энергии для битвы богинь.

Сойера опять встряхнуло, и он опустился ещё ниже. Это был предпоследний скачок вниз, потому что теперь он находился на ближайшей к колодцу орбите. Следующий прыжок был как раз в огонь.

Огонь? Он посмотрел вниз, прямо в колодец. Там было сплошное сияние. Оно слепило глаза и туманило сознание.

Но вдруг слепящее сияние смягчилось, и душу его охватил восторг. Колодец был широким кольцом вокруг прозрачной и плоской, словно зеркало, поверхности, отражавшей золотой небосвод. В центре кольца нарастало, ширилось какое-то волнение, или, может быть, это был просто первородный свет, струящийся из сердца мира? Поднимающийся из полюса Земли? Или это был взметнувшийся фонтан? Он не мог подыскать подходящего названия. Волнение,

поднимавшееся из колодца, несло с собой неотразимое очарование, оно влекло, звало к себе, гасило любое сопротивление.

И он падал, падал…

Падение стало его единственным желанием. Он всё сильнее хотел упасть туда, слиться с влекущим к себе движением, опуститься в самый центр красивейшего бассейна, в котором продолжался вечный, прекрасный, колдовской танец…

— Олпер! — очнувшись, закричал он, и эхо голоса, где-то отразившись, оглушило его.

И Олпер откликнулся. Раскатами грома показался ему звук пульсирующей в сосудах крови, а дыхание предстало работающей в его голове огромной турбиной.

С дрожью Сойер отпрянул от губительной красоты колодца. Теперь он знал, что это было самоуничтожением атома, падением электрона на протон, а протонов — в неведомый керн бариона…

Наступал его черёд…

Но он уже видел сопротивлявшийся электрон. Он помнил жертву, которая на мгновенье пришла в себя, какое-то мгновение не давала увлечь её в прекрасном, но смертельном танце. Гром гремел в голове Сойера, и он закрыл глаза, снова

ощутив ужас смерти, её несовместимость с природой человека.

Очарование колодца рассеивалось. Его падение приостановилось. И колодец начал постепенно затягиваться дымкой, как дыхание затуманивает зеркало.

Зелёные лучи взглядов Горгон скрещивались, вспыхивали и шипели под ним. Смертельные удары следовали один за другим с такой скоростью, что их невозможно было уловить. Но когда Сойер завис над колодцем, движения сражавшихся замедлились. Лучи стали бледнее, а шипение тише.

Богиня отступила на шаг и посмотрела вверх. Тяжело дыша, опустив одноглазую маску, Нэсс тоже подняла голову. Вдруг она узнала Сойера, и грустная улыбка промелькнула на её лице.

Наступило время выпустить Жар-птицу. Что произойдёт, если он покажет её Нэсс? Он не знал, но у него всё равно не было иного выхода. В любой момент он может упасть в центр кипящего колодца, и тогда станет поздно принимать любые решения.

Он хотел достать Жар-птицу — но не смог пошевельнуться.

Какая-то непонятная сила парализовала его,

как, видимо, и другие жертвы, кружащиеся вокруг колодца. Сознание было ясным, но он не мог пошевелить и пальцем.

— Олпер, — отчаянно закричал он. — Прибавь ещё!

Низкий, звучавший в его голосе гром, который он почти перестал замечать, стал сильнее, словно грохот проходящего поезда…

— Вот так хорошо, — сказал Сойер. — Оставь так. Подожди!

Откуда-то снизу и неподалёку послышался шум, словно эхо от шума внутри его черепа внезапно материализовалось. Раздался глухой взрыв. Следившие за сражением айзиры, все как один, повернули головы в сторону шума, который звучал как бы изнутри храма.

Он и шёл из храма.

Взрыв повторился, а вместе с ним послышался грохот рушащихся стен прямо под сияющим золотым облаком, на котором восседали айзиры.

Затем закачался стеклянный пол под тронами. Звон и треск разбитого стекла зазвучал со всех сторон. Айзиры вскочили и негодующе оглядывались, пытаясь понять, кто посмел им помешать. Ещё какую-то секунду Сойер наблюдал, как они стояли в своих развевающихся тогах

со стеклянными коронами на головах, а жертвы продолжали мчаться по своим орбитам.

Вдруг в центре золотого неба возникла брешь. В разные стороны полетели осколки и заскользили по гладкому стеклянному полу. Начали разваливаться стены. Через расширявшуюся брешь в стеклянном полу в зал ворвались дикари и бросились на айзиров.

На какие-то мгновенья айзиры растерялись. То, что происходило, было для них совершенно невероятным. Им, тысячелетиями привыкшим к полному и безоговорочному подчинению, казалось невозможным, что кто-то осмелится разбить стену. Что какие-то дикари из нижнего мира могут нарушить священную церемонию и броситься к ним, богам, издавая громкие крики и размахивая ножами, — нет, такое могло случиться только в страшном сне.

Поэтому несколько мгновений они были парализованы.

Затем богиня вдруг закричала, и они словно пробудились, прокричав ей что-то в ответ сильными, звонкими голосами. Сомкнув ряды, айзиры двинулись навстречу селли.

«Неуязвимые идут навстречу неуязвимым», — подумал Сойер, когда раса дикарей приблизилась

к расе богов. Какое-то время Сойер видел бледные маски на затылках айзиров, бесстрастно взирающие на него, колодец и богиню, как будто всё это происходило где-то далеко и совершенно их не интересовало. Затем богиня крикнула ещё раз, в ответ из колонны богов прозвучал радостный, торжествующий клич, и над их головами в победном жесте взметнулись поднятые руки. Обеими руками айзиры подняли высоко над головами свои маски, из глаз которых вырывались пылающие лучи.

Сойер увидел, что луч одной из масок был направлен в лицо ближайшего селли, охватившего своей длинной извивающейся рукой айзира. Два луча пронзили толстую чешуйчатую грудь у основания шеи. Лучи прошли сквозь тело, как свет проходит сквозь тьму, и с лёгким мерцанием вышли наружу на спине.

Громадное змееподобное существо пошатнулось. На короткое мгновение глаза селли, похожие на драгоценные камни, засияли таким же зелёным светом, как и глаза маски айзира, а затем со страшным рёвом, не обращая внимания на капавшую из раны на груди золотистую кровь, он бросился на айзира.

Напрасно пытался айзир сдержать с помощью

маски-Горгоны нападение дикаря. Селли оказался необычайно живуч. Он обхватил лапами айзира, пытаясь вырвать у него маску. Два титана соединились в смертельной схватке и, не разжимая объятия, кружились по стеклянному полу. От крови селли у их ног образовалась огромная лужа; но вдруг она стала уменьшаться, словно исчезала через невидимое отверстие в стекле.

Прозрачная платформа, на которой стояли троны айзиров, не была жёстким, сплошным перекрытием, висевшим над бездной. Это был качающийся над дымкой круг, крепившийся к стенам сложной конструкцией стеклянных мостов, оставлявших достаточное пространство для кружившихся жертв, предназначенных для колодца.

И в один из этих свободных промежутков упали намертво сцепившиеся айзир и селли. Следом за ним полетела маска, по пути прорезав дымку яркими зелёными лучами.

Их падение в бездну стряхнуло с Сойера последние остатки оцепенения, к нему вернулось сознание. С ужасом он подумал о том, что в случае, когда все айзиры разом используют свои маски в качестве оружия, на это потребуется столько энергии, что не хватит даже одновре-

менного падения в колодец всех кружащихся по орбитам электронов.

Он сосредоточил внимание на тех шумах, которые продолжались в его мозге, пытаясь усилием воли избавиться от охватившего паралича… и преуспел, так как рука начала немного шевелиться.

Камеру, в которой он был заключён, сильно встряхнуло. Открыв глаза, он увидел, как под ним богоподобные айзиры сражались с змееподобными селли, лились потоки золотистой крови; ему бросилась в глаза странная схожесть двух рас, как если бы вторая была отражением первой в кривом зеркале.

Довести до конца ещё неясную мысль ему не удалось. Его камеру тряхнуло ещё раз, и она снова опустилась. Сойер понимал, что сейчас колодец особенно активно требовал новые жертвы. Но хотя их количество росло, яркость сияния колодца явно уменьшалась, и его как бы затягивало дымкой. Ему явно не хватало энергии, чтобы обеспечить ею сразу всех айзиров.

Мимо Сойера с растущей скоростью падали в колодец жертвы. С каждой очередной жертвой колодец слегка оживал. Сжав зубы, Сойер взмолился: «Олпер, прибавь ещё!» — и приготовился

терпеть очередную пытку.

На последней стадии жертвоприношения жертва должна сама броситься в колодец. Если жертва сопротивляется, она на какое-то время спасена. Сойер только потому мог так долго сопротивляться и висеть над колодцем, что мозг его не был отключён. Но это сопротивление было не вечным…

Он напрягся, изо всех сил пытаясь дотянуться рукой до кармана, в котором лежала Жар-птица. Ему показалось, что она шевелилась. Но он не был уверен, Сойер взглянул вниз на кипевшее там побоище. Под смертельным зелёным взглядом масок айзиров селли падали как подкошенные, но тут же вновь вставали. Сверкающая золотистая кровь не растекалась по полу, как будто находилась в вакууме, и тела айзиров в объятиях селли парами и тройками падали с краёв платформы в колодец. Даже убитые, селли не разжимали объятий, увлекая за собой айзиров, словно падающие в ад грешники цеплялись за каравших их ангелов.

Неожиданно Сойер понял, почему это место называлось залом миров. Кольцо тронов, опоясывающее страшный колодец, было двухмерным символом Хомадии, окружавшей подоболочку.

Он напряг правую руку и почувствовал, как она шевельнулась, затем ещё раз, после чего смог кончиками пальцев осторожно коснуться кармана. Он не знал, спасёт ли его Жар-птица. Но ничего не делать в такой ситуации было ещё хуже, потому что сила притяжения колодца возрастала. Он старался не смотреть в колодец и не думать о нём. Но помимо его воли колодец звал, воздействуя на все клетки тела, на его подсознание.

Мимо Сойера падали жертвы. Прямо под собой он увидел Нэсс, зорко следившую за богиней. Стоило той, наблюдая за борьбой, слегка расслабиться и потерять бдительность, как Нэсс нагнулась и послала в её сторону зелёный луч…

Он зацепил здоровую руку, в которой богиня держала маску. Другая рука богини висела плетью, и из неё по пальцам стекала кровь. Луч, ударивший из одноглазой маски Нэсс, полоснул богиню по суставам пальцев. Она попыталась закрыться своей маской, но было уже поздно…

Камеру, в которой находился Сойер, тряхнуло ещё раз, и он завис прямо над колодцем. Гром, звучавший в его мозгу, был на пределе того, что он мог выдержать. Увеличить его ещё хоть немного было невозможно. И в то же время он чувствовал, что клетки его организма перестают

подчиняться командам, поступающим из мозга, всё охотнее отвечая на настойчивые призывы, долетавшие из колодца. Его кости и мышцы жаждали сладкого забвения и смерти, и только воля сопротивлялась, всё время повторяя слово «жизнь».

Нужно было действовать, пока смерть не одолела его… Он приказал своей руке выполнить его волю. Закрыв глаза и только за счёт титанических усилий, он коснулся кончиками пальцев Жар-птицы.

Между его большим и указательным пальцами вырвались и засияли два крыла…

XIV

В него потоком полилась энергия. Жар-птица в его руке чуть шевельнулась, как будто желала вернуться на своё законное место в колодец, который был рядом и ждал её возвращения. Если Жар-птица снова попадёт в колодец, путь на Землю будет отрезан навсегда, а если она туда не попадёт, сколько ещё Сойер сможет противостоять этой, превосходившей его во много раз силе?

Но принимать решение ему не пришлось. В то время, как Жар-птица расправила крылья, Нэсс

готовилась направить последний, смертельный удар богине. Только что раненная рука богини беспомощно опустилась, и на какую-то секунду она стала беззащитна. Одноглазая маска Нэсс уставилась взглядом Горгоны в закрытое маской лицо богини. Та пронзительно вскрикнула и сделала шаг вперёд в сторону Жар-птицы. Глаза её вспыхнули. Она, спотыкаясь, пошла к Сойеру по краю колодца.

Скорее всего Нэсс, хотя она и стояла спиной, краем глаза уловила золотое сияние. А, может быть, проследила за взглядом богини. Как только богиня опустила своё оружие, Нэсс тут же обернулась. В руках Сойера, на расстоянии поднятой над головой руки, она увидела Жар-птицу…

Возможно, энергия Жар-птицы растопила стены камеры, в которой крутился Сойер. Или это сделала Нэсс? Он так этого и не узнал, но кружащиеся стены в один миг исчезли, и с высоты в два человеческих роста он упал на стеклянный пол рядом с колодцем.

Теперь Нэсс ничего не стоило захватить Жар-птицу. Почти потеряв сознание при падении, он не мог бороться с Нэсс и лишь отполз подальше от неё и колодца. За спиной Нэсс он увидел догонявшую её богиню, громко окликнувшую Нэсс

по имени. Богиня с большим трудом поднимала маску для нанесения решающего удара…

Нэсс перевернулась в воздухе, когда её настиг роковой луч. Она выставила свою маску вперёд, держа её перед собой как щит. Глаза в глаза две маски смотрели друг на друга, причём оба луча маски богини сосредоточились на одной глазнице маски Нэсс.

И маска Нэсс потухла.

Она взглянула на неё и, хотя поняла, что маска теперь бесполезна, продолжала по инерции держать её перед собой. Затем вдруг истерично расхохоталась, отбросила маску и бросилась на Сойера.

От удара её тела он оказался на полу и почувствовал, что Жар-птицу вырвали у него из рук. Послышался победный возглас Нэсс, ибо обладание этим талисманом делало её победительницей.

Торжествующий клич ещё продолжал висеть в воздухе, как вдруг перерос в дикий, ужасный крик непереносимой боли. Это лучи из маски богини пронзили тело Нэсс…

Лёжа на полу, Сойер видел как бледно-зелёные лучи насквозь пронзают умирающую Нэсс, стоящую с высоко поднятой над головой сияю-

щей Жар-птицей, чья энергия ей уже не могла помочь.

Если селли умирали медленно, то смерть айзира длилась ещё дольше. Сойеру казалось, что Нэсс неподвижно стоит целую вечность. Он видел на её лице смесь человеческого страдания с нечеловеческой яростью. Затем её лицо отразило железную решимость. Она уже была почти мертва, знала это и, тем не менее, словно змея, подбиралась к богине, и приговор богине ясно читался на её лице. Пусть её партия проиграна, но победившей стороны не будет. Раз она погибла, то пусть гибнут все. Коль скоро у неё нет другого способа доказать свою исключительность, она докажет её так…

Полупрозрачные одежды Нэсс мерцали, кровь хлестала из её ран, а Жар-птица ослепительно сияла в её руке. Подойдя к богине, она бросилась на тёмную фигуру своей противницы. Из глаз богини вылетали смертоносные лучи, но Нэсс они уже не были страшны. Она больше ничего не боялась.

Какое-то мгновение они, как в вальсе, кружились у края колодца, затем обе покачнулись, раздалось два слившихся воедино душераздирающих крика, они наклонились ещё больше… и

обе полетели в колодец.

А за ними, вспыхивая и сияя, полетела открытая Жар-птица, неся конец расе богов…

С трудом поднявшись на ноги, Сойер заглянул в колодец и следил за их падением. Падая, обе Горгоны менялись.

Вокруг них клубился похожий на дым свет. Какой-то туман, словно пронизанный светом их тела, начал размываться и рассасываться в окружающем пространстве, пока на месте тел обнявшихся врагов не образовались беспорядочно метавшиеся частицы. Тогда дым стал вновь собираться и концентрироваться.

В золотистой дымке показались длинные, змееподобные конечности сплетённых тел с плоскими головами и пустыми, прозрачными глазами.

Сойер это подозревал. Он подсознательно чувствовал, что это была одна раса. Не две ветви одной расы, а именно одна. Айзиры и селли были одно и то же. В его памяти тут же промелькнули известные у различных народов земли мифы и поверья о двойниках и двоичности форм жизни: тело и дух, ад и рай, ангел и дьявол, д-р Джекил и м-р Хайд.

Какую неизвестную доселе связь между жизнью

и атомной энергией удалось открыть айзирам, когда они впервые превратили себя в бессмертные разновидности своей предыдущей формы?

Теперь никто никогда этого не узнает. Одно ясно, что это превращение таило в себе величайшую опасность для них самих потому, что люди-изотопы были нестабильны, когда колодец находился в критических состояниях. Пока колодец функционировал нормально, они могли быть спокойны, но как только он перестал давать им нужное количество энергии, чтобы поддерживать себя в нестабильной форме, айзиров охватила паника. При нехватке энергии они превращались в следующую стадию — в селли.

Но и эта форма была промежуточной. На этом цикл не заканчивался.

Падающие тела исчезали в колодце, через который осуществлялась связь между различными мирами и чей противоположный конец находился сейчас на Земле. На какое-то время воцарилась тишина, и только внутри колодца продолжался бесконечный танец светящихся частиц.

А наверху, как будто бы всё это происходило в другом мире, шла война между селли и айзирами, самоубийственная война единой расы, две разновидности которой питали друг к другу

необъяснимую вражду.

Но вдруг внутри колодца появились блики света и послышался трепет крыльев.

Сойер упал на стеклянный пол и притворился мёртвым. Он хорошо помнил, что это за птицы. Он видел их в Фортуне, в шахте, а вот теперь они возвращались с Земли в Хомадию. Не было такой силы, которая могла бы их остановить. Нэсс была мертва, Жар-птица исчезла.

Из колодца вылетела огромная струя. Взметнувшийся фонтан, грозивший затопить Хомадию, был наполнен ярким сиянием V- образных крыльев, звенящими голосами Жар-птиц.

Живые Жар-птицы летали над сражавшимися, почти касаясь их, сложив крылья, словно огненные стрелы. Их притягивала энергия столь же сильная, сколь сильна была взаимная ненависть айзиров и селли, заставившая их вступить в смертельную борьбу.

Разделившаяся раса возрождалась в новой и абсолютно разрушительной форме. Роду айзиров предназначались не две, а три стадии изменений. Жар-птицы были третьей стадией.

Они парили над полем боя, взмывали и падали. И в тот момент, когда они касались дерущихся, происходило взаимное слияние. Когда три суще-

ства разных форм расы сливались в единое целое, происходил взрыв. До этого айзиры проходили круг превращений и вновь возвращались в форме богов. Перерасходовав жизненно необходимую энергию, айзиры испарялись, и бывшие частицы их тел попадали в пространство между мирами, где воссоздавались в форме селли.

Но и это было не всё. Растраченная энергия должна была каким-то образом восполняться. Открывалась ещё одна дверь в другое измерение, которое принадлежало иному миру. Этим миром была Земля. Через колодец Хомадия была связана с Северным полюсом Земли. Вот почему сияющие Жар-птицы — третья и последняя нестабильная разновидность расы айзиров — оказались в Фортуне. Богатый энергией уран служил пищей Жар-птицам, пока они, зарядившись ею до полного насыщения, завершали цикл превращений и через ледяной коридор возвращались обратно в форме айзиров в Хомадию. Нэсс была единственной, кто знал, что происходит, но всё, что она могла сделать, это продолжать поддерживать цикл жизни айзиров и ждать, когда она станет богиней и возвратит на место Жар-птицу.

Жизнь айзиров охранял предохранительный клапан. Изначально это была Жар-птица, которая

складывала крылья и переставала быть энергомостом, когда другой конец колодца сближался с мощным источником энергии. Но после кражи Жар-птицы колодец не давал столько энергии, сколько было нужно айзирам, и они превратились в нестабильную форму. Появилась новая форма предохранительного клапана, суть его состояла в том, что у тяжёлых элементов невысока связь между ядерными частицами. Поскольку атомы нестабильных элементов могут претерпевать циклы превращений, то вещество и формы, определяющие жизненные структуры айзиров, тоже могли проходить ряд превращений.

И это был вполне безопасный цикл, но до тех пор, пока все три формы существовали раздельно. Ведь все легенды о двойниках и раздвоениях имеют один и тот же печальный конец. Когда раздвоенные элементы встречаются, они уничтожают друг друга.

И теперь Жар-птица, идеальный энергомост, включила проводящий канал колодца. Он всосал Жар-птиц из уранового рудника на Земле и выбросил их в Хомадии. Роковые разновидности встретились.

В колодце произошёл мощный взрыв. Связь между Землёй и Хомадией распалась, и планеты

унеслись прочь друг от друга, чтобы больше никогда не встретиться, ибо они находились в разных мирах, в разных измерениях, и их случайная встреча произошла только благодаря колодцу.

Итак, после одновременного падения в колодец айзира, селли и Жар-птицы произошло слияние неустойчивых масс.

Сойер видел их слияние: три существа, объединившиеся в один организм. Слившиеся воедино змеиноподобный дикарь, бог и сверкающий полубог с огненными крыльями за спиной.

Ничтожное время они парили в воздухе. Потом вдруг произошёл взрыв, и образовавшееся облако, повисшее над Хомадией, начало расползаться во все стороны. Лишь эхо прокатилось по гигантской, опустевшей обители богов. Источник, давший им силу и бессмертие, — колодец миров, прекратил своё существование.

Перед глазами Сойера всё ещё стояла картина взрыва колодца, и этот ослепительный свет был последним, перед тем как он погрузился в небытие.

Раздавшийся у него в голове гром вновь пробудил его к жизни. Он стоял на стеклянном полу над золотистой пустотой. Должно быть, он стоял так довольно долго, но он этого не помнил.

Фигура в маске, пройдя через брешь в стене, пробитую селли, приближалась к нему. Теперь он знал, почему стоит, не двигаясь. Он ждал.

Из-за разбитой стены доносились и становились всё громче и громче голоса людей, звучавшие взволнованно и радостно. Послышался звук колоколов, провозглашавших победу.

Только здесь, в покинутой обители богов, не наступило ещё время мира. В то время как всё вокруг ликовало, приближавшаяся к Сойеру фигура предвещала смерть.

Человек шёл, пошатываясь на подгибающихся ногах. Остатки энергии покидали оплывшее старческое тело.

Он остановился шагах в трёх от Сойера. Необычно было смотреть на маску и не видеть выходящих из неё смертоносных лучей. Вместо них из глазниц тускло смотрели маленькие серые глаза. Должно быть, Олпер подобрал её на поле боя.

— Её больше нет, — сказал он. — Ты выпустил Жар-птицу.

— Земли тоже больше нет, — услышал Сойер свой собственный голос. Он глубоко вздохнул. — Пути назад нет. Моя смерть всё равно тебя не спасёт. Можно попробовать жить в Хомадии…

— Олпер, — воскликнул кто-то. — Олпер, подожди.

Затри с маской на лице пробирался к ним сквозь горы битого стекла. Что произошло вне стен зала, Сойера даже не интересовало. И то, что Олпер с хомами вместе работали на общую победу, не имело ровно никакого значения. Сойеру предстояло ещё одно сражение. И никто ему не мог в этом помочь.

— Жить здесь? — горько сказал Олпер. — Без Жар-птицы? Сколько я протяну? У тебя-то есть время. Ты сможешь найти работу, жену. У тебя будут дети. А что будет со мной? Как я буду править…

— Никак, — спокойно ответил Сойер. — С царствами покончено. Ты тоже можешь найти работу, но вряд ли она будет означать власть.

— Олпер! — закричал Затри. — Подожди.

— Ждать? — прорычал Олпер. — Чего? Хочешь снова меня поймать? Не выйдет.

Он бросился к Сойеру, подняв вверх кулак.

— Это ты бросил в колодец Жар-птицу. А без неё я умру.

Улыбающаяся маска вдруг проревела:

— Но ты умрёшь первый.

Кулак опустился, и рука Олпера скользнула к

карману.

Понимая, что слишком поздно, Сойер всё же прыгнул вперёд. Страшная молния прошила мозг. Теперь его череп превратился в циклотрон, накапливая всё больше и больше ненависти и ярости.

Руки Сойера взметнулись вверх, и он с удивлением обнаружил на своём лице маску. Он совсем о ней забыл. Его даже не удивило то, что он понял, о чём говорил Затри.

Несмотря на гаснувшее сознание, он увидел, как Затри делает что-то странное: он тоже держался за голову и в следующий момент сорвал маску со своего лица и с силой бросил её на пол. Лицо его исказило удивление и боль. Он смотрел то на Сойера, то на Олпера.

Всё это произошло в течение секунды, пока Сойер подбирался к человеку, который стремился расколоть ему череп. И вдруг Сойер понял, почему Затри снял маску. Он торжествующе рассмеялся и тоже сорвал маску.

Потом он ударил Олпера, и старик упал, продолжая держать руку на пульте. Но это входило в планы Сойера. Он знал, почему Затри сбросил маску и что происходило в голове Олпера. За секунду перед тем, как Сойер его ударил, Олпер

не случайно потянулся к голове, пытаясь снять маску.

Всё дело в том, что маски служили не только средством общения, но были усилителем звуковых и электрических колебаний. Они были способны принимать такие сигналы, о которых люди даже не подозревали. Поэтому те сигналы, которые оглушали сознание Сойера, с удесятерённой силой пытали мозг Олпера.

Навалившись на старика, Сойер растянул его на полу, изо всех сил прижимая голову, чтобы он не мог снять маску. Другой рукой он залез Олперу в карман, нащупал пульт управления и надавил на него сильнее…

Олпер взвыл от боли.

Он пытался оторвать руку Сойера от кнопки. Гром с одинаковой мощью ударял в их головы, но в голове Олпера отклик был во много раз сильнее. Болевые ощущения Сойера достигали удвоенной силы в мозгу Олпера.

Единственным его желанием было ослабить давление на кнопку, чтобы гром в голове Сойера прекратился, освободив тем самым от страшных мучений его самого. Но Сойер не отпускал руку. Оглушённый, теряющий сознание, он продолжал прижимать руку Олпера к кнопке. Теперь

у него была лишь одна надежда, что гибнущий Олпер найдёт тот механизм, который навсегда освободил бы Сойера от рабской зависимости. Но времени на это было мало. Гром, раздававшийся в их головах, мог убить обоих…

И если бы Олпер умер до того, как привёл в действие этот механизм, Сойер был бы обречён. Приёмник связывал их навеки, и смерть Олпера означала бы и его собственную.

Олпер отчаянно перебирал пальцами пульт управления. Сойер дал его руке немного свободы, и пальцы Олпера тут же повернули диск, за который он держался…

И вдруг всё прекратилось.

Оглушённый вновь обретённой свободой и внезапно наступившей тишиной, Сойер нагнулся над лежавшим на полу Олпером и услышал, как что-то, зазвенев, покатилось по полу. Сквозь застилавшую глаза пелену он увидел крошечный, размером с таблетку аспирина металлический диск с вогнутой обратной стороной…

Это был его приёмник.

С трудом веря в то, что произошло, он высвободил одну руку из-под тела Олпера и прикоснулся к своей голове. Диска там не было. Сойер был свободен.

Как только Сойер отпустил Олпера, тот медленно перекатился на бок, вытянулся и затих. Тяжёлая голова откинулась назад, и маска айзира с вечной улыбкой смотрела в лицо Сойера. Серые невидящие глаза были пусты. Больше всего на свете Олпер боялся старости, но теперь он не постареет ни на один день. Он отошёл в вечность.

Сойер долго смотрел в мёртвые глаза Олпера, пока не услышал рядом с собой шаги.

К нему приближался Затри. Сзади, выглядывая из-за разбитой стеклянной стены, стояла Клай. Поймав взгляд Сойера, она помахала ему рукой, и он в ответ улыбнулся, хотя чувствовал себя таким разбитым, что не мог пошевелиться.

Итак, приключение кончилось. Он ещё раз оглянулся и посмотрел на колодец, который превратился в чан с расплавленным металлом.

Где-то далеко-далеко, в другом мире и другом измерении, навсегда разделённая с Хомадией, осталась Земля. И это было непоправимо. Он сделал всё, что смог. Он до конца выполнил свою работу.

Там, на Земле, кто-то, сидя в его бывшем кабинете в Торонто, напишет на папке с делом о шахте «Закрыто» и уберёт её в сейф. Сойер грустно покачал головой. Теперь у него осталась

только Хомадия. Впереди целая жизнь, и многое зависело от него самого.

Он повернулся к Клай, всё ещё стоявшей у дверей, и с трудом поднялся на ноги.

Человек может приспособиться к любым условиям, к любому миру. Он знал, что Земля навсегда останется в его сердце и он часто будет думать о ней и говорить, особенно когда выпьет. Если в Хомадии существовали алкогольные напитки, он будет частенько к ним прикладываться, особенно в первое время, уносясь мыслями в земные луга. И, конечно, в свой смертный час, когда мысли людей возвращаются к началу жизни, он непременно вспомнит о Земле.

Но Сойер был ещё очень молод. Впереди его ждала долгая жизнь. И он сможет сделать её очень хорошей, если постарается.

Маска на лице Олпера с надеждой улыбалась ему вслед, пока он шёл над мерцающей золотой бездной навстречу Затри и Клай.

Двурукая машина

Two-Handed Engine

Рассказ, 1955 год

И. Г. Почиталин

С того самого дня, когда Орест убил свою мать Клитемнестру, чтобы отомстить за смерть Агамемнона, людей преследовали фурии, богини-мстительницы. Но только в двадцать втором веке люди сделали из стали настоящих фурий. К этому времени человечество столкнулось с кризисом, и, чтобы выйти из него, пришлось прибегнуть к помощи фурий, созданных по человеческому образу. Эти стальные фурии неотступно преследовали тех, кто убивал себе подобных. Они преследовали только убийц, и никого больше. К этому моменту люди не совершали других более или менее тяжких преступлений.

Процедура была простой. Неожиданно, без всякого предупреждения, убийца, чувствовавший себя в полной безопасности, слышал за спиной тяжёлые шаги.

Он поворачивался и видел идущего к нему стального человека. Только теперь убийца понимал, что всеведущие электронные компьютеры подвергли его суду.

Отныне и до конца своих дней убийца будет слышать тяжёлые шаги за спиной, преследующие его подобно двигающейся тюрьме с невидимыми решётками, которая отрезает от остального мира. Больше никогда преступник не останется один.

И наступит день, неведомый для него, когда тюремщик превратится в палача.

Дэннер откинулся на спинку удобного кресла и закрыл глаза, наслаждаясь изысканным вкусом выдержанного вина. Он чувствовал себя в безопасности, под надёжной защитой. Вот уже почти час он сидел в шикарном ресторане, заказывал самую дорогую и изысканную пищу, слушал музыку, которая создавала какую-то особую атмосферу, и отрывки негромкого разговора соседей за столиком рядом. Уже давно Дэннер не чувствовал себя так хорошо. Приятно иметь много денег.

Деньги достались ему нелегко. Дэннеру при-

шлось убить человека, чтобы получить сказочную сумму. Но его не тревожило чувство вины. Оно возникает лишь тогда, когда тебя уличают в преступлении, а у Дэннера была самая надёжная защита в мире, чего никогда раньше ни у кого не было. Его защищала именно та сила, которая должна была покарать. Дэннеру было хорошо известно, что за убийством должно последовать наказание, расплата, которой невозможно избежать. Если бы Харц не убедил его, что на этот раз расплаты не будет, Дэннер никогда не нажал бы на спусковой крючок…

В его сознании промелькнуло полузабытое архаичное слово «грех». Однако это слово не пробудило у него никаких эмоций. Было время, когда понятие «грех» каким-то странным образом ассоциировалось с виной. Но это время осталось в далёком прошлом. Человечество пережило слишком много потрясений, и понятие «грех» больше не имело никакого смысла.

Дэннер потряс головой, отбрасывая смутное неприятное воспоминание, и попробовал стоящий перед ним пальмовый салат. Его вкус ему не понравился. Ничего не поделаешь, в мире не бывает совершенства. Дэннер поднёс к губам бокал с вином, наслаждаясь тем, что бокал как

бы вибрирует у него в руке. «Превосходное вино», — подумал он и хотел было заказать ещё одну бутылку, но затем решил отложить на следующий раз. Теперь его ожидает так много удовольствий. Ради этого стоило пойти на риск. Правда, в его случае никакого риска, разумеется, не было.

Дэннер был человеком, который родился не вовремя. Он был уже достаточно взрослым, чтобы запомнить последние дни Утопии, и достаточно молодым, чтобы испытать лишения, последовавшие в результате введения новой экономики, при которой люди страдали от недостатка самых разных товаров. Эта экономика была навязана людям машинами, которые управляли обществом. В юности, подобно всем остальным, Дэннер испытал прелесть бесплатной роскоши. Он помнил давно ушедшие дни, когда он, как и все юноши, погружался в сверкающие, яркие и захватывающие ощущения, которые создавались действовавшими в то время машинами развлечений. Эти фантастические картины не существовали и не могли существовать, но казались такими реальными. Затем наступила новая экономика, и удовольствия исчезли. Теперь каждый получал только самое необходимое,

зато работал весь день. Дэннер ненавидел новую жизнь.

Когда произошёл стремительный переход к новому строю, он был ещё слишком молодым и неопытным, чтобы вступить в отчаянную борьбу. Тот, кто был богатым сегодня, создал свои состояния, захватив те немногие предметы роскоши, которые ещё производили машины. А таким, как Дэннер, остались одни воспоминания о хорошей жизни и вечно гложущее чувство, что их обманули. Ему хотелось возвращения счастливых дней юности и было наплевать, как он этого добьётся.

И вот теперь он достиг цели. Дэннер коснулся края бокала указательным пальцем, чувствуя, как стекло запело от прикосновения. «Хрусталь?» — подумал он. Дэннер слишком слабо разбирался в предметах роскоши, но это его не беспокоило. Он научится. Впереди целая жизнь, которую он проведёт, купаясь в удовольствиях и роскоши.

Дэннер поднял голову и увидел через прозрачный купол крыши ресторана плавящиеся в солнечных лучах башни города. Они простирались до самого горизонта. И это был всего лишь один город. Когда ему надоест жить здесь, он переедет в другой. Вся страна, вся планета была покрыта транспортной сетью, соединяющей

города в одно огромное, сложное, наполовину живое чудовище. Назовём его обществом.

Дэннер почувствовал, что сквозь пол донеслась едва ощутимая дрожь.

Он поднял бокал и осушил его. Смутное беспокойство было чем-то новым. Его причиной… ну конечно, его причиной был так и не подавленный страх.

Всё потому, что он остался непойманным.

Но ведь это бессмысленно, подумал Дэннер. Разумеется, город представлял собой исключительно сложный организм, функционирующий под надзором бесстрастных, неподкупных машин. Они, и только они, поддерживали существование людей, не позволяя им превратиться в представителей вымирающей фауны. Основой всей сложнейшей системы были аналоговые электронные машины и цифровые компьютеры. Это они создавали законы и обеспечивали их выполнение, а без законов существование человечества стало бы невозможным. Дэннер не слишком хорошо разбирался в радикальных изменениях, которые произошли в обществе на протяжении его жизни, но вот это было ему понятно.

И тем не менее он, Дэннер, сидел в роскошном

ресторане, пил дорогое вино, наслаждался музыкой, а за спинкой его мягкого кресла не стояла зловещая стальная фурия, подтверждая этим, что компьютеры всё ещё успешно охраняют благополучие общества…

И тут в зале появилась фурия.

В ресторане сразу же воцарилась мёртвая тишина. Дэннер подносил вилку ко рту, но остановился словно заворожённый, поднял голову и посмотрел в сторону входа.

Фурия была выше человеческого роста. На мгновение она замерла у двери, и луч вечернего солнца отразился ослепительным пятном от её плеча. У неё не было лица, но казалось, что она медленно обвела взглядом весь ресторан, столик за столиком. Затем фурия шагнула вперёд, лучи солнечного света скользнули с неё, и она приобрела очертания закованного в сталь очень высокого человека, медленно идущего между столиками.

— Нет, это не за мной, — прошептал Дэннер, опуская вилку рядом с тарелкой с нетронутой едой. — Все остальные могут сомневаться. Но я уверен.

И подобно тому как перед мысленным взором тонущего человека проходят удивительно

чёткие, красочные в каждой детали картины его жизни, сконцентрированные в мимолётное мгновение, он вспомнил все подробности разговора с Харцем.

Он как бы снова увидел хозяина кабинета, полного, со светлыми волосами и густыми бровями, придающими ему печальный вид. Человека, выглядевшего спокойным и безмятежным, пока он не начинал говорить: и тогда сразу возникала атмосфера напряжённости, которую создавала излучаемая Харцем неистощимая энергия, мощный поток которой, казалось, заставлял трепетать окружающий его воздух. Дэннер вспомнил, как он стоял перед письменным столом Харца, чувствуя под подошвами своих туфель низкое гудение огромных компьютеров, от которого вибрировал пол. За окном кабинета виднелись длинные ряды сверкающих пультов электронных машин с бесчисленными разноцветными лампочками, мигающими в самых разных сочетаниях. Компьютеры получали информацию, обрабатывали её и выдавали в виде цифр, подобно таинственным оракулам. Только такие люди, как Харц, понимали язык этих оракулов.

— У меня есть для вас дело, — сказал Харц. — Мне нужно, чтобы вы убили человека.

— О нет, — покачал головой Дэннер. — Вы что, принимаете меня за дурака?

— Не спешите с ответом. Разве вам не нужны деньги?

— Зачем? Для пышных похорон?

— Нет, чтобы вести роскошную жизнь. Я знаю, что вы не дурак. И мне совершенно точно известно, что вы не выполните моё поручение, если только вам не будет выплачена огромная сумма денег и гарантирована безопасность. И то и другое я и могу вам предложить. Да, и гарантию безопасности.

Дэннер посмотрел на ряды компьютеров через прозрачную стену кабинета.

— Разумеется… — пробормотал он.

— Вы всё ещё не понимаете. Я действительно могу гарантировать это. Мне… — Харц беспокойно оглянулся, будто не верил, что даже в его собственном кабинете их никто не сможет подслушать. — Мне удалось добиться кое-чего совершенно нового. Теперь я могу направить любую фурию в нужном мне направлении.

— Можете направить, — повторил Дэннер.

— Думаете, я шучу? Я вам продемонстрирую это. В моих силах отозвать фурию, преследующую убийцу.

— Каким образом?

— Это мой секрет, как вы сами понимаете. В общем, я ввожу в компьютеры неверные данные, в результате чего они выносят неверный приговор или неправильно его осуществляют после суда.

— Но ведь это опасно!

— Опасно? — Пронзительный взгляд Харца из-под густых бровей остановился на лице Дэннера. — Действительно, это опасно. Поэтому я пользуюсь этим очень редко. По правде говоря, такое случилось лишь один раз. Дело в том, что я разработал свой метод теоретически и потом один раз проверил его на практике. И вполне успешно. Я прибегну к этому методу ещё один раз, чтобы убедить вас. И затем, в последний раз, для вашей защиты. И всё. Я не хочу нарушать точность работы компьютеров. После того как моё поручение будет выполнено, это не понадобится.

— Кого я должен убить?

Харц невольно посмотрел на потолок — там, на верхнем этаже небоскрёба, помещался кабинет управляющего.

— О'Рейлли, — сказал он.

Дэннер тоже взглянул на потолок, как будто мог увидеть через толщу бетона подошвы ботинок О'Рейлли, верховного управляющего компьютер-

ными системами Земли.

— Почему?

— Очень просто, — улыбнулся Харц. — Хочу занять его должность.

— Если вы так уверены, что можете остановить фурий, почему бы вам не убить его самому?

— Да потому, что тогда это будет шито белыми нитками, — нетерпеливо бросил Харц. — Подумайте сами. Я лицо, особо заинтересованное в его смерти. Не надо и калькулятора, чтобы понять, кто претендует на его место. Даже если я сумею направить фурию по ложному следу, люди не поверят, что это сделал не я. А вот у вас нет причин для убийства О'Рейлли. Подлинные обстоятельства дела будут известны одним компьютерам, а их я беру на себя.

— Почему я должен верить, что вы сумеете выполнить своё обещание?

— Очень просто. Смотрите.

Харц встал и быстрыми шагами направился к противоположному углу комнаты. Он ступал по ковру, покрывающему пол, и каждый его шаг был лёгким и упругим, как у юноши. В углу стоял аппарат с массой кнопок и наклонным экраном. Нервным жестом Харц нажал на одну из кнопок, и на засветившемся экране появилась порази-

тельно чёткая карта одного из участков города.

— Сначала мне нужно найти район, где действует одна из фурий, — объяснил он.

Карта исчезла, и он снова нажал на кнопку. Первоначально расплывчатые линии на экране постепенно стали чёткими и яркими. Недалеко от центра города появился цветной крест. Он медленно поплыл по экрану со скоростью пешехода.

— Вот, — произнёс Харц, наклонился и прочитал название улицы. С его лица на стеклянную поверхность экрана упала капля пота, и он поспешно стёр её рукавом. — По этой улице идёт человек, за которым следует фурия. Сейчас ты увидишь, что произойдёт. Наблюдай внимательнее.

Он нажал ещё одну кнопку, и карта на экране сменилась картинкой городской улицы. Харц подождал, когда изображение станет чётким и поразительно красочным. По улице ехали машины, люди спешили по своим делам или, наоборот, шли не спеша, разглядывая витрины магазинов. Но среди массы людей виднелся крохотный оазис, островок в человеческом море. Внутри этого островка двигались две фигуры — Робинзон Крузо с верным Пятницей. Первым был измученный человек, идущий с опущенной вниз головой, глядя

под ноги. За ним следовала высокая человекообразная фигура, от металлической поверхности которой отражались блики света.

Эти двое двигались внутри пустого пространства, будто невидимые стены отделяли их от толпы, которая расступалась перед ними и смыкалась у них за спиной. Некоторые прохожие смотрели на эту пару с любопытством, другие отворачивались, но были и люди, наблюдавшие за сценой с откровенным интересом, словно надеясь, что именно сейчас Пятница поднимет свою стальную руку и прикончит Крузо.

— Следи за каждым движением. — В голосе Харца звучало волнение. — Сейчас я уведу фурию от этого человека.

Он вернулся к своему столу, выдвинул ящик и нагнулся над ним, закрывая его своим телом от взгляда Дэннера. Послышалось несколько щелчков.

— Ну вот, — сказал Харц, задвинув ящик, и провёл рукой по мокрому от пота лбу. — Что-то здесь жарко. Не отрывайся от экрана. Вот-вот начнётся.

Харц подошёл к огромному экрану, щёлкнул переключателем, уличная сцена резко увеличилась, будто наблюдатели переместились намного

ближе. Человек и неотступно следующий за ним тюремщик заняли большую часть экрана. Лицо человека казалось равнодушным и бесстрастным, как у робота. Можно было подумать, что эти двое провели много времени друг с другом — вероятно, так оно и было.

— Подождём, пока они выйдут из толпы, — пробормотал Харц. — Надо, чтобы всё прошло незаметно и не привлекло внимания. Смотри, он сворачивает в переулок. — Человек, который до этого шёл вперёд, не выбирая направления, резко свернул в узкий тёмный переулок, идущий от главной улицы. Глаз камеры неотступно следовал за ним — так же неотступно, как и робот-мститель.

— Значит, у вас повсюду телевизионные камеры? — с интересом спросил Дэннер. — Я так и думал. Как всё происходит? Этих двух, их что, передают с одной камеры на другую на каждом углу или луч следит…

— Не отвлекайся, — бросил Харц. — Это профессиональная тайна. Смотри. Придётся подождать, пока… Нет, вот сейчас он попытается скрыться!

Человек украдкой оглянулся. Фурия в этот момент огибала угол, входя в переулок. Харц бросился к своему столу и поспешно выдвинул

ящик. Правая рука Харца застыла над ним, глаза не отрывались от экрана. Странно, но человек в тёмном переулке, хотя он, конечно, не мог знать, что за ним наблюдают, поднял голову вверх и взглянул прямо в камеру, в глаза следящих за ним Харца и Дэннера. Затем он глубоко вздохнул и бросился бежать.

Из ящика Харца послышался щелчок. Стальной робот, который мгновенно последовал за преследуемым им человеком, вдруг замедлил движение, остановился и начал как-то неуклюже топтаться на своих металлических ногах. Затем он замер на месте, подобно машине, у которой отключили питание.

В углу экрана, в пределах видимости телевизионной камеры, Дэннер увидел человека, который обернулся, и лицо его отразило изумление. Случилось невероятное. Робот стоял, делая нерешительные движения, как будто новые команды, только что полученные им от Харца, боролись с теми, что он выполнял ранее. Затем фурия повернулась спиной к человеку, исчезающему в глубине переулка, двигаясь теперь уверенно, без малейших колебаний, словно выполняла свои прямые обязанности, а не нарушала основные законы общества столь странным поведением.

Харц выключил экран, и изображение исчезло. Он снова вытер лоб, подошёл к прозрачной стене, отделяющей его от рядов компьютеров, словно стараясь убедиться в том, что они не обратили внимания на его действия. Он выглядел таким маленьким на фоне гигантских электронных машин.

— Ну, что скажешь, Дэннер? — бросил он через плечо.

Последовали, разумеется, дальнейшие уговоры, увеличилась и без того огромная сумма вознаграждения за убийство, но Дэннер решил согласиться ещё в тот момент, когда увидал, как фурия ушла от обречённого на смерть человека. Немалый риск, конечно, но всё-таки, раз опасность не так велика. А вознаграждение…

В ресторане прекратилось всякое движение и воцарилась мёртвая тишина. Фурия медленно двигалась между столиками, обходя посетителей, никого не касаясь. При её приближении лица посетителей бледнели и поворачивались к ней. «Неужели это за мной?» — думал каждый. Даже совершенно невинные думали: «А вдруг компьютеры впервые совершили ошибку и фурия пришла за мной? Несомненно, ошибка, но её нельзя обжаловать, и мне ничего не удастся

доказать». Несмотря на то что понятие вины в этом мире не имело смысла, понятие кары было реальным, и кара могла оказаться слепой, нанося удар подобно молнии.

— Это не за мной, — шептал Дэннер сквозь сжатые зубы. — Я в безопасности. Под надёжной защитой. Она пришла сюда за кем-то другим. — И всё-таки как это странно, какое невероятное совпадение, что в одном ресторане, под одной крышей оказалось сегодня двое убийц. Он, Дэннер, и кто-то другой, за кем явилась фурия.

Дэннер опустил голову, посмотрел на нетронутую еду, и внезапно его сознание отключилось от окружающего мира и попыталось скрыться от действительности, подобно страусу, прячущему голову в песок. Странные мысли проносились у него в голове — мысли о пище. Как растёт спаржа? Как выглядят в природе составляющие блюд? Ему никогда не приходилось видеть сырые овощи, потому что они всегда появлялись на столиках ресторана в приготовленном виде или подносы с ними выдвигались из автоматов. Например, картофель. На что он похож? На влажную белую массу? Нет, иногда картофель подавали в виде овальных ломтиков, так что картофель должен иметь овальную форму. Но не круглую. Часто

картофель готовили в форме длинных узких ломтиков, жаренных в масле. Белых, разумеется. И Дэннер был почти убеждён, что картофель растёт под землёй. Длинные переплетающиеся корни среди труб и кабелей, обнажавшихся, когда ремонтировали улицы. Как странно, что он ест нечто, похожее на слабые тонкие человеческие руки, обнимающие канализационные сети города, поедаемые червями. И после того как фурия найдёт его, он тоже может там оказаться…

Дэннер отодвинул тарелку.

Шорох и шёпот в зале ресторана заставили его поднять голову помимо воли, подобно автомату. Фурия была уже в середине зала, и было и смешно, и страшно наблюдать, какое облегчение испытывали те, кого она уже миновала. Две или три женщины закрыли лица руками, а один мужчина соскользнул с кресла на пол, потеряв сознание. По-видимому, вид фурии пробуждал в людях глубоко скрытый страх.

Стальной робот был уже совсем близко. Фурия казалась футов семи ростом, и её движения были поразительно плавными. Более плавными, чем человеческие. Стальные ноги опускались на ковёр с тяжёлым металлическим звуком. Тук… тук… тук… Дэннер бессознательно попытался

рассчитать её вес. О фуриях всегда говорили, что они движутся беззвучно — если не считать ужасных тяжёлых шагов, — но эта едва слышно поскрипывала где-то в глубине своего мощного тела. У неё не было чёрт лица, однако человеческое воображение не могло не нарисовать что-то вроде лба, глаз, носа и рта на гладкой стальной поверхности головы, причём казалось, что глаза внимательно осматривают сидящих в ресторане.

Фурия приближалась. Теперь глаза всех посетителей ресторана были направлены в сторону Дэннера. Она шла прямо к нему. Дэннеру почти казалось, что…

— Нет! — твердил он. — Нет, этого не может быть!

Он чувствовал себя подобно человеку, охваченному мучительным кошмаром и готовому проснуться. «Ну почему же я не просыпаюсь! — думал он. — Надо проснуться ещё до того, как она подойдёт ко мне».

Но кошмар продолжался. И теперь фурия остановилась рядом с ним. Стук шагов прекратился. Слышалось только едва уловимое поскрипывание. Фурия замерла у его стола, неподвижная, молчаливая, угрожающе огромная.

Дэннер почувствовал, как его лицо покраснело

от невыносимого жара нахлынувшей крови — неверие, ярость, стыд. Сердце билось с такой силой, что всё в поле его зрения — ресторан, посетители, столики — стало расплывчатым и неясным, ужасная боль пронзила голову от виска до виска.

Он с криком вскочил на ноги.

— Нет, нет! — закричал он, глядя на бесстрастную стальную фигуру. — Это ошибка! Пошла прочь! Это не я, не я!

Он пошарил рукой по столу, нащупал тарелку и изо всех сил швырнул её в бронированную грудь фурии. Тарелка разбилась, и белые, зелёные и коричневые пятна появились на полированной стали. Пошатнувшись, отбросив кресло, Дэннер обогнул столик, стальную фигуру фурии и бросился к выходу.

Сейчас он думал только о Харце.

Море лиц проплывало мимо него, когда он, спотыкаясь, бежал к двери. Одни смотрели на Дэннера с любопытством, другие старались не поворачиваться в его сторону, глядя в тарелки, или закрывали лицо руками. За спиной он слышал размеренные тяжёлые шаги и едва ощутимое поскрипывание где-то внутри стальной брони.

Люди остались позади, и Дэннер выбежал из

ресторана, даже не заметив, что открыл дверь. Он стоял на тротуаре. По лицу стекали капли пота, и воздух казался ледяным, хотя день не был холодным. В слепой панике Дэннер посмотрел по сторонам и затем бросился к ряду телефонных будок в середине квартала. Образ Харца настолько отчётливо плыл перед его глазами, что Дэннер наталкивался на прохожих, не видя их. Он смутно слышал возмущённые голоса, которые тут же умолкали при виде фурии. Люди начали расступаться перед ним. Он вошёл в появившееся пустое пространство, островок изоляции от остального мира, и направился к ближайшей телефонной будке.

Когда Дэннер закрыл за собой стеклянную дверцу, пульсация крови в ушах казалась ему настолько громкой, что звуконепроницаемые стенки телефонной будки словно вибрировали в такт ударам сердца. Оглянувшись, он увидел, что робот бесстрастно остановился у двери, ожидая, когда Дэннер выйдет из будки. Струйки соуса стекали по стальной груди, подобно разноцветным знакам отличия.

Дэннер попытался набрать номер. Его пальцы отказывались повиноваться. Он несколько раз глубоко вздохнул, стараясь овладеть собой. В

голову пришло совсем не к месту — он ушёл из ресторана, не расплатившись. И затем — а зачем мне теперь деньги? Чёрт бы побрал этого Харца!

Он набрал номер Харца.

— Приёмная управляющего Харца. Чем могу служить? — На экране чётким, ярким цветным изображением высветилось лицо девушки. В этой части города установлены дорогие высококачественные телефоны с экранами, почему-то подумал Дэннер.

У него сжало горло, и пришлось напрячь силу воли, чтобы произнести своё имя. Интересно, видит ли секретарша за его спиной неясные очертания высокой фигуры фурии, подумал Дэннер. Он так и не понял этого, потому что девушка тут же наклонилась к листу бумаги на столе.

— Мне очень жаль, но мистер Харц уехал и не вернётся сегодня.

Экран погас.

Дэннер открыл дверь и встал. Ноги казались какими-то ватными. Робот стоял как раз на таком расстоянии от будки, что дверь едва могла открыться. На мгновение они замерли, глядя друг на друга. Дэннер внезапно услышал звуки собственного безумного хохота, граничащего с истерией. Робот с многоцветным пятном на гру-

ди, походившим на орденские ленты, выглядел таким забавным! К своему изумлению, Дэннер увидел, что всё это время стискивал в левой руке салфетку из ресторана.

— Отойди, — сказал он роботу. — Дай мне выйти из будки. Какой же ты дурак, раз не понимаешь, что произошла ошибка! — Его голос дрожал. Робот отступил назад с едва слышным скрипом. — Мне и так неприятно, что ты всюду следуешь за мной, — продолжал Дэннер. — И уж тем более противно, что у тебя на груди такое грязное жирное пятно! Грязный робот — что может быть… может быть… — Он почувствовал, что вот-вот разрыдается. Не то смеясь, не то плача, Дэннер подошёл к фурии, стёр салфеткой грязное пятно со стальной груди и бросил салфетку на тротуар.

И в это самое мгновение, когда его рука коснулась холодной стали, он внезапно понял, что никогда в жизни больше не будет один. За ним всегда будет следовать фурия, за спиной всегда будут слышаться тяжёлые шаги. До самого последнего вздоха их тени будут рядом. А когда наступит момент смерти, эти могучие стальные руки прикончат его, может быть прижав к металлической груди, и последнее, что он уви-

дит, — бесстрастное лицо, наклонённое вниз. И это будет не лицо человека, а чёрный стальной череп фурии.

Дэннеру понадобилась почти неделя, чтобы добиться разговора с Харцем. На протяжении этой недели он понял, почему многие из тех, за кем следуют фурии, сходят с ума. Ложась спать в своей комнате, расположенной в одной из самых роскошных гостиниц, Дэннер видел, как свет уличного светильника отражается от металлического плеча преследователя, терпеливо и бесстрастно ждущего его на улице. По ночам, то и дело просыпаясь, Дэннер слышал, как снаружи доносится лёгкий скрип механизмов, скрытых под бронёй робота. Ложась спать, он не знал, увидит ли ещё раз восход солнца. Или смертельный удар будет нанесён, когда он спит? Что это будет за удар? Как приводят фурии в исполнение приговоры? Каждое утро Дэннер встречал тусклый свет наступающего дня с каким-то облегчением. По крайней мере, прожита ещё одна ночь. Но разве можно назвать это жизнью? И стоит ли так жить?

Он сохранил за собой номер в гостинице. Наверно, администрация хотела, чтобы он переехал в другое место, но никто к нему не обращался

по этому поводу. Возможно, они просто не решались. Жизнь стала для Дэннера чем-то странным, едва ощутимым, прозрачным, словно он смотрел на неё через невидимую стену. Ему хотелось одного — встретиться с Харцем. Всё остальное — роскошь, развлечения, путешествия — перестали привлекать Дэннера. Он знал, что, куда бы ни пошёл, всюду будет не один.

Он провёл много часов в публичной библиотеке, читая всё, что было известно о фуриях. Именно здесь он натолкнулся на две пугающие, запавшие ему в память строчки, которые написал Мильтон в те годы, когда мир был маленьким и простым, строчки, которые озадачивали всех и приводили в недоумение до того момента, когда человек создал по своему образу и подобию стальных фурий.

И эта двурукая машина за спиной
Стоит недвижно с поднятой рукой…

Дэннер поднял голову и посмотрел на свою двурукую стальную спутницу, застывшую за его спиной, и подумал о Мильтоне и о давно прошедшем времени, когда все цивилизации сорвались в пропасть и погрузились в ужас Великого Хаоса. И период до этого, когда люди были… ну, какими-

то иными. Но чем они отличались от поколений, пришедших им на смену? Всё казалось таким далёким и непонятным. Дэннер не мог представить себе жизнь до появления машин.

И всё-таки впервые за все эти годы он понял, что случилось на самом деле, когда он был ещё совсем юным и прекрасный мир внезапно исчез, уступив место серой скуке новой эпохи. И люди впервые создали фурий, похожих на них самих.

Перед началом эры великих войн технология достигла такой высокой ступени развития, что машины сами создавали машины, подобно живым существам, и на Земле мог бы воцариться рай, когда все потребности людей полностью удовлетворялись, если бы не одно обстоятельство — общественное развитие далеко отстало от технического развития. Разразились ужасные войны, в которых люди и машины воевали бок о бок, сталь против стали и человек против человека. Но люди были куда более уязвимыми. Войны закончились сами собой, когда не осталось двух обществ, способных воевать друг с другом. Человечество начало распадаться на постоянно уменьшающиеся группы, и наконец наступила ситуация, мало чем отличающаяся от анархии.

Машины зализали свои металлические раны и

вылечили друг друга, как и планировали их создатели. Машины не нуждались в общественном развитии, они просто воспроизводили другие механизмы и снабжали человечество предметами, которые были необходимы для рая на Земле. Правда, далеко не все предметы роскоши стали теперь доступны, потому что некоторые виды машин были полностью уничтожены и не могли воспроизводить себе подобных. Но большинство из них добывали сырьё, перерабатывали его, отливали и обтачивали необходимые детали, сами вырабатывали нужное им топливо, ремонтировали себя и поддерживали своё существование на Земле с эффективностью, совершенно недоступной людям.

Тем временем группы людей распадались и становились всё мельче. Наконец не осталось достаточно крупных групп, исчезли даже семьи. Люди больше не нуждались друг в друге. Эмоциональные связи прекратились. Человечество научилось прибегать к заменяющим их суррогатам, и бегство от действительности стало широко распространённым явлением. Свои эмоции люди получали теперь от развлекательных машин, питавших их захватывающими приключениями, а реальный мир казался слишком скучным и се-

рым. Рождаемость начала падать, и падение всё ускорялось. Наступило смутное время. Роскошь и хаос, анархия и инертность существовали рядом друг с другом. А рождаемость сократилась до катастрофического уровня…

Прошли годы, пока некоторые люди не начали понимать, что человеческому роду грозит полное исчезновение. Сами люди были бессильны что-нибудь предпринять. Но у них были всесильные слуги. Наконец какой-то невоспетый гений трезво оценил ситуацию и ввёл новую задачу в самый мощный из всех оставшихся компьютеров. Вот какая цель была поставлена: «Человечество снова должно осознать свою ответственность. Это будет единственной целью до тех пор, пока она не будет достигнута».

Задача была бы удивительно простой, если бы произошедшие во всём мире изменения не носили столь коренного характера. Машины представляли собой интегрированное общество, а люди утратили это качество. И теперь всем машинам была поставлена одна-единственная задача, и ради её осуществления они перестроили свои функции.

Дни роскоши кончились. Развлекательные машины прекратили своё существование. Ради

собственного выживания люди начали объединяться в группы, часто вопреки своей воле. Теперь им было нужно выполнять работу, которую ранее выполняли машины, и медленно, очень медленно общие интересы и потребности начали снова восстанавливать почти утраченное чувство общности.

Но это был такой мучительно медленный процесс. И ни одна машина не могла вернуть человеку то, что он утратил навсегда, — врождённую совесть. Индивидуализм достиг высшей степени, и в течение длительного времени ничто не могло сдержать преступность. Поскольку отсутствовали семейные и клановые отношения, исчезла даже кровная месть. Понятие совести пропало, потому что люди перестали отождествлять себя друг с другом.

И теперь перед машинами возникла новая, действительно сложная задача — спасти человечество от вымирания, заставить людей осознать ценность их существования. Общество, понимающее ценность ответственности, станет поистине взаимозависимым, его руководители будут считать себя представителями общества, а возрождённая совесть приведёт к запрещению и наказанию «греха» — им станет нанесение ущер-

ба группе, с которой люди отождествляют себя.

Для этого и были созданы фурии.

Машины определили, что убийство, совершённое при любых обстоятельствах, является тягчайшим преступлением. Подобный подход был точен, ибо убийство — поступок, навсегда уничтожающий одну из единиц, составляющих общество.

Фурии не могли предупредить преступление, однако неотвратимость наказания может помешать новому преступлению, ибо потенциальные преступники знают о неизбежности кары и это вселяет в них страх. Фурии стали символом наказания. Они открыто, на виду у всех, ходили по пятам за преступниками, приговорёнными к казни, являясь наглядным доказательством того, что убийство всегда карается, причём карается открыто и жестоко. Фурии были всегда правы, они никогда не ошибались. Принимая во внимание колоссальный объём информации, накопленный в памяти компьютеров, было очевидно, что правосудие, осуществляемое машинами, несравненно эффективнее человеческого.

Наступит день, когда понятие греха вернётся к человеку. Но без него он оказался на грани полного уничтожения. После того как грех, вина

и совесть снова обретут своё место в сознании рода человеческого, люди смогут управлять как собой, так и бесчисленным множеством механических слуг. Но пока не наступил этот день, фурии — совесть человека в металлическом облачении — будут ходить по улицам, неотступно следуя за убийцами, заставляя людей обрести утраченные моральные качества.

Дэннер не помнил, чем он занимался в эти дни. Он много думал о прошлом, о развлекательных машинах, о времени, существовавшем до того, как суровые машины, стремясь восстановить человеческое общество в его прежнем облике, резко ограничили производство предметов роскоши. Дэннер вспоминал об этом с грустью и без возмущения, потому что прошлое нравилось ему куда больше настоящего. И в то время не было фурий…

Он начал пить. Однажды он выложил все деньги из своих карманов в шапку безногого попрошайки, потому что и этот человек был выброшен из общества в результате ужасного несчастья, происшедшего с ним. Для Дэннера таким несчастьем была преследующая его фурия, а для попрошайки — сама жизнь. Тридцать лет назад попрошайка умер бы, и его кончины никто

бы не заметил, потому что жизнью человека управляли машины. Уже одно то, что сейчас он выжил, доказывало начало обретения человечеством первых признаков милосердия, однако для Дэннера это ничего не меняло.

Ему хотелось поговорить с нищим, но тот пытался удрать от него на своей маленькой платформе с колёсиками.

— Слушай, — старался убедить его Дэннер, следуя за нищим и выворачивая карманы в поисках денег. — Ты не думай, что моя судьба лучше твоей. Так кажется лишь на первый взгляд. На самом деле…

Этим вечером он был сильно пьян и преследовал нищего до тех пор, пока тот не скинул со своих коленей все деньги, которые высыпал Дэннер, и в панике не скрылся в тёмном переулке. Дэннер опёрся плечом о стену здания. Всё плыло вокруг и казалось нереальным. Лишь тень фурии за его спиной была объективно существующим фактом, а не плодом воображения.

Позднее, этим же вечером, когда стало совсем темно, Дэннер набросился на фурию. Он подобрал где-то обрезок металлической трубы и кинулся на свою ненавистную преследовательницу, нанося удары по стальным плечам, от которых летели

искры. Пытаясь скрыться, он бросился бежать через дворы, тёмные переулки и узкие проходы. Наконец, задыхаясь от усталости, Дэннер спрятался в подъезде. И через несколько секунд услышал тяжёлые шаги фурии.

Измученный, он упал и заснул.

На другой день он сумел наконец встретиться с Харцем.

— Что случилось? — спросил Дэннер. За последнюю неделю он заметно переменился. Его лицо — лицо человека, потерявшего всякую надежду на спасение, — стало бесстрастным и равнодушным, подобно металлической маске робота.

Харц ударил кулаком по краю стола и вскрикнул от боли. Огромный кабинет, казалось, вибрировал, но не только от неустанной деятельности множества электронных компьютеров, а и от энергии верховного управляющего.

— Где-то вкралась ошибка, — ответил он. — Я и сам ещё не знаю где. Я должен…

— Где-то вкралась ошибка! — возмущённо закричал Дэннер, на мгновение утратив спокойствие. — Для тебя это всего лишь ошибка. А для меня?

— Подожди немного, — успокаивающе произ-

нёс Харц. — Всё будет хорошо.

— Сколько мне осталось жить? — спросил Дэннер, глядя через плечо на высокую стальную фурию, стоявшую позади него, как будто он спрашивал её, а не Харца. По его тону было ясно, что он уже задавал этот вопрос много раз, глядя на бесстрастное стальное лицо робота, и будет безнадёжно задавать этот вопрос и дальше, пока наконец не получит ответ. Но ответ не на словах…

— Даже это мне неизвестно, — покачал головой Харц. — Чёрт побери, Дэннер, ты ведь знал, что полностью исключить риск невозможно.

— Ты сказал мне, Харц, что под твоим контролем находится компьютер, управляющий действиями фурий. Я сам видел, как ты отозвал фурию. А теперь я спрашиваю тебя, почему ты не выполнил своё обещание?

— Ещё раз повторяю, Дэннер, — что-то произошло. Всё должно было пройти как по маслу. В тот момент, когда за твоей спиной появилась фурия, я тут же ввёл в компьютер команды, которые должны были защитить тебя и отозвать фурию.

Он встал и начал расхаживать по роскошному ковру.

— Я был уверен, что смогу защитить тебя. И всё

ещё стараюсь найти ошибку. В конце концов, для меня это тоже важно. Поэтому я делаю всё возможное. Вот почему я не мог встретиться с тобой раньше. Чёрт побери, Дэннер, ты должен понять, насколько всё это трудно. Ты только посмотри на ряды этих сложнейших машин. — Он кивнул в сторону огромного окна.

Дэннер даже не повернул голову.

— Надеюсь, тебе удастся выполнить обещание, — бесстрастно произнёс он. — Так будет лучше и для тебя.

— Как ты смеешь мне угрожать! — яростно закричал Харц. — Оставь меня в покое, и я найду выход. Но не смей угрожать мне!

— Ты ведь тоже замешан в этом, — сказал Дэннер.

Харц повернулся, подошёл к столу и сел на его край.

— Каким образом? — спросил он.

— О'Рейлли мёртв. Ты заплатил мне за его убийство.

— Фурия знает это. — Харц пожал плечами. — И компьютерам известно. Но всё это для них не имеет никакого значения. Твой палец нажал на спусковой крючок, а не мой.

— Мы оба виновны. Если я страдаю из-за совер-

шённого нами преступления…

— Одну минуту, Дэннер, выслушай меня. Я хочу, чтобы ты понял, как обстоят дела на самом деле. Никого не могут наказать за намерение. Только действие влечёт за собой наказание. Моя ответственность за убийство О'Рейлли ничуть не больше, чем вина пистолета, из которого ты убил его.

— Значит, ты солгал мне! Обманул меня! Да я…

— Делай так, как тебе говорят, и я выполню своё обещание.

— Когда?

На этот раз оба мужчины повернулись и посмотрели на фурию. Она стояла у входа, равнодушно глядя на них.

— Я не знаю, когда она убьёт меня, — ответил Дэннер на свой собственный вопрос. — Ты утверждаешь, что тоже не знаешь. Никто не знает, как и когда она убьёт меня. Я прочитал всё, что можно было прочесть об этом в популярных изданиях. Это правда, что способ казни всякий раз меняется, что одна из главных задач наказания — заставить приговорённого мучиться неизвестностью? А время, через которое следует исполнение приговора, — оно тоже непостоянно?

— Да, это верно. Но существует минимум време-

ни между вынесением приговора и приведением его в исполнение. Я почти уверен в этом. Для тебя это минимальное время ещё, очевидно, не истекло. Положись на меня, Дэннер. Я смогу отозвать фурию. Ведь ты видел своими глазами, как я сделал это. Нужно узнать, что помешало на этот раз. Но чем чаще ты беспокоишь меня, тем меньше времени у меня остаётся. Не пытайся искать меня. Когда будет нужно, я найду тебя сам.

Дэннер вскочил. Отчаяние охватило его. Он сделал несколько быстрых шагов к Харцу и тут же услышал тяжёлую поступь фурии за спиной. Он остановился.

— Мне нужно время, — повторил Харц. — Верь мне, Дэннер.

После того как у Дэннера возродилась надежда, положение стало ещё хуже. Чувство страха постепенно исчезло, а на его место пришло отчаяние. Но теперь появился шанс на спасение, надежда, что, если Харцу удастся вовремя спасти его, он снова заживёт яркой роскошной жизнью, ради которой пошёл на риск.

Теперь Дэннер почувствовал, что и в той жизни, которую он ведёт сейчас, есть свои плюсы. Он начал покупать новую модную одежду, путешествовать — разумеется, не один. Ему хотелось

обрести людское общество, и он добился этого. Правда, к общению с ним стремились только не слишком нормальные люди. Например, Дэннеру стало ясно, что некоторые женщины испытывают к нему страстное влечение — и не из-за его денег, а благодаря неотступно следующей за его спиной фурии. Их волновала близость с мужчиной, судьба которого была предрешена. Иногда он замечал, как, извиваясь в экстазе наслаждения, они смотрят через его плечо на стоящую рядом зловещую фигуру стальной фурии. Поняв это, Дэннер отказался от таких друзей. А других у него не было.

Дэннер отправился на ракетном корабле в Африку, посетил тропические леса Южной Америки, но ни ночные клубы, ни незнакомые страны не приносили ему удовольствия. Солнечный свет, отражающийся от стальной брони его преследовательницы, был одинаков и в саванне, и в заросших лианами джунглях. Вся прелесть новизны исчезала, когда он слышал за спиной тяжёлые ритмические шаги.

Постепенно эти шаги стали невыносимы. Дэннер попытался затыкать уши ватой, но ноги ощущали тяжёлое сотрясение почвы, и казалось, что голову пронизывает острая боль. Даже когда

фурия стояла неподвижно, у него в голове отдавались воображаемые тяжёлые шаги.

Дэннер купил оружие и попытался уничтожить робота. Но потерпел неудачу. Его намерение было тем более бессмысленным, что он знал: на смену уничтоженной фурии тут же появится другая. Виски и наркотики не действовали, и Дэннер всё чаще подумывал о самоубийстве. Но он решил отложить этот последний отчаянный шаг в надежде, что Харц всё же сумеет спасти его.

Он вернулся в город, чтобы находиться рядом с Харцем и надеждой. И снова начал проводить всё время в библиотеке, стараясь ходить как можно меньше, чтобы не слышать за спиной тяжёлые размеренные шаги, которые сводили его с ума. Именно здесь, в библиотеке, он нашёл ответ…

Дэннер прочитал и просмотрел всё, что было известно о фуриях. К его удивлению, справочники содержали массу ссылок на материалы, имеющие отношение к фуриям. Особенно поразило его то, что по прошествии столетий некоторые ссылки приобрели удивительную злободневность. Даже если не иметь в виду строчки Мильтона о «двурукой машине за спиной», ему попадались всё новые и новые: «эти сильные неутомимые ноги, всюду преследующие меня», читал он, «…неумо-

лимая преследовательница», «размеренные шаги, величественное мгновение смерти…».

От литературных источников Дэннер перешёл к фильмам, отснятым по произведениям, в которых упоминались фурии. Просматривая фильмы, он следил за тем, как Ореста, одетого в современный костюм, преследовала от Арго до Афин семифутовая фурия, а не три Эринии со змеями вместо волос, о чём рассказывалось в древней легенде. С тех пор как на улицах городов появились фурии, преследующие убийц, на эту тему было написано немало пьес. Дэннер, погружённый в полусон юношеских воспоминаний о том времени, когда ещё действовали развлекательные машины, забылся в приключениях, мелькавших на экране.

Он настолько увлёкся, что, когда перед ним промелькнула знакомая сцена, он едва не пропустил её. Дэннер всего лишь удивился, что она почему-то показалась ему более знакомой, чем другие. Но затем что-то щёлкнуло у него в мозгу, он очнулся и нажал на кнопку, останавливавшую действие автомата, прокручивающего фильм. Дэннер перемотал ленту назад, и на экране вновь появилась та же сцена.

Дэннер увидел человека, идущего по улице

города среди толпы людей, которые расступались перед ним, образуя крошечный островок пустоты. За мужчиной следовала гигантская фурия. Они напоминали Робинзона Крузо и Пятницу на этом маленьком движущемся острове, и толпа за их спинами снова смыкалась. Вот мужчина свернул в узкий переулок, с беспокойством посмотрел прямо в камеру и внезапно побежал. Дальше Дэннер увидел, как фурия заколебалась, остановилась, нерешительно шагнула в сторону… повернулась и уверенно пошла обратно, тяжело ступая по мостовой…

Дэннер снова перемотал фильм, и знакомая сцена опять появилась на экране. Теперь он весь дрожал, и мокрые от пота пальцы едва справлялись с кнопками автомата.

— Ну, что ты об этом думаешь? — бормотал он, обращаясь к фурии за спиной. У него появилась привычка разговаривать со своей преследовательницей, делать вполголоса замечания, даже не осознавая своих поступков. — Ты видела что-нибудь подобное? Правда, что-то напоминает? Отвечай, безмозглая консервная банка! — И, протянув руку назад, он ударил робота в грудь, как ударил бы Харца, если бы Харц был на месте фурии. От сильного удара металлическая грудь

фурии издала глухой звук, словно ударили по стальной бочке. Это была единственная реакция фурии. Когда Дэннер обернулся, на полированной поверхности тела и безликой маске головы отражалась уже такая знакомая сцена на городской улице, будто робот наконец запомнил что-то.

Итак, теперь всё ясно. Харц не владел никаким секретом и не мог отозвать фурию. А если и мог, то не собирался спасать Дэннера. Зачем? Ведь сейчас ему ничто не угрожало. Неудивительно, что Харц так нервничал, прокручивая фильм у себя в кабинете. Но его беспокойство было вызвано совсем не риском нарушить нормальную работу компьютеров, а всего лишь необходимостью согласовывать свои действия с развитием событий на экране! Как он, должно быть, смеялся после ухода Дэннера!

— Сколько осталось мне жить? — спросил он, снова ударяя фурию по стальной груди. — Сколько? Отвечай! Хватит ли времени?

Надежда исчезла, её сменила жажда мести. Больше не надо ждать. Теперь ему нужно отомстить Харцу и сделать это побыстрее, пока не кончилось отведённое ему кем-то время. Дэннер с отвращением подумал о напрасно потраченных днях — бесполезные путешествия, женщины,

бессмысленное ожидание спасения, которое принесёт Харц.

«Боже мой, — промелькнуло в сознании Дэннера, — ведь, может быть, сейчас истекают мои последние минуты!»

— Пошли! — бросил он фурии, даже не подумав, насколько бессмысленна эта команда. — Быстрее!

Стальная фигура повернулась и последовала за ним, невидимые часы внутри её металлической груди отсчитывали минуты, оставшиеся до того момента, когда, как писал Мильтон, опустится поднятая рука.

Харц сидел в роскошном кабинете верховного управляющего компьютерными системами Земли за специально изготовленным по его заказу новеньким письменным столом. Теперь он достиг желанной цели — стал повелителем планеты. Харц удовлетворённо вздохнул.

Лишь одна мысль мучила его — он всё время думал о Дэннере. Иногда с утра до вечера. Дэннер начал даже сниться ему. Харц не испытывал чувства вины, нет. Ведь ощущение вины подразумевает наличие совести, тогда как результатом десятков лет анархии стал глубоко укоренившийся индивидуализм, исключающий

это старомодное понятие. И всё-таки Харца не оставляло беспокойство.

Думая о Дэннере, он повернулся и отпер маленький ящик письменного стола, который демонтировал в своём старом столе и установил в новом. Он сунул внутрь ящика руку и легко провёл ладонью по кнопкам панели управления.

Всего пара движений, подумал Харц, и жизнь Дэннера спасена. Но с самого начала он, разумеется, лгал Дэннеру, этому убийце-неудачнику. Харц действительно мог управлять действиями фурий и без труда спасти Дэннера, но не собирался делать этого. В этом для него не было необходимости. Вмешиваться в работу компьютеров всегда опасно. Стоит нарушить последовательность операций такого сложного механизма, как электронный мозг, управляющий жизнью общества, и может начаться цепная реакция, которая нарушит функционирование всей системы. Лучше не рисковать.

Наступит день, и ему, возможно, придётся самому использовать спрятанный в ящике аппарат. Харц надеялся, однако, что этого не произойдёт. Он задвинул ящик и услышал щелчок замка.

Сейчас он — верховный управляющий. Повелитель преданных ему машин, с преданностью

которых не может сравниться преданность человека. Старая как мир проблема — кто контролирует контролёров? — подумал Харц. И ответ: никто. У него, Харца, нет начальников и его власть — абсолютна. Благодаря небольшому аппарату в ящике письменного стола никто не может контролировать его действия, действия управляющего. Ни внутренняя человеческая совесть, ни совесть общественная. Он никому не подвластен…

Услышав шаги на лестнице, Харц на мгновение решил, что ему это чудится. Иногда ему снилось, что он — Дэннер и за его спиной раздаются тяжёлые неумолимые шаги. Но на этот раз он не спал.

Он ощутил удары металлических ног, когда они ещё были ниже порога слышимости для людей, и до того, как услышал торопливые шаги Дэннера, взбегающего по личной лестнице Харца. Всё происходило настолько быстро, что время, казалось, остановилось. Сначала он почувствовал тяжёлые шаги робота, затем до него донеслись шум и крики внизу, грохот распахивающихся дверей и только затем шаги Дэннера, которые настолько точно совпадали с грузными ударами ног фурии, что металлические звуки заглушали движения

человеческой плоти.

В следующее мгновение Дэннер распахнул дверь кабинета Харца, и шум ворвался в тихий кабинет, подобно циклону. Но циклону, который привиделся в ночном кошмаре. Он не двигался. Время остановилось.

Оно замерло, как замер и Дэннер, застывший на пороге; обеими руками он сжимал револьвер, потому что дрожал так, что не мог прицелиться, держа его в одной руке.

Движения Харца были автоматическими, словно движения робота. Слишком часто он представлял себе, как это может произойти. Если бы в его силах было заставить фурию ускорить смерть Дэннера, Харц сделал бы это. Но его могущество не распространялось так далеко. Оставалось одно — ждать и надеяться, что палач нанесёт удар раньше, чем Дэннер догадается обо всём.

Поэтому, когда опасность стала реальностью и Дэннер ворвался к нему в кабинет, Харц был наготове. Пистолет оказался у него в руке настолько быстро, что впоследствии он сам не мог вспомнить, как выдвинул ящик стола. Но ведь время остановилось. Харц знал, что фурия не позволит Дэннеру причинить кому-нибудь вред. Но Дэннер стоял в дверях один, сжимая револьвер в

дрожащих руках. И Харц где-то в глубине сознания решил, что машина остановилась. Фурия не выполнит свои обязанности. Он побоялся доверить свою жизнь машине, потому что сам был источником разложения и обмана, способным нарушить их нормальную работу.

Палец нажал на спусковой крючок, и сила отдачи толкнула его руку назад. Из дула вырвалось пламя, и пуля помчалась к Дэннеру.

Харц услышал, как пуля ударилась о металл.

Время снова начало свой отсчёт, на этот раз с удвоенной скоростью, чтобы компенсировать отставание. Оказалось, что фурия была всего в одном шаге позади Дэннера, и её стальная рука успела отклонить в сторону револьвер, который он сжимал в руках. Дэннер действительно успел выстрелить, но фурия помешала ему. А вот выстрел Харца оказался точным.

Его пуля ударила Дэннера в грудь, пробила мышцы, кости, сухожилия и отскочила от стальной груди фурии, которая стояла за Дэннером. Лицо его внезапно превратилось в бесстрастную и равнодушную маску, ничем не отличающуюся от металлической маски робота. Дэннер откинулся назад, не упал — из-за того, что стальная рука обнимала его, — а медленно соскользнул на

ковёр между рукой фурии и её металлической грудью. Из ран на груди и спине потекла кровь.

Фурия неподвижно застыла, полоса крови на её груди алела, словно почётная награда.

Управляющий фуриями и одна из его фурий замерли, глядя друг на друга. И хотя фурия не могла говорить, в сознании Харца, казалось, раздавались её слова.

— Самооборона не является оправданием, — словно произносила она. — Мы никогда не наказываем намерение, но всегда — действие. Любое убийство. Любое, без исключения.

Харц едва успел бросить револьвер в ящик стола и задвинуть его, как в кабинет ворвались взволнованные и перепуганные служащие.

— Самоубийство, — сказал он слегка дрожащим голосом, что было, впрочем, вполне объяснимо. Все видели, как безумец, которого преследовала фурия, ворвался в кабинет. Такое случалось не раз — убийца пытался уговорить верховного управляющего, чтобы тот отозвал фурию и приостановил казнь. Успокоившись, Харц рассказал своим подчинённым, как фурия не допустила, чтобы незнакомец убил его. И тогда безумец выстрелил себе в сердце. Следы пороха на одежде убитого были убедительным доказательством

(письменный стол находился рядом с дверью, и Харц стрелял почти в упор). Парафиновый тест покажет, что Дэннер действительно сделал выстрел.

Самоубийство. Для людей это объяснение звучало убедительно. Но не для компьютеров.

Мёртвое тело вынесли из кабинета. Остались только Харц и фурия, всё ещё стоящие напротив друг друга. Возможно, кому-то это показалось странным, но вслух никто не сказал ни слова.

Сам Харц тоже не знал, насколько оправдано поведение фурии. Ничего подобного раньше никогда не случалось. Ещё не было идиота, решившегося совершить убийство в присутствии фурии. Ведь даже сам верховный управляющий не знал, как компьютеры оценивают доказательства и выносят приговор. Может быть, эту фурию действительно отзовут? Если бы смерть Дэннера была на самом деле самоубийством, разве Харц сейчас стоял бы здесь, глядя на бесстрастную стальную маску фурии?

Ему было известно, что машины уже обрабатывают полученные данные, изучают доказательства и дают оценку тому, что произошло в кабинете. Но Харц не мог знать, получила ли фурия приказ следовать за ним повсюду до само-

го момента его казни, или она просто замерла, ожидая дальнейших указаний.

Впрочем, это не имело значения. Эта фурия или какая-нибудь другая, несомненно, уже получила указания от электронного мозга. У Харца был только один выход. Слава богу, что он мог спасти свою жизнь.

Харц наклонился, отпер маленький ящик письменного стола, выдвинул его и посмотрел на панель управления, которой ему так не хотелось пользоваться. Затем тщательно набрал кодовую комбинацию и ввёл её, цифру за цифрой, в главный компьютер. Ему казалось, будто он видит, как данные о действительно происшедшем стираются с магнитных лент и записывается новая, искажённая информация.

Харц посмотрел на фурию и улыбнулся.

— Теперь ты обо всём забудешь, — сказал он. — Ты и компьютеры. Можешь отправляться. Больше мы не увидим друг друга.

Или компьютеры действовали с невероятной быстротой, или это было всего лишь совпадение, но через мгновение фурия шевельнулась, словно откликнувшись на команду Харца. С того момента как безжизненное тело Дэннера выскользнуло из её рук, она стояла совершенно неподвижно.

Теперь новые команды оживили её, и первые движения фурии были резкими и несогласованными, будто она переключалась от одних команд на другие. Фурия даже поклонилась — отрывистое движение головой, при котором её маска оказалась на одном уровне с лицом Харца.

Он увидел, как его черты отразились в бесстрастной полированной маске фурии. В этом поклоне было нечто почти ироническое — поклон дипломата с красной лентой запёкшейся крови на груди, исполнившего свой долг честно и преданно. Фурия повернулась и пошла к выходу. Неподкупный стальной робот стал жертвой обмана, и лицо Харца, отражавшееся в полированной спине фурии, как бы с укором смотрело на верховного управляющего.

Харц следил за тем, как фурия вышла из кабинета и начала спускаться по лестнице тяжёлыми равномерными шагами. Он чувствовал содрогание пола от тяжёлых шагов, и внезапно его охватил ужас, от которого закружилась голова. Харцу показалось, что само основание общества разваливается у него под ногами.

Жизнь человечества по-прежнему зависела от компьютеров, а на них больше нельзя полагаться. Харц опустил голову и увидел, что у него дрожат

руки. Он задвинул ящик стола. Замок щёлкнул.

Ощущение полного одиночества пронеслось подобно порыву ледяного ветра. Харцу ещё никогда так не хотелось человеческого общения, общения не с одним человеком, а со многими. Знать, что его окружают люди.

Он снял с вешалки пальто и шляпу и стал быстро спускаться вниз, сунув руки в карманы и подняв воротник, потому что ему стало холодно и никакое пальто не могло защитить его от озноба, источник которого был в нём самом. На полпути Харц внезапно остановился.

У него за спиной послышались шаги.

Сначала Харц не рискнул обернуться. Ему были хорошо знакомы эти шаги. Но он не знал, что ужаснее — фурия, преследующая его, или то, что позади никого нет. При виде фурии Харца охватило бы чувство безумного облегчения — значит, машинам можно доверять.

Он спустился ещё на одну ступеньку, боясь повернуть голову. И услышал за спиной зловещий звук шагов. Тогда Харц глубоко вздохнул и посмотрел назад. Никого.

После бесконечно долгого, как ему казалось, ожидания он пошёл вниз, то и дело оглядываясь назад. Он отчётливо слышал тяжёлые неумоли-

мые шаги за спиной в такт его собственным. Но его не преследовала фурия.

Это мстительные Эринии нанесли свой тайный удар, и вслед за Харцем шла невидимая фурия его совести.

Словно понятие греха опять появилось в мире и он был первым человеком, вновь почувствовавшим груз вины. Итак, компьютеры всё-таки победили.

Харц медленно спустился по лестнице и вышел на улицу, всё время слыша за спиной тяжёлые неумолимые шаги, которые уже не принадлежали стальному роботу. Отныне они всегда будут сопровождать его.

Шок

Shock

Рассказ, 1943 год

А. Н. Тетеревникова

Когда Грегг, подняв глаза от книги, увидел, что сквозь стену к нему в квартиру лезет какой-то человек, он на мгновение подумал, что сошёл с ума. С такими явлениями обычно не сталкиваются учёные-физики средних лет, подчинившие свою жизнь определённому распорядку. А всё-таки в стене сейчас было отверстие, и в эту дыру протискивалось какое-то полуголое существо с ненормально увеличенным черепом.

— Кто вы такой, чёрт побери? — спросил Грегг, когда к нему вернулся дар речи.

Человек говорил на каком-то странном английском языке: слова сливались, интонации звучали необычно, но понять его всё-таки было можно.

— Я — важная персона, — заявил он, покачивая плечами и грудью. — Моя персона сейчас в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году, а?.. а моя важность… у-у-у!

Он сделал судорожное усилие и, протиснув-

шись в отверстие, тяжело дыша, пополз по ковру.

— А стачно меня зажало. Дыра ещё недостаточно расширилась. Повсегда.

В этих словах был какой-то смысл, но не очень ясный. Лицо Мэннинга Грегга, с крупными чертами, напоминающими львиные, помрачнело. Он протянул руку, схватил тяжёлую книгу и встал.

— Я Хэлисон, — объявил незнакомец, поправляя свою тогу. — Это, вероятно, тысяча девятьсот пятьдесят третий год. Нечудо одинако.

— Что?

— Смысловые трудности языка, — сказал Хэлисон. — Я живу в будущем… примерно за несколько тысяч лет вперёд, в будущем. В вашем будущем.

Грегг пристально посмотрел на отверстие в стене:

— Но ведь вы говорите по-английски.

— Выучил его в тысяча девятьсот семидесятом году. Я не впервые путешествую в прошлое. Уже много раз бывал в нём. Ищу одну вещь. Что-то важное, ургентно важное. Я использую силу мысли, чтобы деформировать фэррон пространства и времени, вот отверстие и открывается. Не можете ли вы одолжить мне одежду?

Всё ещё держа в руке книгу, Грегг подошёл к

стене и заглянул в круглую брешь, в которую могло пройти тело худощавого человека. Он смог увидеть лишь голую голубую стену, по-видимому, на расстоянии нескольких метров. Смежная квартира? Невероятно.

— Отверстие потом станет больше, — объявил Хэлисон. — Ночью оно открыто, днём закрыто. Я должен вернуться к четвергу. По четвергам ко мне приходит Рэнил-Менс. А сейчас могу я попросить у вас одежду? Мне нужно найти одну вещь… Я ищу её во времени уже долгие веколетия. Прошу вас!

Он всё ещё сидел на корточках на полу. Грегг не сводил глаз со своего необыкновенного посетителя. Хэлисон, конечно, не принадлежал к числу Homo sapiens образца 1953 года. У него было очень румяное лицо с острыми чертами, огромные блестящие глаза, ненормально развитый и совершенно лысый череп. На руках у него было по шесть пальцев, а пальцы на ногах срослись вместе. И он беспрерывно трясся от нервной дрожи, как будто обмен веществ у него никуда не годился.

— Боже милостивый! — воскликнул Грегг, вдруг сообразив что-то. — А это не розыгрыш? Нет? — Он повысил голос.

— Розыгрыш, розыгрыш. Это что, новецкий голлаундов речье? Важная персона что-то напутала? Трудно догадаться, что нужно сказать в новом для тебя мире другой эпохи. Мне очень жаль, но вы не имеете представления о степени развития нашей культуры. Нам трудно спуститься до вашего уровня. После вашего столетия цивилизация пошла вперёд быстро-быстро. Но времени у меня мало. После поговорим, а сейчас необходимо, чтобы вы одолжили мне одежду.

Грегг ощутил, как вдоль его позвоночника пробежал какой-то неприятный холодок.

— Хорошо, только… подождите. Если это не какое-то…

— Простите, — перебил его Хэлисон. — Я ищу одну вещь; очень спешу. Скоро вернусь. Во всяком случае, к четвергу, мне нужно видеть Рэнил-Менса. От него я набираюсь мудрости. А теперь простите преладно.

Он прикоснулся ко лбу Грегга.

— Говорите немного медленнее, пож… — пробормотал физик.

Хэлисон исчез.

Грегг повернулся кругом, оглядывая комнату. Ничего. Разве что дыра в стене увеличилась вдвое. Что за дьявольщина!

Он посмотрел на часы. Они показывали ровно восемь. А ведь только что было около семи. Значит, целый час прошёл с тех пор, как Хэлисон протянул руку и коснулся его лба!

Если это гипноз, то он действовал чертовски сильно.

Грегг не спеша достал сигарету и закурил. Затянувшись, он поглядел в отверстие в стене и стал размышлять. Посетитель из будущего, каково? Ну что ж, посмотрим…

Вдруг сообразив что-то, он пошёл в спальню и обнаружил, что исчез один из его костюмов — из коричневого твида, от Гарриса. Не хватало рубашки, галстука и пары ботинок. Но дыра в стене опровергала его предположение о том, что это была умно организованная кража. К тому же и бумажник Грегга остался при нём, в кармане его брюк.

Он снова заглянул в дыру и по-прежнему не увидел ничего, кроме голубой стены. Очевидно, эта стена не имела отношения к смежной квартире, принадлежавшей Томми Макферсону, стареющему повесе, который бросил посещать ночные клубы, чтобы по совету своего врача предаться более спокойным занятиям. Но Грегг всё-таки вышел на площадку и нажал кнопку

электрического звонка возле двери Макферсона.

— Послушайте, Мак, — сказал он, когда перед ним появилось круглое бледное лицо и заспанные глаза заморгали из-под старательно выкрашенных в каштановый цвет волос. — Вы заняты? Я бы хотел зайти к вам на минутку.

Макферсон с завистью покосился на сигарету Грегга.

— Конечно. Будьте как дома. Я просматривал кое-какие инкунабулы, которые мне прислал мой агент из Филадельфии, и мечтал о том, чтобы выпить. Хотите виски с содовой?

— Если вы составите мне компанию.

— Кабы я мог, — проворчал Макферсон. — Но мне ещё рано умирать. Так что же случилось?

Он пошёл за Греггом в кухню и стал наблюдать, как тот внимательно осматривает стену.

— Муравьи?

— У меня в стене образовалась дыра, — пояснил Грегг. — Однако же она не проходит насквозь.

Это доказывало, что отверстие определённо «сбилось с пути». Оно должно было выйти или в кухню Макферсона, или… куда-то совсем уж в другое место.

— Дыра в стене? Откуда она взялась?

— Я вам покажу.

— Не такой уж я любопытный, — заметил Макферсон. — Позвоните домовладельцу. Быть может, он заинтересуется.

Грегг нахмурился:

— Для меня это важно, Мак. Я бы хотел, чтобы вы взглянули. Это… забавно. И я желал бы иметь свидетеля.

— Или дыра есть, или её нет, — просто сказал Макферсон. — А ваши великолепные мозги, случайно, не одурманены алкоголем? Как бы я хотел, чтобы это произошло с моими!

Он тоскливо посмотрел на портативный бар.

— Вы мне ничем не можете помочь, — заметил Грегг. — Но всё-таки вы лучше, чем никто. Пошли!

Он потащил упиравшегося Макферсона к себе в квартиру и показал ему дыру. Мак подошёл к ней, бормоча что-то о зеркале, и заглянул в отверстие. Он тихонько свистнул. Потом просунул туда руку, вытянул её, насколько было возможно, и попытался дотронуться до голубой стены. Ему это не удалось.

— Дыра увеличилась, — спокойно проговорил Грегг, — даже по сравнению с тем, какой она была несколько минут назад. Вы тоже это заметили?

Макферсон отыскал стул.

— Давайте выпьем, — проворчал он. — Мне это необходимо. Ради такого случая нельзя не выпить. Только немного, — добавил он, в последнюю минуту вспомнив об осторожности.

Грегг смешал в двух бокалах виски с содовой и подал один из них Макферсону. За выпивкой он рассказал обо всём происшедшем. Мак не знал, что и думать.

— Из будущего? Рад, что это случилось не со мной. Я бы тут же отдал концы.

— Всё совершенно логично, — пояснял Грегг, главным образом самому себе. — Этот малый, Хэлисон, конечно, не может быть человеком, живущим в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году.

— Он, наверное, выглядит как помесь Пого с Карловым[1].

— Послушайте, ведь вы-то не выглядите как неандерталец или пильтдаунский человек, нет? У Хэлисона такой череп... наверное, у него потрясающий мозг. Ну, коэффициент умственной одарённости.

— Какой во всём этом толк, если он не поже-

---

[1] Примечания: 1

Пого — колдун, герой произведений американской литературы для детей. *Борис Карлов* — американский киноактёр, прославившийся исполнением ролей мистических злодеев.

лал разговаривать с вами? — резонно заметил Макферсон.

Грегг почему-то почувствовал, что к его лицу медленно подступает тёплая волна.

— Я, наверное, показался ему чем-то вроде человекообразной обезьяны, — уныло заметил он. — Я с трудом понимал его — и неудивительно. Но он ещё вернётся.

— В четверг? А кто этот Рэнилпэнтс?

— Рэнил-Менс, — поправил его Грегг. — Я думаю, его друг. Может быть, учитель. Хэлисон сказал, что набирается от него мудрости. Наверное, Рэнил-Менс — профессор какого-нибудь университета будущего. Я не совсем способен рассуждать здраво. Вы представляете себе значение всего этого, а, Мак?

— Не очень-то мне это интересно, — ответил Макферсон, пробуя своё виски. — Меня что-то страх одолевает.

— А вы прогоните его силой разума, — посоветовал Грегг. — Я как раз собираюсь это сделать. — Он снова посмотрел на стену. — Дыра здорово увеличилась. Интересно, смогу я пролезть в неё?

Он подошёл к самому отверстию. Голубая стена всё ещё была на прежнем месте, и немного ниже уровня серого ковра Грегга виднелся голубой пол.

Приятная, чуть терпкая струя воздуха проникала в комнату из неведомого мира, странным образом подбадривая физика.

— Лучше не лазайте, — предупредил Макферсон. — Вдруг дыра закроется за вами.

Вместо ответа Грегг исчез в кухне и вернулся с куском тонкой верёвки. Он обвязал ею себя вокруг пояса, подал другой конец Макферсону и бросил свою сигарету в пепельницу.

— Она не закроется, пока не вернётся Хэлисон. Или, во всяком случае, закроется не слишком быстро. Я надеюсь. А всё-таки крикните мне, Мак, если увидите, что она начинает закрываться. Я сразу же нырну обратно.

— Сумасшедший, безумец! — сказал Макферсон.

Грегг переступил порог будущего — при этом губы его довольно сильно побелели. Отверстие уже достигло почти полутора метров в диаметре, его нижний край был на полметра выше уровня ковра. Греггу пришлось нагнуться. Потом он выпрямился, вспомнил, что нужно перевести дух, и посмотрел назад, в дыру, на бледное лицо Макферсона.

— Всё замечательно, — объявил он.

— Ну, что там?

Грегг прижался к голубой стене. Под ногами его был мягкий пол. Круг диаметром в полтора метра был словно вырезанный из стены диск, словно мольберт, висящий в воздухе, или кадр из кинофильма. Грегг мог видеть в нём Макферсона и свою комнату.

Но сам он находился теперь в другой комнате, просторной, освещённой прохладным лучистым светом и совершенно не похожей на всё, что ему приходилось видеть до сих пор.

Прежде всего его внимание привлекли окна — овальные высокие отверстия в голубых стенах, прозрачные в центре, ближе к краям полупрозрачные и у самых краёв лазурно-матовые. Сквозь них он увидел огни, движущиеся разноцветные огни. Он шагнул вперёд и, не решаясь идти дальше, посмотрел назад, где его ждал Макферсон.

— На что это похоже?

— Сейчас посмотрим, — сказал Грегг и обошёл отверстие. С обратной стороны оно было невидимо. Возможно, световые лучи огибали его. Грегг не смог бы этого объяснить. Слегка испуганный, он быстро вернулся, чтобы снова взглянуть на Макферсона, и, успокоившись, стал продолжать свои исследования.

Комната была примерно в восемьдесят квадрат-

ных метров, потолок высокий, в форме купола; источник света сначала было трудно обнаружить. Всё в комнате слегка светилось. «Поглощение солнечных лучей, — подумал Грегг, — вроде светящейся краски». Это казалось рациональным.

Собственно, смотреть было не на что. Низкие диваны, мягкие, удобные, пастельных тонов кресла, по-видимому какого-то специального назначения, и несколько каучуковых столиков. Четырёхугольный стекловидный блок величиной с маленький саквояж, сделанный из какого-то пластика, стоял на голубом полу. Грегг не мог понять его назначения. Когда он осторожно поднял его, в нём заиграли фосфоресцирующие краски.

На одном из столиков лежала книга, и Грегг сунул её в карман как раз в тот момент, когда Макферсон окликнул его:

— Мэннинг? Ну, как там, в порядке?

— Да, подождите минутку.

Где же тут двери? Грегг криво усмехнулся. Он был слегка обескуражен тем, что у него нет даже самых основных технических знаний, необходимых в этом неведомом мире. Двери могли открываться от давления, от света, от звука. Или даже от запаха, откуда он мог это знать? Быстрый осмотр ничего не подсказал. Но его тревожила

дыра. Если она вдруг закроется…

«Ну что ж, ничего страшного не случится, — подумал Грегг. — Этот мир будущего населён человеческими существами, в достаточной мере похожими на нас. И у них хватит ума, чтобы отправить человека в его собственную эпоху, — доказательством этого служило само появление Хэлисона». И всё-таки Грегг предпочитал иметь открытый путь к отступлению.

Он подошёл к ближайшему окну и посмотрел в него. За несколько тысячелетий созвездия на пурпурном небе слегка изменились, но не слишком. Здесь и там мелькали радужные огни. Это летели самолёты. Внизу неясно виднелись тёмные массы зданий, окутанные мглой. Луны не было. Несколько башен поднимались до уровня этого окна, и Грегг мог различить округлые очертания их верхушек.

Один из огней метнулся к нему. Прежде чем Грегг успел отпрянуть от окна, он заметил маленький кораблик (антигравитация, подумал Грегг) с юношей и девушкой в открытой кабине. У корабля не было ни пропеллера, ни крыльев. Парочка напоминала Хэлисона — такие же большие черепа и острые черты лица, хотя у обоих на голове были волосы. Одежда их тоже походила

на тогу.

И всё-таки они не казались странными. Не было такого ощущения, будто они с другой планеты. Девушка смеялась, и, несмотря на то что у неё был выпуклый лоб и худощавое лицо, Грегг подумал, что она необыкновенно привлекательна. Конечно, этот народ никому не мог причинить вреда. Неясный страх перед холодной жестокостью бесчеловечной суперрасы стал постепенно исчезать.

Они пронеслись мимо, на расстоянии не более шести метров, глядя прямо на Грегга… и не видя его. Удивлённый физик протянул руку, чтобы дотронуться до гладкой, чуть тёплой поверхности стекла. Странно!

Но окна других зданий были тёмные. Они, вероятно, пропускали свет только в одну сторону, чтобы не мешать уединению людей у себя дома. Изнутри можно было смотреть в окно, но снаружи ничего не было видно.

— Мэннинг?

Грегг торопливо обернулся, закрутил вокруг себя верёвку и вернулся к дыре. Его встретила нахмуренная физиономия Макферсона.

— Я бы хотел, чтобы вы вернулись. У меня нервы не выдерживают.

— Хорошо, — любезно ответил Грегг и пролез в дыру. — Но там не опасно. Я стащил книжку. Вот вам настоящая инкунабула будущего.

Макферсон взял книгу, но раскрыл её не сразу. Его тусклые глаза были устремлены на Грегга.

— Что вы там видели?

Грегг стал рассказывать во всех подробностях:

— Вы знаете, по-видимому, это просто замечательно! Тоненький ломтик будущего. Когда я был там, внутри, всё это не казалось мне таким странным, но теперь это меня поражает. А виски-то моё стало совсем тёплым. Выпьем ещё?

— Нет. Впрочем, ладно. Немного.

Пока Грегг ходил в кухню, Макферсон рассматривал книгу. Потом он взглянул на дыру. «Она стала немного шире, — подумал он. — Немного. Вероятно, она почти достигла своего максимального размера».

Грегг вернулся.

— Можете прочесть? Нет? Ну что же, я этого и ожидал. Хэлисон сказал, что ему пришлось изучить наш язык. Интересно, что он ищет… в прошлом?

— Интересно, кто этот Рэнил-Менс.

— Хотел бы с ним встретиться, — заметил Грегг. — Слава богу, у меня есть кое-какие знания.

Если бы Хэлисон… или кто-нибудь другой… объяснил мне некоторые вещи, я бы, наверно, мог постигнуть основы техники будущего. Вот было бы здорово, Мак!

— Если только он согласится.

— Ведь вы его не видели, — сказал Грегг. — Он был настроен дружески, хотя и загипнотизировал меня. А это что такое?

Он схватил книгу и начал рассматривать картинку.

— Осьминог, — подсказал Макферсон.

— Карта. Интересно. Она выглядит совсем как структурная формула, но я никогда не встречал такого вещества. Как бы я хотел прочесть эти чёртовы завитушки! Они похожи на комбинацию бирманского и питмэновского письма. Даже система цифр отличается от арабской. Да здесь целая сокровищница, а ключа к ней нет!

— Гм… Возможно. Всё-таки мне кажется, что это немного опасно.

Грегг взглянул на Макферсона:

— Не думаю. Нет никаких причин ожидать неприятностей. Это был бы сюжет для дешёвого бульварного романа.

— А что такое жизнь, как не бульварный роман? — угрюмо спросил Макферсон, порядочно

захмелевший — он уже успел отвыкнуть от спиртного.

— Это просто вы смотрите на неё под таким углом зрения. И в соответствии с этим и живёте. — Грегг говорил недовольным тоном, главным образом потому, что не выносил безнадёжной философии Макферсона, которую тот периодически проповедовал. — Попробуйте для разнообразия рассуждать логически. Человечество идёт вперёд, несмотря на диктаторов и профессиональных политиканов. Промышленная революция ускоряет социальные изменения. Биологическая мутация тесно с ними связана. Она прогрессирует. За последующие пятьсот лет мы пройдём такой же путь, какой прошли за последние десять тысяч. Это как лавина, низвергающаяся с горы.

— Ну и что же?

— А то, что в будущем настанет царство логики, — пояснил Грегг, — и не хладнокровной бесчеловечной логики. Логики человеческой, которая принимает во внимание эмоции и психологию. То есть будет принимать. Там обойдутся без Великого Мозга, стремящегося завоевать миры или поработить остатки человечества. Этакое мы уже видели. Хэлисон… хотел поговорить со мной, но он тогда очень торопился. Он сказал,

что всё объяснит потом.

— Я знаю только одно: что в стене есть дыра, — заметил Макферсон. — Такое обычно не случается. А теперь случилось. Не стоило мне пить.

— Таким образом вы поддерживаете свой эмоциональный баланс, — произнёс Грегг. — А я предпочитаю делать это, следуя математическим законам. Решаю уравнение, исходя из имеющихся данных. Индуктивный метод даёт не многое, но позволяет судить о том, каким потрясающим должно быть целое. Совершенный мир будущего…

— Откуда вы знаете?

Грегг замялся:

— Ну, мне так показалось. Через несколько тысячелетий человечество сможет применять технику достаточно широко и будет учитывать все тонкости. И в теории, и на практике. Но самое лучшее, что люди от этого не станут зазнаваться. Это просто не будет им свойственно. Во всяком случае, Хэлисон не зазнавался.

— Дыра больше не увеличивается, — заметил Макферсон. — Я это вижу по пятнышку на обоях.

— Но и не уменьшается, — неуверенно проговорил Грегг. — Хотел бы я знать, как там

открываются двери. Сам я не могу разобраться в этой чертовщине.

— Выпейте-ка ещё. Должно помочь.

Но это не очень помогло. Грегг не отважился снова пролезть в дыру, боясь, что она может неожиданно закрыться, и, сидя с Макферсоном, курил, пил виски и разговаривал. Медленно проходила ночь. Время от времени они снова принимались разглядывать книгу, но она им ни о чём не говорила.

Хэлисон не появлялся. В три часа утра отверстие начало уменьшаться. Грегг вспомнил, что сказал человек из будущего: брешь будет открыта ночью и закрыта днём. Вероятно, она опять откроется. Если же нет, значит он прозевал случай, выпадающий один раз за сто человеческих жизней.

Через полчаса дыра совершенно закрылась, не оставив никакого следа на обоях. Макферсон, смотря перед собой остекленевшим взором, вернулся домой. Грегг запер книгу в ящик письменного стола и лёг в постель, чтобы поспать несколько часов, прежде чем беспокойство поднимет его на ноги.

На другой день, одеваясь, Грегг позвонил в Хэверхиллскую исследовательскую лабораторию — сообщить, что сегодня он не придёт на

работу. Он хотел быть дома на случай, если появится Хэлисон. Но Хэлисон не пришёл. Грегг провёл утро, бросая в пепельницу недокуренные сигареты и перелистывая книгу. После полудня он отправил её с посыльным в университет профессору Кортнею, приложив короткую записку с просьбой сообщить сведения об этом языке. Кортней, который собаку съел на языках, позвонил и сказал, что он в недоумении.

Разумеется, его разбирало любопытство. Греггу пришлось пережить несколько неприятных минут, пока он не отделался от профессора. В следующий раз Грегг решил быть осторожнее. Ему вовсе не хотелось разглашать свою тайну всему свету. Даже и Макферсону… Ну, тут уж ничего не поделаешь. Ведь открытие принадлежало Мэннингу Греггу, и это только справедливо, если он будет иметь на него все права.

Эгоизм Грегга был совершенно бескорыстным. Если бы он проанализировал его причины, то понял бы, что его существо жаждало интеллектуального опьянения — самый подходящий термин для такого случая. Грегг и вправду обладал необыкновенно острым умом, и ему доставляло глубокую радость применять его на деле. Он мог испытывать настоящее опьянение, разрабатывая

технические проблемы, и получал при этом такое же удовольствие, как инженер при взгляде на красиво выполненный чертёж или пианист, разбирающий сложную композицию. Он любил всё совершенное. И теперь, если он будет обладать ключом от совершенного мира будущего…

Разумеется, он не был так уж уверен в совершенстве этого мира, но постепенно его уверенность крепла. Особенно после того, как в шесть тридцать вечера отверстие начало медленно открываться.

На этот раз Грегг сунулся в дыру, едва лишь она увеличилась настолько, что он смог пролезть в неё. У него в запасе была уйма времени. Сколько он ни искал дверей, он так и не нашёл их, но сделал другое открытие: голубые стены оказались в действительности дверцами огромных шкафов, наполненных необыкновенными предметами. Прежде всего, конечно, книгами — но он не мог прочесть ни одной. Из-за некоторых чертежей он буквально претерпел танталовы муки: они были ему почти понятны, он почти мог подогнать их под свой образ мышления — и всё-таки не совсем. Раскрашенные картинки в трёх измерениях смутными проблесками чарующе намекали ему на жизнь в будущем. Ему казалось, что это счаст-

ливая жизнь.

Шкафы…

В них хранились чертовски интересные вещи. Все они, без сомнения, были очень хорошо известны Хэлисону, но Грегг не знал, что делать, например, с куклой высотой больше полуметра, созданной по образу и подобию человека будущего, которая декламировала на неведомом языке что-то похожее на стихи. Насколько он мог понять, рифмы были замечательные, а ритм — сложный, необыкновенный — оказывал определённое эмоциональное воздействие даже на человека, не знакомого с языком.

В шкафах были и каучуковые прозрачные блоки с движущимися огоньками внутри, и металлические конструкции (в одной из них Грегг узнал модель Солнечной системы), и садик, выращенный гидропонным способом, он мог изменять цвет, как хамелеон; и фигурки из пластика, возможно изображавшие мифических животных; соединяясь, они могли производить других животных — гибриды или биологические разновидности (поразительная демонстрация чистой генетики); всё это и ещё многое-многое другое! У Грегга закружилась голова. Он подошёл к окну, чтобы немного прийти в себя.

Радужные огни всё ещё мерцали во мраке. Глубоко внизу Грегг заметил прерывистые вспышки лучистого света — будто взрывались осветительные ракеты. На мгновение он замер: у него мелькнула мысль о войне. Но ещё одна вспышка, фонтаном поднявшаяся вверх, успокоила его. Вытянув шею, он смог разглядеть крошечные фигурки, принимавшие разные позы и танцевавшие в воздухе среди бушующего моря красок — что-то вроде балета в состоянии невесомости. Нет, это был совершенный мир.

Вдруг его охватило непреодолимое желание вырваться из этой безмолвной комнаты в сверкающую радостную суматоху за окнами. Но он не мог понять, как открываются окна. И не нашёл кнопок, управляющих дверями.

Грегг вспомнил, как нелегко было обнаружить скрытые кнопки, при помощи которых открывались шкафы.

Он со злорадством подумал о старом Даффи из Хэверхилла и о том, что бы тот стал делать, если бы увидел всё это. Ну да ладно, к чёрту Даффи. Пусть потом пьёт весь мир, но сейчас Грегг хотел сделать то, что заслужил, — первым вне себя от восторга хлебнуть из этой бутылки с чудесным вином.

Он надеялся, что кто-нибудь войдёт в эту комнату, к Хэлисону, может быть, Рэнил-Менс. Сначала Грегг, возможно, поймёт не всё — если только посетитель не изучал архаический английский язык, что маловероятно, — но потом уж он как-нибудь преодолеет трудности. Только бы Рэнил-Менс появился и показал ему, как работают приборы, спрятанные в шкафах! Это ведь золотые россыпи для физика!

Однако никто так и не появился, и Грегг, нагружённый трофеями, возвратился в свою эпоху, где обнаружил Макферсона. Откинувшись в кресле, тот пил виски с содовой и скептически посматривал на дыру.

— Как вы попали в квартиру? — спросил Грегг.

— Очень просто, — ответил Макферсон. — Дверь была открыта. В комнате стоял Хэлисон, и мне захотелось выяснить, в чём дело. Он вполне реальный, всё в порядке.

В его бокале звенели кубики льда.

— Хэлисон был здесь? Мак, какая…

— Не расстраивайтесь. Я вошёл и спросил его, кто он такой. «Хэлисон, — ответил он. — Я просто зашёл на минутку», или что-то в этом роде. «Грегг хочет вас видеть», — сказал я. «Пока у меня нет времени, — ответил он. — Я ищу одну вещь.

Вернусь в четверг, чтобы повидаться с Рэнил-Менсом. Тогда и скажу Греггу всё, что он хочет знать. Я могу рассказать ему о многом… я ведь отношусь к категории гениев». То, что он говорил, было довольно двусмысленно, но я каким-то образом умудрился всё понять. После этого он вышел. Я побежал за ним, закричал: «Где Грегг?» Он помахал рукой, показав… на отверстие, и побежал вниз по лестнице. Я просунул голову в дыру, увидел вас и почувствовал себя как-то странно. Тогда я приготовил виски с содовой и сел, чтобы подождать вас. От этого малого у меня мороз по коже подирает.

Грегг положил свою ношу на диван:

— Вот проклятье! Значит, я прозевал его. Ну ничего, он ещё вернётся, это единственное утешение. Почему, чёрт побери, у вас от него мороз по коже подирает?

— Он совсем не похож на нас, — просто сказал Макферсон.

— Но ничто человеческое ему не чуждо. Вы же не можете утверждать, что он не человеческое существо.

— Конечно, человеческое, а как же, но это совсем другой вид человеческого. Даже его глаза. Он смотрит, будто насквозь пронизывает, будто

видит тебя в четырёх измерениях.

— Может быть, и видит, — рассуждал Грегг. — Я бы хотел… гм. Он скажет мне всё, что я хочу знать, а? За это стоит выпить. Вот повезло-то! И он действительно гений, даже для своего века. Я думаю, только гений мог устроить эту шутку с пространством и временем.

— Это его мир, Мэннинг, а не ваш, — спокойно заметил Макферсон. — Я бы на вашем месте не совался туда.

Грегг засмеялся, глаза его ярко заблестели.

— При других обстоятельствах я согласился бы с вами. Но теперь я уже знаю кое-что об этом мире. По картинкам в книжках, например. Это, несомненно, совершенный мир. Только пока ещё он за пределами моего понимания. Эти люди ушли далеко вперёд во всех отношениях, Мак. Сомневаюсь, сможем ли мы понять там всё. Но я же не совсем умственно отсталый. Я буду учиться. Мой опыт поможет мне. Я всё-таки техник и физик.

— Ну и прекрасно. Поступайте, как вам нравится. Я сейчас напился потому, что сидел и всё время смотрел на эту дыру в стене и боялся, не захлопнется ли она навсегда.

— Чепуха, — сказал Грегг.

Макферсон встал, покачиваясь.

— Пойду лягу. Позовите меня, если я зачем-нибудь вам понадоблюсь. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Мак. Да, послушайте. Вы никому обо всём этом не говорили, а?

— Нет, и не собирался. А глаза Хэлисона испугали меня, хотя в них и было что-то дружелюбное. Человек и сверхчеловек. Брр!

Макферсон выплыл из передней, окутанный парами виски. Грегг усмехнулся и старательно запер за ним дверь.

Кем бы ни был Хэлисон, но сверхчеловеком он быть не мог. Эволюция не привела его к этой крайности, или, может быть, Homo sapiens и не мог путём эволюции превратиться в Homo superior[2]. Многое в человеке будущего казалось таинственным, например его загадочные поиски в глубинах времени… но в четверг — Грегг на это надеялся — можно будет получить ответ хотя бы на некоторые из вопросов. Только бы ему дотерпеть до четверга!

На следующий день, во вторник, Грегг опять не пошёл на работу. Он провёл много времени, размышляя над предметами, принесёнными

---

[2] Примечания: 2

Homo sapiens — человек разумный. *Homo superior* — человек высший *(лат.).*30

из будущего, и находя в этом какое-то слабое утешение.

Он ждал до тех пор, пока его не начал мучить голод. Тогда Грегг решил выйти, чтобы купить за углом сэндвич. Но тут же передумал и пошёл через улицу, в грязную закусочную, откуда можно было наблюдать за его домом.

Он увидел, как в дом вошёл Хэлисон.

С полным ртом, чуть не подавившись, Грегг бросил официанту горсть монет и вылетел из закусочной. Он едва не споткнулся о ступеньку и удержался на ногах лишь благодаря тому, что крепко вцепился в удивлённого швейцара.

Лифт… Грегг проклинал его медленный ход. Дверь квартиры была открыта. Из неё выходил Хэлисон.

— Премильно хэлло, — приветствовал его Хэлисон. — Я забегал за чистой рубашкой.

— Подождите, — с отчаянием сказал Грегг. — Я хочу поговорить с вами.

— Пока ещё некогда. Я до сих пор ищу полеон энтар… ещё не нашёл…

— Хэлисон! Когда вы поговорите со мной?

— С ночь со среды. Завтра. Я должен буду вернуться, чтобы в четверг увидеть Рэнил-Менса. А он, кстати, ещё умнее меня.

— А дыра не закроется совсем?

— Конеш нет. До тех пор пока поступает сила мысли. Она закроется не раньше, чем занито примерно через две недели.

— Я боялся, что останусь на другой стороне, как в ловушке.

— Слуги-роботы каждый день приносят пищу; вы бы не проголодались. Вы можете вернуться этой ночью, когда отверстие опять откроется поленто. Безопасно. В моём мире никто не приносит вреда другим. Помогать и лечить для общего блага… Плохой перевод. От вашего языка… разит сакраментом.

— Но…

Хэлисон выскользнул за дверь, как призрак, и уже спускался по лестнице. Грегг помчался за ним, но тот легко оставил его позади. Помрачнев, он вернулся к себе. А всё-таки завтра ночью…

Завтра ночью!

Ладно, сейчас он, во всяком случае, может потратить время на хороший обед. Утешенный этой мыслью, Грегг пошёл в свой любимый ресторан и съел телячий эскалоп. Потом он встретился с Макферсоном и передал ему свой разговор с Хэлисоном. Макферсон выслушал его без особой радости.

— Никто в его мире не приносит вреда другим, — процитировал Грегг.

— Всё равно… не знаю. А всё-таки я боюсь.

— Я пролезу туда опять и посмотрю, что там ещё есть интересного.

Грегг так и сделал. Он даже не подождал, пока дыра станет достаточно широкой, и бросился головой вперёд. При этом он оттолкнулся от стены и стукнулся лбом о стол, но так как стол был из довольно упругого материала, это не имело значения. У будущего были свои удобства.

Эта ночь была повторением предыдущей. Грегг сгорал от любопытства. Его окружали тайны культуры, далеко обогнавшей его собственную, и ключ к этим тайнам был так близко, что Грегг почти мог ощутить его кончиками пальцев. Ждать теперь стало совсем уж невмоготу.

Но ему приходилось ждать. Он до сих пор не разгадал, как открывалась дверь, и забыл спросить об этом Хэлисона. Если здесь и существовали телефон или телевизор, то они были запрятаны в каком-то тайнике, и Грегг не мог их обнаружить. Ну да ладно.

В среду Грегг пошёл на работу, но вернулся домой рано и не находил себе места от нетерпения. Ненадолго заглянул Макферсон. Но Грегг выпро-

водил его: ему не хотелось разговоров втроём. Он начал записывать на бумаге вопросы, которые собирался задать Хэлисону.

В шесть тридцать пять отверстие начало открываться.

В полночь Грегг чуть с ума не сошёл от ожидания.

В два часа он разбудил Макферсона и попросил, чтобы тот с ним выпил.

— Он забыл про меня, — беззвучно проговорил Грегг, закурив сигарету и тут же бросив её в пепельницу. — Или с ним что-нибудь случилось. Проклятье!

— Времени у вас сколько угодно, — проворчал Макферсон. — Не расстраивайтесь. Я-то надеюсь, что он не появится.

Они ждали долго. Отверстие начало медленно сужаться. Грегг в сердцах бубнил монотонные проклятия. Зазвонил телефон. Грегг ответил и после короткого разговора положил трубку. Когда он повернулся к Макферсону, лицо у него было расстроенное.

— Хэлисон убит. На него наехал грузовик. В кармане его пиджака нашли мою визитную карточку.

— Откуда вы знаете, что это Хэлисон?

— Мне его описали. Подумайте, Мак, как не повезло! И нужно же было этому… чтоб его… ходить по улицам, лезть под грузовик. Черти бы его разорвали!

— На то была воля Провидения, — тихонько сказал Макферсон, но Грегг его всё-таки услышал.

— Остаётся всё же Рэнил-Менс.

— Ещё неизвестно, кто он такой.

— Конечно, друг Хэлисона! — Грегг говорил резким тоном. — Завтра — в четверг — он придёт в квартиру Хэлисона. Вот вам первая возможность вступить в контакт с человеком из того мира, Мак. Я ведь был там ещё этой ночью. И не мог выйти из его комнаты. Не мог найти дверей. Но если я буду там завтра, когда придёт Рэнил-Менс…

— А что, если отверстие больше не откроется?

— Хэлисон сказал, что откроется. Это вполне логично. Энергия мысли, как и всякая другая, должна тратиться постепенно, если только она не выключена. А смерть Хэлисона, очевидно, не выключила её.

Грегг кивнул в сторону отверстия, которое медленно закрывалось.

— Говоря словами пророка — отыди от зла, — предупредил Макферсон.

Он вышел и приготовил себе бокал почти не

разбавленного шотландского виски. По спине его струйкой пополз холодный, расслабляющий страх. Они ещё немного поговорили, не решив ничего определённого. В конце концов Грегг полез в дыру, потом выглянул из неё, как портрет из круглой рамы.

— Пока всё идёт хорошо, — объявил он. — Завтра увидимся, Мак. И я смогу рассказать вам многое.

Макферсон сжал кулаки так, что ногти впились ему в ладони.

— Не лучше ли вам передумать? Я бы хотел…

Грегг усмехнулся:

— Не выйдет. Я мальчик, который на этот раз хочет получить ответы на свои вопросы. И наконец, зарубите себе на носу, Мак, что никакой опасности здесь нет.

— Ладно.

— Дайте мне бокал. На той стороне нет виски… спасибо. Желаю счастья!

— Желаю счастья! — повторил Макферсон.

Он сидел и ждал. Отверстие сужалось.

— Через минуту будет слишком поздно, Мэннинг.

— И сейчас уже слишком поздно. Скоро увидимся, дружище. Завтра в шесть тридцать. И может

быть, я приведу с собой Рэнил-Менса.

Грегг поднял бокал. Отверстие постепенно уменьшилось до размеров десятицентовой монеты. И исчезло.

Макферсон не шевелился. Он сидел на месте и ждал. Он был во власти страха, холодного, безотчётного и неодолимого, хотя, разумеется, противоречащего всякой логике.

И тогда, не оборачиваясь, он почувствовал, что в комнате кто-то есть.

В поле его зрения появился Хэлисон.

— Безназванно опоздал, — объяснил он. — Ну ладно, вернусь завтра ночью. Жаль только, что пропущу Рэнил-Менса.

Пары алкоголя, казалось, вихрем закружились в голове Макферсона.

— Грузовик, — проговорил он. — Грузовик. Несчастный случай.

Хэлисон пожал плечами:

— У меня совсем иной обмен веществ. И со мной часто бывает столбняк. От нервного шока я как раз и пришёл в это септольное состояние. Я проснулся в этом… как его?.. морге, объяснил там приблизительно, что со мной произошло, и прибежал сюда. Но слишком поздно. Я до сих пор не нашёл того, что искал.

— А что же вы искали?

— Я ищу Хэлисона, — пояснил Хэлисон, — потому что он был потерян в прошлом, а Хэлисон не может вновь обрести свою целостность, пока я не найду его. Я работал много-много, и однажды Хэлисон ускользнул и ушёл в прошлое. И вот теперь я должен искать.

Макферсон похолодел как ледышка: он понял, чем объяснялось странное выражение глаз Хэлисона.

— Рэнил-Менс, — проговорил он. — Значит… о господи!

Хэлисон протянул дрожащую шестипалую руку.

— Убийно. Так вы знаете, что они сказали. Но они ошибались. Я был изолирован, для лечения. Это тоже было неправильно, но это дало мне время открыть дверь в прошлое и искать Хэлисона там, где он потерялся. Слуги-роботы давали мне пищу, и меня оставили в покое, который был мне полноместно необходим. Но игрушки, те, что они положили ко мне в комнату, не были мне нужны, и я ими почти не пользовался.

— Игрушки…

— Зан, зан, зан. Далекно тайничный… но слова ведь меняются. Даже для гения этот способ очень

мучительный. Я не то, что они думают. Рэнил-Менс понимал. Рэнил-Менс — это робот. Все наши врачи — роботы, обученные в совершенстве выполнять свои обязанности. Но вначале было тяжело. Лечение… зан, зан, зан, дантро. Нужен сильный мозг, чтобы выдержать лечение, которое Рэнил-Менс применял ко мне каждую неделю. Даже для меня, гения, это было… зан, зан, зан, и они, быть может, хватили через край, вихревым способом навсегда изгоняя из меня побочные сигналы…

— Что же это было? — спросил Макферсон. — Что это было, чёрт вас побери?

— Нет, — внезапно повалившись на ковёр и закрыв лицо руками, проговорил Хэлисон. — Финтакольцевое и… нет, нет…

Макферсон подался вперёд; он весь покрылся потом; рюмка выскользнула у него из пальцев.

— Что?!

Хэлисон поднял на него блестящие невидящие глаза.

— Лечение шоком от безумия, — сказал он. — Новое, ужасное, долгое, долгое, бесконечно долгое лечение, которое Рэнил-Менс применял ко мне раз в неделю, но теперь я не против этого лечения, и оно мне нравится, и Рэнил-Менс будет

применять его к Греггу вместо меня, зан, зан, зан, и вихревым способом…

Всё теперь встало на своё место. Мягкая мебель, отсутствие дверей, окна, которые не открывались, игрушки.

Палата в больнице для умалишённых.

Чтобы помочь им и вылечить их.

Шокотерапия.

Хэлисон встал и пошёл к открытой двери.

— Хэлисон! — позвал он.

Его шаги замерли в передней. Тихонько доносился его голос:

— Хэлисон в прошлом. Зан, зан, зан, а я должен найти Хэлисона, чтобы Хэлисон снова стал цельным. Хэлисон, зан, зан, зан…

В окна заглянули первые лучи солнца. Наступало утро четверга.

Механическое эго

The Ego Machine

Рассказ, 1951 год

И. Г. Гурова

Никлас Мартин посмотрел через стол на робота.

— Я не стану спрашивать, что вам здесь нужно, — сказал он придушенным голосом. — Я понял. Идите и передайте Сен-Сиру, что я согласен. Скажите ему, что я в восторге оттого, что в фильме будет робот. Всё остальное у нас уже есть. Но совершенно ясно, что камерная пьеса о сочельнике в селении рыбаков-португальцев на побережье Флориды никак не может обойтись без робота. Однако почему один, а не шесть? Скажите ему, что меньше чем на дюжину роботов я не согласен. А теперь убирайтесь.

— Вашу мать звали Елена Глинская? — спросил робот, пропуская тираду Мартина мимо ушей.

— Нет, — отрезал тот.

— А! Ну так значит, она была Большая Волосатая, — пробормотал робот.

Мартин снял ноги с письменного стола и мед-

ленно расправил плечи.

— Не волнуйтесь, — поспешно сказал робот. — Вас избрали для экологического эксперимента, только и всего. Это совсем не больно. Там, откуда я явился, роботы представляют собой одну из законных форм жизни, и вам незачем…

— Заткнитесь! — потребовал Мартин. — Тоже мне робот! Статист несчастный! На этот раз Сен-Сир зашёл слишком далеко. — Он затрясся всем телом под влиянием какой-то сильной, но подавленной эмоции. Затем его взгляд упал на внутренний телефон, и, нажав на кнопку, он потребовал: — Дайте мисс Эшби! Немедленно!

— Мне очень неприятно, — виноватым тоном сказал робот. — Может быть, я ошибся? Пороговые колебания нейронов всегда нарушают мою мнемоническую норму, когда я темперирую. Ваша жизнь вступила в критическую фазу, не так ли?

Мартин тяжело задышал, и робот усмотрел в этом доказательство своей правоты.

— Вот именно, — объявил он. — Экологический дисбаланс приближается к пределу, смертельному для данной жизненной формы, если только… гм-гм… Либо на вас вот-вот наступит мамонт, вам на лицо наденут железную маску, вас при-

режут илоты, либо… Погодите-ка, я говорю на санскрите? — Он покачал сверкающей головой. — Наверное, мне следовало сойти пятьдесят лет назад, но мне показалось… Прошу извинения, всего хорошего, — поспешно добавил он, когда Мартин устремил на него яростный взгляд.

Робот приложил пальцы к своему, естественно, неподвижному рту и развёл их от уголков в горизонтальном направлении, словно рисуя виноватую улыбку.

— Нет, вы не уйдёте! — заявил Мартин. — Стойте где стоите, чтобы у меня злость не остыла! И почему только я не могу осатанеть как следует и надолго? — закончил он жалобно, глядя на телефон.

— А вы уверены, что вашу мать звали не Елена Глинская? — спросил робот, приложив большой и указательный палец к номинальной переносице, отчего Мартину вдруг показалось, что его посетитель озабоченно нахмурился.

— Конечно уверен, — рявкнул он.

— Так, значит, вы ещё не женились? На Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

— Не женился и не женюсь! — отрезал Мартин и схватил трубку звонившего телефона.

— Это я, Ник! — раздался спокойный голос Эри-

ки Эшби. — Что-нибудь случилось?

Мгновенно пламя ярости в глазах Мартина угасло и сменилось розовой нежностью. Последние несколько лет он отдавал Эрике, весьма энергичному литературному агенту, десять процентов своих гонораров. Кроме того, он изнывал от безнадёжного желания отдать ей примерно фунт своего мяса — сердечную мышцу, если воспользоваться холодным научным термином. Но Мартин не воспользовался этим термином и никаким другим, ибо при любой попытке сделать Эрике предложение им овладевала неизбывная робость и он начинал лепетать что-то про зелёные луга.

— Так в чём дело? Что-нибудь случилось? — повторила Эрика.

— Да, — произнёс Мартин, глубоко вздохнув. — Может Сен-Сир заставить меня жениться на какой-то Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

— Ах, какая у вас замечательная память! — печально вставил робот. — И у меня была такая же, пока я не начал темперировать. Но даже радиоактивные нейроны не выдержат…

— Формально ты ещё сохраняешь право на жизнь, свободу и так далее, — ответила Эрика. — Но сейчас я очень занята, Ник. Может быть, поговорим об этом, когда я приду?

— А когда?

— Разве тебе не передали, что я звонила? — вспылила Эрика.

— Конечно нет! — сердито крикнул Мартин. — Я уже давно подозреваю, что дозвониться ко мне можно только с разрешения Сен-Сира. Вдруг кто-нибудь тайком пошлёт в мою темницу слово одобрения или даже напильник? — Его голос повеселел. — Думаешь устроить мне побег?

— Это возмутительно! — объявила Эрика. — В один прекрасный день Сен-Сир перегнёт палку…

— Не перегнёт, пока он может рассчитывать на Диди, — угрюмо сказал Мартин.

Кинокомпания «Вершина» скорее поставила бы фильм, пропагандирующий атеизм, чем рискнула бы обидеть свою несравненную кассовую звезду Диди Флеминг. Даже Толливер Уотт, единоличный владелец «Вершины», не спал по ночам, потому что Сен-Сир не разрешал прелестной Диди подписать долгосрочный контракт.

— Тем не менее Уотт совсем не глуп, — сказала Эрика. — Я по-прежнему убеждена, что он согласится расторгнуть контракт, если только мы докажем ему, какое ты убыточное помещение капитала. Но времени у нас почти нет.

— Почему?

— Я же сказала тебе… Ах да! Конечно, ты не знаешь. Он завтра вечером уезжает в Париж.

Мартин испустил глухой стон.

— Значит, мне нет спасения, — сказал он. — На следующей неделе мой контракт будет автоматически продлён, и я уже никогда не вздохну свободно. Эрика, сделай что-нибудь!

— Попробую, — ответила Эрика. — Об этом я и хочу с тобой поговорить… А! — вскрикнула она внезапно. — Теперь мне ясно, почему Сен-Сир не разрешил передать тебе, что я звонила. Он боится. Знаешь, Ник, что нам следует сделать?

— Пойти к Уотту, — уныло подсказал Ник. — Но, Эрика…

— Пойти к Уотту, когда он будет один, — подчеркнула Эрика.

— Сен-Сир этого не допустит.

— Именно. Конечно, Сен-Сир не хочет, чтобы мы поговорили с Уоттом с глазу на глаз, — а вдруг мы его убедим? Но всё-таки мы должны как-нибудь это устроить. Один из нас будет говорить с Уоттом, а другой — отгонять Сен-Сира. Что ты предпочтёшь?

— Ни то и ни другое, — тотчас ответил Мартин.

— О Ник! Одной мне это не по силам. Можно

подумать, что ты боишься Сен-Сира!

— И боюсь!

— Глупости. Ну что он может тебе сделать?

— Он меня терроризирует. Непрерывно. Эрика, он говорит, что я прекрасно поддаюсь обработке. У тебя от этого кровь в жилах не стынет? Посмотри на всех писателей, которых он обработал!

— Я знаю. Неделю назад я видела одного из них на Мэйн-стрит — он рылся в помойке. И ты тоже хочешь так кончить? Отстаивай же свои права!

— А! — сказал робот, радостно кивнув. — Так я и думал. Критическая фраза.

— Заткнись! — приказал Мартин. — Нет, Эрика, это я не тебе! Мне очень жаль.

— И мне тоже, — ядовито ответила Эрика. — На секунду я поверила, что у тебя появился характер.

— Будь я, например, Хемингуэем… — страдальческим голосом начал Мартин.

— Вы сказали, Хемингуэй? — спросил робот. — Значит, это эра Кинси — Хемингуэя? В таком случае я не ошибся. Вы — Никлас Мартин, мой следующий объект. Мартин… Мартин? Дайте подумать… Ах да! Тип Дизраэли. — Он со скрежетом потёр лоб. — Бедные мои нейронные пороги! Теперь я вспомнил.

— Ник, ты меня слышишь? — осведомился в трубке голос Эрики. — Я сейчас же еду в студию. Соберись с силами. Мы затравим Сен-Сира в его берлоге и убедим Уотта, что из тебя никогда не выйдет приличного сценариста. Теперь…

— Но Сен-Сир ни за что не согласится, — перебил Мартин. — Он не признаёт слова «неудача». Он постоянно твердит это. Он сделает из меня сценариста или убьёт меня.

— Помнишь, что случилось с Эдом Кассиди? — мрачно напомнила Эрика. — Сен-Сир не сделал из него сценариста.

— Верно, бедный Эд! — вздрогнув, сказал Мартин.

— Ну хорошо, я еду. Что-нибудь ещё?

— Да! — вскричал Мартин, набрав воздуха в лёгкие. — Да! Я безумно люблю тебя!

Но слова эти остались у него в гортани. Несколько раз беззвучно открыв и закрыв рот, трусливый драматург стиснул зубы и предпринял новую попытку. Жалкий писк заколебал телефонную мембрану. Мартин уныло поник. Нет, никогда у него не хватит духу сделать предложение — даже маленькому безобидному телефонному аппарату.

— Ты что-то сказал? — спросила Эрика. — Ну,

пока.

— Погоди! — крикнул Мартин, случайно взглянув на робота. Немота овладевала им только в определённых случаях, и теперь он поспешно продолжал: — Я забыл тебе сказать, Уотт и паршивец Сен-Сир только что наняли поддельного робота для «Анджелины Ноэл»!

Но трубка молчала.

— Я не поддельный, — сказал робот обиженно.

Мартин съёжился в кресле и устремил на своего гостя безнадёжный взгляд.

— Кинг-Конг тоже был неподдельный, — заметил он. — И не морочьте мне голову историями, которые продиктовал вам Сен-Сир. Я знаю, он старается меня деморализовать. И возможно, добьётся своего. Только посмотрите, что он уже сделал из моей пьесы! Ну к чему там Фред Уоринг? На своём месте и Фред Уоринг хорош, я не спорю. Даже очень хорош. Но не в «Анджелине Ноэл». Не в роли португальского шкипера рыбачьего судна! Вместо команды — его оркестр, а Дэн Дейли поёт «Неаполь» Диди Флеминг, одетой в русалочий хвост…

Ошеломив себя этим перечнем, Мартин положил локти на стол, спрятал лицо в ладонях и, к своему ужасу, заметил, что начинает хихикать.

Зазвонил телефон. Мартин, не меняя позы, нащупал трубку.

— Кто говорит? — спросил он дрожащим голосом. — Кто? Сен-Сир…

По проводу пронёсся хриплый рык. Мартин выпрямился как ужаленный и стиснул трубку обеими руками.

— Послушайте! — крикнул он. — Дайте мне хоть раз договорить. Робот в «Анджелине Ноэл» — это уж просто…

— Я не слышу, что вы бормочете, — ревел густой бас. — Дрянь мыслишка. Что бы вы там ни предлагали. Немедленно в первый зал для просмотра вчерашних кусков. Сейчас же!

— Погодите…

Сен-Сир рыкнул, и телефон умолк. На миг руки Мартина сжали трубку, как горло врага. Что толку! Его собственное горло сжимала удавка, и Сен-Сир вот уже четвёртый месяц затягивал её всё туже. Четвёртый месяц… а не четвёртый год? Вспоминая прошлое, Мартин едва мог поверить, что ещё совсем недавно он был свободным человеком, известным драматургом, автором пьесы «Анджелина Ноэл», гвоздя сезона. А потом явился Сен-Сир…

Режиссёр в глубине души был снобом и любил

накладывать лапу на гвозди сезона и на известных писателей. Кинокомпания «Вершина», рычал он на Мартина, ни на йоту не отклонится от пьесы и оставит за Мартином право окончательного одобрения сценария при условии, что он подпишет контракт на три месяца в качестве соавтора сценария. Условия были настолько хороши, что казались сказкой, и справедливо.

Мартина погубил отчасти мелкий шрифт, а отчасти грипп, из-за которого Эрика Эшби как раз в это время попала в больницу. Под слоями юридического пустословия прятался пункт, обрекавший Мартина на пятилетнюю рабскую зависимость от кинокомпании «Вершина», буде таковая компания сочтёт нужным продлить его контракт. И на следующей неделе, если справедливость не восторжествует, контракт будет продлён — это Мартин знал твёрдо.

— Я бы выпил чего-нибудь, — устало сказал Мартин и посмотрел на робота. — Будьте добры, подайте мне вон ту бутылку виски.

— Но я тут для того, чтобы провести эксперимент по оптимальной экологии, — возразил робот.

Мартин закрыл глаза и сказал умоляюще:

— Налейте мне виски, пожалуйста. А потом

дайте рюмку прямо мне в руки, ладно? Это ведь не трудно. В конце концов, мы с вами всё-таки люди.

— Да нет, — ответил робот, всовывая полный бокал в шарящие пальцы драматурга. Мартин отпил. Потом открыл глаза и удивлённо уставился на большой бокал для коктейлей — робот до краёв налил его чистым виски. Мартин недоумённо взглянул на своего металлического собеседника.

— Вы, наверное, пьёте как губка, — сказал он задумчиво. — Надо полагать, это укрепляет невосприимчивость к алкоголю. Валяйте, угощайтесь. Допивайте бутылку.

Робот прижал пальцы ко лбу над глазами и провёл две вертикальные черты, словно вопросительно поднял брови.

— Валяйте, — настаивал Мартин. — Или вам совесть не позволяет пить моё виски?

— Как же я могу пить? — спросил робот. — Ведь я робот. — В его голосе появилась тоскливая нотка. — А что при этом происходит? — поинтересовался он. — Смазка или заправка горючим?

Мартин поглядел на свой бокал.

— Заправка горючим, — сказал он сухо. — Высокооктановым. Вы так вошли в роль? Ну бросьте…

— А, принцип раздражения! — перебил ро-

бот. — Понимаю. Идея та же, что при ферментации мамонтового молока.

Мартин поперхнулся.

— А вы когда-нибудь пили ферментированное мамонтовое молоко? — осведомился он.

— Как же я могу пить? — повторил робот. — Но я видел, как его пили другие. — Он провёл вертикальную чёрту между своими невидимыми бровями, что придало ему грустный вид. — Разумеется, мой мир совершенно функционален и функционально совершенен, и тем не менее темпорирование — весьма увлекательное… — Он оборвал фразу. — Но я зря трачу пространство-время. Так вот, мистер Мартин, не согласитесь ли вы…

— Ну выпейте же, — сказал Мартин. — У меня припадок радушия. Давайте дёрнем по рюмочке. Ведь я вижу так мало радостей. А сейчас меня будут терроризировать. Если вам нельзя снять маску, я пошлю за соломинкой. Вы ведь можете на один глоток выйти из роли?

— Я был бы рад попробовать, — задумчиво сказал робот. — С тех пор как я увидел действие ферментированного мамонтового молока, мне захотелось и самому попробовать. Людям это, конечно, просто, но и технически это тоже

нетрудно, я теперь понял. Раздражение увеличивает частоту каппа-волн мозга, как при резком скачке напряжения, но поскольку электрического напряжения не существовало в дороботовую эпоху…

— А оно существовало, — заметил Мартин, делая новый глоток. — То есть я хочу сказать — существует. А это что, по-вашему, мамонт? — Он указал на настольную лампу.

Робот разинул рот.

— Это? — переспросил он в полном изумлении. — Но в таком случае… в таком случае все телефоны, динамо и лампы, которые я заметил в этой эре, приводятся в действие электричеством!

— А что же, по-вашему, может приводить их в действие? — холодно спросил Мартин.

— Рабы, — ответил робот, внимательно осматривая лампу. Он включил свет, помигал им, а затем вывернул лампочку. — Напряжение, вы сказали?

— Не валяйте дурака, — посоветовал Мартин. — Вы переигрываете. Мне пора идти. Так будете вы пить или нет?

— Ну что ж, — сказал робот, — не хочу расстраивать компании. Это должно сработать.

И он сунул палец в пустой патрон. Раздался

короткий треск, брызнули искры. Робот вытащил палец.

— F(t)… — сказал он и слегка покачнулся. Затем его пальцы взметнулись к лицу и начертили улыбку, которая выражала приятное удивление.

— Fff(t)! — сказал он и продолжал сипло: — F(t) интеграл от плюс до минус бесконечности… А, делённое на n в степени e.

Мартин в ужасе вытаращил глаза. Он не знал, нужен ли здесь терапевт или психиатр, но не сомневался, что вызвать врача необходимо, и чем скорее, тем лучше. А может быть, и полицию. Статист в костюме робота был явно сумасшедшим. Мартин застыл в нерешительности, ожидая, что его безумный гость вот-вот упадёт мёртвым или вцепится ему в горло.

Робот с лёгким позвякиванием причмокнул губами.

— Какая прелесть! — сказал он. — И даже переменный ток!

— В-в-вы не умерли? — дрожащим голосом осведомился Мартин.

— Я даже не жил, — пробормотал робот. — В том смысле, как вы это понимаете. И спасибо за рюмочку.

Мартин глядел на робота, поражённый дикой

догадкой.

— Так, значит, — задохнулся он, — значит… вы — робот?!

— Конечно, я робот, — ответил его гость. — Какое медленное мышление у вас, дороботов. Моё мышление сейчас работает со скоростью света. — Он оглядел настольную лампу с алкоголическим вожделением. — F(t)… То есть, если бы вы сейчас подсчитали каппа-волны моего радиоатомного мозга, вы поразились бы, как увеличилась частота. — Он помолчал. — F(t), — добавил он задумчиво.

Двигаясь медленно, как человек под водой, Мартин поднял бокал и глотнул виски. Затем опасливо взглянул на робота.

— F(t)… — сказал он, умолк, вздрогнул и сделал большой глоток. — Я пьян, — продолжал он с судорожным облегчением. — Вот в чём дело. Ведь я чуть было не поверил…

— Ну, сначала никто не верит, что я робот, — объявил робот. — Заметьте, я ведь появился на территории киностудии, где никому не кажусь подозрительным. Ивану Васильевичу я являюсь в лаборатории алхимика, и он сделает вывод, что я механический человек. Что, впрочем, и верно. Далее в моём списке значится уйгур; ему я являюсь

в юрте шамана, и он решит, что я дьявол. Вопрос экологической логики — и только.

— Так, значит, вы — дьявол? — спросил Мартин, цепляясь за единственное правдоподобное объяснение.

— Да нет же, нет! Я робот! Как вы не понимаете?

— А я теперь даже не знаю, кто я такой, — сказал Мартин. — Может, я вовсе фавн, а вы — дитя человеческое! По-моему, от этого виски мне стало только хуже и…

— Вас зовут Никлас Мартин, — терпеливо объяснил робот. — А меня ЭНИАК.

— Эньяк?

— ЭНИАК, — поправил робот, подчёркивая голосом, что все буквы заглавные. — ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

С этими словами он снял с металлического плеча сумку и принялся вытаскивать из неё бесконечную красную ленту, по виду шёлковую, но отливающую странным металлическим блеском. Когда примерно четверть мили ленты легло на пол, из сумки появился прозрачный хоккейный шлем. По бокам шлема блестели два красно-зелёных камня.

— Как вы видите, они ложатся прямо на тем-

поральные доли, — сообщил робот, указывая на камни. — Вы наденете его на голову вот так...

— Нет, не надену, — сказал Мартин, проворно отдёргивая голову, — и вы мне его не наденете, друг мой. Мне не нравится эта штука. И особенно эти две красные стекляшки. Они похожи на глаза.

— Это искусственный эклогит, — успокоил его робот. — Просто у них высокая диэлектрическая постоянная. Нужно только изменить нормальные пороги нейронных контуров памяти — и всё. Мышление базируется на памяти, как вам известно. Сила ваших ассоциаций, то есть эмоциональные индексы ваших воспоминаний, определяет ваши поступки и решения. А экологизер просто воздействует на электрическое напряжение вашего мозга так, что пороги изменяются.

— Только и всего? — подозрительно спросил Мартин.

— Ну-у... — уклончиво сказал робот. — Я не хотел об этом упоминать, но раз вы спрашиваете... Экологизер, кроме того, накладывает на ваш мозг типологическую матрицу. Но поскольку эта матрица взята с прототипа вашего характера, она просто позволяет вам наиболее полно ис-

пользовать свои потенциальные способности, как наследственные, так и приобретённые. Она заставит вас реагировать на вашу среду именно таким образом, какой обеспечит вам максимум шансов выжить.

— Мне он не обеспечит, — сказал Мартин твёрдо, — потому что на мою голову вы эту штуку не наденете.

Робот начертил растерянно поднятые брови.

— А, — начал он после паузы, — я же вам ничего не объяснил! Всё очень просто. Разве вы не хотите принять участие в весьма ценном социально-культурном эксперименте, поставленном ради блага всего человечества?

— Нет! — объявил Мартин.

— Но ведь вы даже не знаете, о чём речь, — жалобно сказал робот. — После моих подробных объяснений мне ещё никто не отказывал. Кстати, вы хорошо меня понимаете?

Мартин засмеялся замогильным смехом.

— Как бы не так! — буркнул он.

— Прекрасно, — с облегчением сказал робот. — Меня всегда может подвести память. Перед тем как я начинаю темпорирование, мне приходится программировать столько языков! Санскрит очень прост, но русский язык эпохи

Средневековья весьма сложен, а уйгурский… Этот эксперимент должен способствовать установлению наиболее выгодной взаимосвязи между человеком и его средой. Наша цель — мгновенная адаптация, и мы надеемся достичь её, сведя до минимума поправочный коэффициент между индивидом и средой. Другими словами, нужная реакция в нужный момент. Понятно?

— Нет, конечно! — сказал Мартин. — Это какой-то бред.

— Существует, — продолжал робот устало, — очень ограниченное число матриц-характеров, зависящих, во-первых, от расположения генов внутри хромосом, а во-вторых, от воздействия среды; поскольку элементы среды имеют тенденцию повторяться, то мы можем легко проследить основную организующую линию по временно́й шкале Кальдекуза. Вам не трудно следовать за ходом моей мысли?

— По временной шкале Кальдекуза — нет, не трудно, — сказал Мартин.

— Я всегда объясняю чрезвычайно понятно, — с некоторым самодовольством заметил робот и взмахнул кольцом красной ленты.

— Уберите от меня эту штуку! — раздражённо вскрикнул Мартин. — Я, конечно, пьян, но не

настолько, чтобы совать голову неизвестно куда!

— Сунете, — сказал робот твёрдо. — Мне ещё никто не отказывал. И не спорьте со мной, а то вы меня собьёте и мне придётся принять ещё одну рюмочку напряжения. И тогда я совсем собьюсь. Когда я темпорирую, мне и так хватает хлопот с памятью. Путешествие во времени всегда создаёт синаптический порог задержки, но беда в том, что он очень варьируется. Вот почему я сперва спутал вас с Иваном. Но к нему я должен отправиться только после свидания с вами — я веду опыт хронологически, а тысяча девятьсот пятьдесят второй год идёт, разумеется, перед тысяча пятьсот семидесятым.

— А вот и не идёт, — сказал Мартин, поднося бокал к губам. — Даже в Голливуде тысяча девятьсот пятьдесят второй год не наступает перед тысяча пятьсот семидесятым.

— Я пользуюсь временной шкалой Кальдекуза, — объяснил робот. — Но только для удобства. Ну как, нужен вам идеальный экологический коэффициент или нет? Потому что… — Тут он снова взмахнул красной лентой, заглянул в шлем, пристально посмотрел на Мартина и покачал головой. — Простите, боюсь, что из этого ничего не выйдет. У вас слишком маленькая голова.

Вероятно, мозг невелик. Этот шлем рассчитан на размер восемь с половиной, но ваша голова слишком…

— Восемь с половиной — мой размер, — с достоинством возразил Мартин.

— Не может быть, — лукаво заспорил робот. — В этом случае шлем был бы вам впору, а он вам велик.

— Он мне впору, — сказал Мартин.

— До чего же трудно разговаривать с дороботами, — заметил ЭНИАК, словно про себя. — Неразвитость, грубость, нелогичность. Стоит ли удивляться, что у них такие маленькие головы? Послушайте, мистер Мартин, — он словно обращался к глупому и упрямому ребёнку, — попробуйте понять: размер этого шлема восемь с половиной; ваша голова, к несчастью, настолько мала, что шлем вам не впору…

— Чёрт побери! — в бешенстве крикнул Мартин, из-за досады и виски забывая об осторожности. — Он мне впору! Вот, смотрите! — Он схватил шлем и нахлобучил его на голову. — Сидит как влитой.

— Я ошибся, — признался робот, и его глаза так блеснули, что Мартин вдруг спохватился, поспешно сдёрнул шлем с головы и бросил его на

стол. ЭНИАК неторопливо взял шлем, положил в сумку и принялся быстро свёртывать ленту. Под недоумевающим взглядом Мартина он кончил укладывать ленту, застегнул сумку, вскинул её на плечо и повернулся к двери.

— Всего хорошего, — сказал робот, — и позвольте вас поблагодарить.

— За что? — свирепо спросил Мартин.

— За ваше любезное сотрудничество, — сказал робот.

— Я не собираюсь с вами сотрудничать! — отрезал Мартин. — И не пытайтесь меня убедить. Можете оставить свой патентованный курс лечения при себе, а меня...

— Но ведь вы уже прошли курс экологической обработки, — невозмутимо ответил ЭНИАК. — Я вернусь вечером, чтобы возобновить заряд. Его хватает только на двенадцать часов.

— Что?!

ЭНИАК провёл указательными пальцами от уголков рта, вычерчивая вежливую улыбку. Затем он вышел и закрыл за собой дверь.

Мартин хрипло пискнул, словно зарезанная свинья с кляпом во рту.

У него в голове что-то происходило.

Никлас Мартин чувствовал себя как человек,

которого внезапно сунули под ледяной душ. Нет, не под ледяной — под горячий. И к тому же ароматичный. Ветер, бивший в открытое окно, нёс с собой душную вонь — бензина, полыни, масляной краски и (из буфета в соседнем корпусе) бутербродов с ветчиной.

«Пьян, — думал Мартин с отчаянием, — я пьян или сошёл с ума!»

Он вскочил и заметался по комнате, но тут же увидел щель в паркете и пошёл по ней.

«Если я смогу пройти по прямой, — рассуждал он, — значит я не пьян… Я просто сошёл с ума».

Мысль эта была не слишком утешительна.

Он прекрасно прошёл по щели. Он мог даже идти гораздо прямее щели, которая, как он теперь убедился, была чуть-чуть извилистой. Никогда ещё он не двигался с такой уверенностью и лёгкостью. В результате своего опыта он оказался в другом углу комнаты перед зеркалом, и когда он выпрямился, чтобы посмотреть на себя, хаос и смятение куда-то улетучились. Бешеная острота ощущений сгладилась и притупилась.

Всё было спокойно. Всё было нормально.

Мартин посмотрел в глаза своему отражению.

Нет, всё не было нормально.

Он был трезв как стёклышко. Точно он пил не

виски, а родниковую воду. Мартин наклонился к самому стеклу, пытаясь сквозь глаза заглянуть в глубины собственного мозга. Ибо там происходило нечто поразительное. По всей поверхности его мозга начали двигаться крошечные заслонки: одни закрывались почти совсем, оставляя лишь крохотную щель, в которую выглядывали глаза-бусинки нейронов, другие с лёгким треском открывались, и быстрые паучки — другие нейроны — бросались наутёк, ища, где бы спрятаться.

Изменение порогов, положительной и отрицательной реакции конусов памяти, их ключевых эмоциональных индексов и ассоциаций… Ага!

— Робот!

Голова Мартина повернулась к закрытой двери. Но он остался стоять на месте. Выражение слепого ужаса на его лице начало медленно и незаметно для него меняться. Робот… может и подождать.

Машинально Мартин поднял руку, словно поправляя невидимый монокль. Позади зазвонил телефон. Мартин оглянулся.

Его губы искривились в презрительную улыбку.

Изящным движением смахнув пылинку с лацкана пиджака, Мартин взял трубку, но ничего

не сказал. Наступило долгое молчание. Затем хриплый голос взревел:

— Алло, алло, алло! Вы слушаете? Я с вами говорю, Мартин!

Мартин невозмутимо молчал.

— Вы заставляете меня ждать! — рычал голос. — Меня, Сен-Сира! Немедленно быть в зале! Просмотр начинается… Мартин, вы меня слышите?

Мартин осторожно положил трубку на стол. Он повернулся к зеркалу, окинул себя критическим взглядом и нахмурился.

— Бледно, — пробормотал он. — Без сомнения, бледно. Не понимаю, зачем я купил этот галстук?

Его внимание отвлекла бормочущая трубка. Он поглядел на неё, а потом громко хлопнул в ладоши у самого телефона. Из трубки донёсся агонизирующий вопль.

— Прекрасно, — пробормотал Мартин, отворачиваясь. — Этот робот оказал мне большую услугу. Мне следовало бы понять это раньше. В конце концов, такая супермашина, как ЭНИАК, должна быть гораздо умнее человека, который всего лишь простая машина. Да, — прибавил он, выходя в холл и сталкиваясь с Тони Ла-Мотта, которая снималась в одном из фильмов

«Вершины». — Мужчина — это машина, а женщина… — Тут он бросил на мисс Ла-Мотта такой многозначительный и высокомерный взгляд, что она даже вздрогнула. — А женщина — игрушка, — докончил Мартин и направился к первому просмотровому залу, где его ждали Сен-Сир и судьба.

Киностудия «Вершина» на каждый эпизод тратила в десять раз больше плёнки, чем он занимал в фильме, побив таким образом рекорд «Метро-Голдвин-Мейер». Перед началом каждого съёмочного дня эти груды целлулоидных лент просматривались в личном просмотровом зале Сен-Сира — небольшой роскошной комнате с откидными креслами и всевозможными другими удобствами. На первый взгляд там вовсе не было экрана. Если второй взгляд вы бросали на потолок, то обнаруживали экран там.

Когда Мартин вошёл, ему стало ясно, что с экологией что-то не так. Исходя из теории, будто в дверях появился прежний Никлас Мартин, просмотровый зал, купавшийся в дорогостоящей атмосфере изысканной самоуверенности, оказал ему ледяной приём. Ворс персидского ковра брезгливо съёживался под его святотатственными подошвами. Кресло, на которое он наткнулся

в густом мраке, казалось, презрительно пожало спинкой. А три человека, сидевшие в зале, бросили на него взгляд, каким был бы испепелён орангутанг, если бы он по нелепой случайности удостоился приглашения в Букингемский дворец.

Диди Флеминг (её настоящую фамилию запомнить было невозможно, не говоря уж о том, что в ней не было ни единой гласной) безмятежно возлежала в своём кресле, уютно задрав ножки, сложив прелестные руки и устремив взгляд больших томных глаз на потолок, где Диди Флеминг в серебряных чешуйках цветной кинорусалки флегматично плавала в волнах жемчужного тумана.

Мартин в полутьме искал на ощупь свободное кресло. В его мозгу происходили странные вещи: крохотные заслонки продолжали открываться и закрываться, и он уже не чувствовал себя Никласом Мартином. Кем же он чувствовал себя в таком случае?

Он на мгновение вспомнил нейроны, чьи глаза-бусинки, чудилось ему, выглядывали из его собственных глаз и заглядывали в них. Но было ли это на самом деле? Каким бы ярким ни казалось воспоминание, возможно, это была

только иллюзия. Напрашивающийся ответ был изумительно прост и ужасно логичен. ЭНИАК Гамма Девяносто Третий объяснил ему, — правда, несколько смутно, — в чём заключался его экологический эксперимент. Мартин просто получил оптимальную рефлекторную схему своего удачливого прототипа, человека, который наиболее полно подчинил себе свою среду. И ЭНИАК назвал ему имя человека, правда, среди путаных ссылок на другие прототипы, вроде Ивана (какого?) и безымянного уйгура.

Прототипом Мартина был Дизраэли, граф Биконсфилд. Мартин живо вспомнил Джорджа Арлисса в этой роли. Умный, наглый, эксцентричный и в манере одеваться, и в манере держаться, пылкий, вкрадчивый, волевой, с плодовитым воображением…

— Нет, нет, нет, — сказала Диди с невозмутимым раздражением. — Осторожнее, Ник. Сядьте, пожалуйста, в другое кресло. На это я положила ноги.

— Т-т-т-т, — сказал Рауль Сен-Сир, выпячивая толстые губы и огромным пальцем указывая на скромный стул у стены. — Садитесь позади меня, Мартин. Да садитесь же, чтобы не мешать нам. И смотрите внимательно. Смотрите, как я творю

великое из вашей дурацкой пьески. Особенно заметьте, как замечательно я завершаю соло пятью нарастающими падениями в воду. Ритм — это всё, — закончил он. — А теперь — ни звука.

Для человека, родившегося в крохотной балканской стране Миксо-Лидии, Рауль Сен-Сир сделал в Голливуде поистине блистательную карьеру. В тысяча девятьсот тридцать девятом году Сен-Сир, напуганный приближением войны, эмигрировал в Америку, забрав с собой катушки снятого им миксолидийского фильма, название которого можно перевести примерно так: «Поры на крестьянском носу».

Благодаря этому фильму он заслужил репутацию великого кинорежиссёра, хотя на самом деле неподражаемые световые эффекты в «Порах» объяснялись бедностью, а актёры показали игру, неведомую в анналах киноистории, лишь потому, что были вдребезги пьяны. Однако критики сравнивали «Поры» с балетом и рьяно восхваляли красоту героини, ныне известной миру как Диди Флеминг.

Диди была столь невообразимо хороша, что по закону компенсации не могла не оказаться невообразимо глупой. И человек, рассуждавший так, не обманывался. Нейроны Диди не знали ничего.

Ей доводилось слышать об эмоциях, и свирепый Сен-Сир умел заставить её изобразить кое-какие из них, однако все другие режиссёры теряли рассудок, пытаясь преодолеть семантическую стену, за которой покоился разум Диди — тихое зеркальное озеро дюйма в три глубиной. Сен-Сир просто рычал на неё. Этот бесхитростный первобытный подход был, по-видимому, единственным, который понимала прославленная звезда «Вершины».

Сен-Сир, властелин прекрасной безмозглой Диди, быстро очутился в высших сферах Голливуда. Он, без сомнения, был талантлив и одну картину мог бы сделать превосходно. Но этот шедевр он отснял двадцать с лишним раз — постоянно с Диди в главной роли и постоянно совершенствуя свой феодальный метод режиссуры. А когда кто-нибудь пытался возражать, Сен-Сиру достаточно было пригрозить, что он перейдёт в «Метро-Голдвин-Мейер» и заберёт с собой покорную Диди (он не разрешал ей подписывать длительные контракты, и для каждой картины с ней заключался новый контракт). Даже Толливер Уотт склонял голову, когда Сен-Сир угрожал лишить «Вершину» Диди.

— Садитесь, Мартин, — сказал Толливер Уотт.

Это был высокий, худой человек с длинным лицом, похожий на лошадь, которая голодает, потому что из гордости не желает есть сено. С неколебимым сознанием своего всемогущества он на миллиметр наклонил припудренную сединой голову, а на его лице промелькнуло довольное выражение.

— Будьте добры, коктейль, — сказал он.

Неизвестно откуда возник официант в белой куртке и бесшумно скользнул к нему с подносом. Как раз в эту секунду последняя заслонка в мозгу Мартина встала на своё место, и, подчиняясь импульсу, он протянул руку и взял с подноса запотевший бокал. Официант, не заметив этого, скользнул дальше и, склонившись, подал Уотту сверкающий поднос, на котором ничего не было. Уотт и официант оба уставились на поднос.

Затем их взгляды встретились.

— Слабоват, — сказал Мартин, ставя бокал на поднос. — Принесите мне, пожалуйста, другой. Я переориентируюсь для новой фазы с оптимальным уровнем, — сообщил он ошеломлённому Уотту и, откинув кресло рядом с великим человеком, небрежно опустился в него. Как странно, что прежде на просмотрах он всегда бывал угнетён! Сейчас он чувствовал себя прекрасно. Непринуж-

дённо. Уверенно.

— Виски с содовой мистеру Мартину, — невозмутимо сказал Уотт. — И ещё один коктейль мне.

— Ну, ну, ну! Мы начинаем! — нетерпеливо крикнул Сен-Сир.

Он что-то сказал в микрофон, и тут же экран на потолке замерцал, зашелестел, и на нём замелькали отрывочные эпизоды — хор русалок, танцуя на хвостах, двигался по улицам рыбачьей деревушки во Флориде.

Чтобы постигнуть всю гнусность судьбы, уготованной Никласу Мартину, необходимо посмотреть хоть один фильм Сен-Сира. Мартину казалось, что мерзостнее этого на плёнку не снималось ничего и никогда. Он заметил, что Сен-Сир и Уотт недоумевающе поглядывают на него. В темноте он поднял указательные пальцы и начертил роботообразную усмешку. Затем, испытывая упоительную уверенность в себе, закурил сигарету и расхохотался.

— Вы смеётесь? — немедленно вспыхнул Сен-Сир. — Вы не цените великого искусства? Что вы о нём знаете, а? Вы что — гений?

— Это, — сказал Мартин снисходительно, — мерзейший фильм, когда-либо заснятый на

плёнку.

В наступившей мёртвой тишине Мартин изящным движением стряхнул пепел и добавил:

— С моей помощью вы ещё можете не стать посмешищем всего континента. Этот фильм до последнего метра должен быть выброшен в корзину. Завтра рано поутру мы начнём всё сначала и…

Уотт сказал негромко:

— Мы вполне способны сами сделать фильм из «Анджелины Ноэл», Мартин.

— Это художественно! — взревел Сен-Сир. — И принесёт большие деньги!

— Деньги? Чушь! — коварно заметил Мартин и щедрым жестом стряхнул новую колбаску пепла. — Кого интересуют деньги? О них пусть думает «Вершина».

Уотт наклонился и, щурясь в полумраке, внимательно посмотрел на Мартина.

— Рауль, — сказал он, оглянувшись на Сен-Сира, — насколько мне известно, вы приводите своих… э… новых сценаристов в форму. На мой взгляд, это не…

— Да, да, да, да! — возбуждённо крикнул Сен-Сир. — Я их привожу в форму! Горячечный припадок, а? Мартин, вы хорошо себя чувствуете?

Голова у вас в порядке?

Мартин усмехнулся спокойно и уверенно.

— Не тревожьтесь, — объявил он. — Деньги, которые вы на меня расходуете, я возвращаю вам с процентами в виде престижа. Я всё прекрасно понимаю. Наши конфиденциальные беседы, вероятно, известны Уотту.

— Какие ещё конфиденциальные беседы? — прогрохотал Сен-Сир и густо побагровел.

— Ведь мы ничего не скрываем от Уотта, не так ли? — не моргнув глазом, продолжал Мартин. — Вы наняли меня ради престижа, и престиж вам обеспечен, если только вы не станете зря разевать пасть. Благодаря мне имя Сен-Сира покроется славой. Конечно, это может сказаться на сборах, но подобная мелочь…

— Пджрзксгл! — возопил Сен-Сир на своём родном языке и, восстав из кресла, взмахнул микрофоном, зажатым в огромной волосатой лапе.

Мартин ловко изогнулся и вырвал у него микрофон.

— Остановите показ! — распорядился он властно.

Всё это было очень странно. Каким-то дальним уголком сознания он понимал, что при нормальных обстоятельствах никогда не посмел бы вести

себя так, но в то же время был твёрдо убеждён, что впервые его поведение стало по-настоящему нормальным. Он ощущал блаженный жар уверенности, что любой его поступок окажется правильным, во всяком случае, пока не истекут двенадцать часов действия матрицы.

Экран нерешительно замигал и погас.

— Зажгите свет! — приказал Мартин невидимому духу, скрытому за микрофоном.

Комнату внезапно залил мягкий свет, и по выражению на лицах Уотта и Сен-Сира Мартин понял, что оба они испытывают смутную и нарастающую тревогу.

Ведь он дал им немалую пищу для размышлений — и не только это. Он попробовал вообразить, какие мысли сейчас теснятся в их мозгу, пробираясь через лабиринт подозрений, которые он так искусно посеял.

Мысли Сен-Сира отгадывались без труда. Миксолидиец облизнул губы — что было нелёгкой задачей, — и его налитые кровью глаза обеспокоенно впились в Мартина. С чего это сценарист заговорил так уверенно? Что это значит? Какой тайный грех Сен-Сира он узнал, какую обнаружил ошибку в контракте, что осмеливается вести себя так нагло?

Толливер Уотт представлял проблему иного рода. Тайных грехов за ним, по-видимому, не водилось, но и он как будто встревожился. Мартин сверлил взглядом гордое лошадиное лицо, выискивая скрытую слабость. Да, справиться с Уоттом будет потруднее, но он сумеет сделать и это.

— Последний подводный эпизод, — сказал он, возвращаясь к прежней теме, — это невообразимая чепуха. Его надо вырезать. Сцену будем снимать из-под воды.

— Молчать! — взревел Сен-Сир.

— Но это единственный выход, — настаивал Мартин. — Иначе она окажется не в тон тому, что я написал теперь. Собственно говоря, я считаю, что весь фильм надо снимать из-под воды. Мы могли бы использовать приёмы документального кино.

— Рауль, — внезапно сказал Уотт. — К чему он клонит?

— Он клонит, конечно, к тому, чтобы порвать свой контракт, — ответил Сен-Сир, наливаясь оливковым румянцем. — Это скверный период, через который проходят все мои сценаристы, прежде чем я приведу их в форму. В Миксо-Лидии…

— А вы уверены, что сумели привести его в

форму? — спросил Уотт.

— Это для меня теперь уже личный вопрос, — ответил Сен-Сир, сверля Мартина яростным взглядом. — Я потратил на этого человека почти три месяца и не намерен расходовать моё драгоценное время на другого. Просто он хочет, чтобы с ним расторгли контракт. Штучки, штучки, штучки.

— Это верно? — холодно спросил Уотт у Мартина.

— Уже нет, — ответил Мартин, — я передумал. Мой агент полагает, что мне нечего делать в «Вершине». Собственно говоря, она считает, что это плачевный мезальянс. Но мы впервые расходимся с ней в мнениях. Я начинаю видеть кое-какие возможности даже в той дряни, которой Сен-Сир уже столько лет кормит публику. Разумеется, я не могу творить чудеса. Зрители привыкли ожидать от «Вершины» помоев, и их даже приучили любить эти помои. Но мы постепенно перевоспитаем их — и начнём с этой картины. Я полагаю, нам следует символизировать её экзистенциалистскую безнадёжность, завершив фильм четырьмястами метрами морского пейзажа — ничего, кроме огромных волнующихся протяжений океана, — докончил он со вкусом.

Огромное волнующееся протяжение Рауля Сен-Сира поднялось с кресла и надвинулось на Мартина.

— Вон! Вон! — закричал он. — Назад в свой кабинет, ничтожество! Это приказываю я, Рауль Сен-Сир. Вон! Иначе я раздеру тебя на клочки и…

Мартин быстро перебил режиссёра. Голос его был спокоен, но он знал, что времени терять нельзя.

— Видите, Уотт? — спросил драматург громко, перехватив недоумевающий взгляд Уотта. — Он не даёт мне сказать вам ни слова, наверное, боится, как бы я не проговорился. Понятно, почему он гонит меня отсюда, — он чувствует, что пахнет жареным.

Сен-Сир, вне себя, наклонился и занёс кулак. Но тут вмешался Уотт. Возможно, сценарист и правда пытается избавиться от контракта. Но за этим явно кроется и что-то другое. Слишком уж Мартин небрежен, слишком уверен в себе. Уотт решил разобраться во всём до конца.

— Тише, тише, Рауль, — сказал он категорическим тоном. — Успокойтесь! Я говорю вам — успокойтесь. Вряд ли нас устроит, если Ник подаст на вас в суд за оскорбление действием. Ваш артистический темперамент иногда заставляет

вас забываться. Успокойтесь, и послушаем, что скажет Ник.

— Держите с ним ухо востро, Толливер! — предостерегающе воскликнул Сен-Сир. — Они хитры, эти твари, хитры, как крысы. От них всего можно…

Мартин величественным жестом поднёс микрофон ко рту. Не обращая ни малейшего внимания на разъярённого режиссёра, он сказал властно:

— Соедините меня с баром, пожалуйста. Да… Я хочу заказать коктейль. Совершенно особый. А… э… «Елену Глинскую».

— Здравствуйте, — раздался в дверях голос Эрики Эшби. — Ник, ты здесь? Можно мне войти?

При звуке её голоса по спине Мартина забегали блаженные мурашки. С микрофоном в руке он повернулся к ней, но, прежде чем он успел ответить, Сен-Сир взревел:

— Нет, нет, нет! Убирайтесь! Немедленно убирайтесь! Кто бы вы там ни были — вон!

Эрика — деловитая, хорошенькая, неукротимая — решительно вошла в зал и бросила на Мартина взгляд, выражавший долготерпеливую покорность судьбе. Она, несомненно, готовилась сражаться за двоих.

— Я здесь по делу, — холодно заявила она Сен-Сиру. — Вы не имеете права не допускать к автору его агента. Мы с Ником хотим поговорить с мистером Уоттом.

— А, моя прелесть, садитесь! — произнёс Мартин громким, чётким голосом и встал с кресла. — Добро пожаловать! Я заказываю себе коктейль. Не хотите ли чего-нибудь?

Эрика взглянула на него с внезапным подозрением.

— Я не буду пить, — сказала она. — И ты не будешь. Сколько коктейлей ты уже выпил? Ник, если ты напился в такую минуту…

— И пожалуйста, поскорее, — холодно приказал Мартин в микрофон. — Он мне нужен немедленно, вы поняли? Да, коктейль «Елена Глинская». Может быть, он вам неизвестен? В таком случае слушайте внимательно: возьмите самый большой бокал, а впрочем, лучше даже пуншевую чашу… Наполните её до половины охлаждённым пивом. Поняли? Добавьте три мерки мятного ликёра…

— Ник, ты с ума сошёл! — с отвращением воскликнула Эрика.

— …и шесть мерок мёда, — безмятежно продолжал Мартин. — Размешайте, но не взбивайте.

«Елену Глинскую» ни в коем случае взбивать нельзя. Хорошенько охладите…

— Мисс Эшби, мы очень заняты, — внушительно перебил его Сен-Сир, указывая на дверь. — Не сейчас. Извините. Вы мешаете. Немедленно уйдите.

— Впрочем, добавьте ещё шесть мерок мёду, — задумчиво проговорил Мартин в микрофон. — И немедленно пришлите его сюда. Если он будет здесь через шестьдесят секунд, вы получите премию. Договорились? Прекрасно. Я жду.

Он небрежно бросил микрофон Сен-Сиру.

Тем временем Эрика подобралась к Толливеру Уотту:

— Я только что говорила с Глорией Иден. Она готова заключить с «Вершиной» контракт на один фильм, если я дам согласие. Но я дам согласие, если вы расторгнете контракт с Никласом Мартином. Это моё последнее слово.

На лице Уотта отразилось приятное удивление.

— Мы, пожалуй, могли бы поладить, — ответил он тотчас (Уотт был большим поклонником мисс Иден и давно мечтал поставить с ней «Ярмарку тщеславия»). — Почему вы не привезли её с собой? Мы могли бы…

— Ерунда! — завопил Сен-Сир. — Не обсуждайте этого, Толливер!

— Она в «Лагуне», — объяснила Эрика. — Замолчите же, Сен-Сир. Я не намерена…

Но тут кто-то почтительно постучал в дверь. Мартин поспешил открыть её и, как и ожидал, увидел официанта с подносом.

— Быстрая работа, — сказал он снисходительно, принимая большую запотевшую чашу, окружённую кубиками льда. — Прелесть, не правда ли?

Раздавшиеся позади гулкие вопли Сен-Сира заглушили возможный ответ официанта, который получил от Мартина доллар и удалился, явно борясь с тошнотой.

— Нет, нет, нет, нет! — рычал Сен-Сир. — Толливер, мы можем получить Глорию и сохранить этого сценариста; хотя он никуда не годится, но я уже потратил три месяца, чтобы выдрессировать его в сен-сировском стиле. Предоставьте это мне. В Миксо-Лидии мы…

Хорошенький ротик Эрики открывался и закрывался, но рёв режиссёра заглушал её голос. А в Голливуде было всем известно, что Сен-Сир может так реветь часами без передышки. Мартин вздохнул, поднял наполненную до краёв чашу, изящно её понюхал и попятился к своему креслу.

Когда его каблук коснулся полированной ножки, он грациозно споткнулся и с необыкновенной ловкостью опрокинул «Елену Глинскую» — пиво, мёд, мятный ликёр и лёд — на обширную грудь Сен-Сира.

Рык Сен-Сира сломал микрофон.

Мартин обдумал составные части новоявленного коктейля с большим тщанием. Тошнотворное пойло соединяло максимум элементов сырости, холода, липкости и вонючести.

Промокший Сен-Сир задрожал, как в ознобе, когда ледяной напиток обдал его ноги, и, выхватив платок, попробовал вытереться, но безуспешно. Носовой платок намертво прилип к брюкам, приклеенный к ним двенадцатью мерками мёда. От режиссёра разило мятой.

— Я предложил бы перейти в бар, — сказал Мартин, брезгливо сморщив нос. — Там, в отдельном кабинете, мы могли бы продолжить наш разговор вдали от этого… этого немножко слишком сильного благоухания мяты.

— В Миксо-Лидии, — задыхался Сен-Сир, надвигаясь на Мартина и хлюпая башмаками, — в Миксо-Лидии мы бросали собакам… мы варили в масле, мы…

— А в следующий раз, — сказал Мартин, — будь-

те так любезны не толкать меня под локоть, когда я держу в руках «Елену Глинскую». Право же, это весьма неприятно.

Сен-Сир набрал воздуха в грудь, Сен-Сир выпрямился во весь свой гигантский рост… и снова поник. Он выглядел как полицейский эпохи немого кино после завершения очередной погони — и знал это. Если бы он сейчас убил Мартина, даже в такой развязке всё равно отсутствовал бы элемент классической трагедии. Он оказался бы в невообразимом положении Гамлета, убивающего дядю кремовыми тортами.

— Ничего не делать, пока я не вернусь! — приказал он, бросил на Мартина последний свирепый взгляд и, оставляя за собой мокрые следы, захлюпал к двери. Она с треском закрылась за ним, и на миг наступила тишина, только с потолка лилась тихая музыка, так как Диди уже распорядилась продолжать показ и теперь любовалась собственной прелестной фигурой, которая нежилась в пастельных волнах, пока они с Дэном Дейли пели дуэт о матросах, русалках и Атлантиде — её далёкой родине.

— А теперь, — объявил Мартин, с величавым достоинством поворачиваясь к Уотту, который растерянно смотрел на него, — я хотел бы пого-

ворить с вами.

— Я не могу обсуждать вопросы, связанные с вашим контрактом, до возвращения Рауля, — быстро сказал Уотт.

— Чепуха, — сказал Мартин твёрдо. — С какой стати Сен-Сир будет диктовать вам ваши решения? Без вас он не сумел бы снять ни одного кассового фильма, как бы ни старался. Нет, Эрика, не вмешивайся. Я сам этим займусь, прелесть моя.

Уотт встал.

— Извините, но я не могу это обсуждать, — сказал он. — Фильмы Сен-Сира приносят большие деньги, а вы неопыт…

— Потому-то я и вижу положение так ясно, — возразил Мартин. — Ваша беда в том, что вы проводите границу между артистическим и финансовым гением. Вы даже не замечаете, насколько необыкновенно то, как вы претворяете пластический материал человеческого сознания, создавая Идеального Зрителя. Вы — экологический гений, Толливер Уотт. Истинный художник контролирует свою среду, а вы с неподражаемым искусством истинного мастера постепенно преображаете огромную массу живого дышащего человечества в единого Идеального Зрителя…

— Извините, — повторил Уотт, но уже не так резко. — У меня, право, нет времени… Э-э-э…

— Ваш гений слишком долго оставался непризнанным, — поспешно сказал Мартин, подпуская восхищения в свой золотой голос. — Вы считаете, что Сен-Сир вам равен, и в титрах стоит только его имя, а не ваше, но в глубине души должны же вы сознавать, что честь создания его картин наполовину принадлежит вам! Разве Фидия не интересовал коммерческий успех? А Микеланджело? Коммерческий успех — это просто другое название функционализма, а все великие художники создают функциональное искусство. Второстепенные детали на гениальных полотнах Рубенса дописывали его ученики. Однако хвалу за них получал Рубенс, а не его наёмники. Какой же из этого можно сделать вывод? Какой? — И тут Мартин, верно оценив психологию своего слушателя, умолк.

— Какой же? — спросил Уотт.

— Садитесь, — настойчиво сказал Мартин, — и я вам объясню. Фильмы Сен-Сира приносят доход, но именно вам они обязаны своей идеальной формой. Это вы, налагая матрицу своего характера на всё и вся в «Вершине»…

Уотт медленно опустился в кресло. В его ушах

властно гремели завораживающие взрывы дизраэлевского красноречия. Мартину удалось подцепить его на крючок. С непогрешимой меткостью он с первого же раза разгадал слабость Уотта: киномагнат вынужден был жить в среде профессиональных художников, и его томило смутное ощущение, что способность приумножать капиталы чем-то постыдна. Дизраэли приходилось решать задачи потруднее. Он подчинял своей воле парламенты.

Уотт заколебался, пошатнулся и пал. На это потребовалось всего десять минут. Через десять минут, опьянев от звонких похвал своим экономическим способностям, Уотт понял, что Сен-Сир — пусть и гений в своей области — не имеет права вмешиваться в планы экономического гения.

— С вашей широтой видения вы можете охватить все возможности и безошибочно выбрать правильный путь, — убедительно доказывал Мартин. — Прекрасно. Вам нужна Глория Иден. Вы чувствуете — не так ли? — что от меня толку не добиться. Лишь гении умеют мгновенно менять свои планы… Когда будет готов документ, аннулирующий мой контракт?

— Что? — спросил Уотт, плавая в блаженном го-

ловокружении. — А, да… Конечно. Аннулировать ваш контракт…

— Сен-Сир будет упорно цепляться за свои прошлые ошибки, пока «Вершина» не обанкротится, — указал Мартин. — Только гений, подобный Толливеру Уотту, куёт железо, пока оно горячо, когда ему представляется шанс обменять провал на успех, какого-то Мартина на единственную Иден.

— Гм, — сказал Уотт. — Да. Ну хорошо. — На его длинном лице появилось деловитое выражение. — Хорошо. Ваш контракт будет аннулирован после того, как мисс Иден подпишет контракт.

— И снова вы тонко проанализировали самую сущность дела, — рассуждал вслух Мартин. — Мисс Иден ещё ничего твёрдо не решила. Если вы предоставите убеждать её человеку вроде Сен-Сира, например, то всё будет испорчено. Эрика, твоя машина здесь? Как быстро сможешь ты отвезти Толливера Уотта в «Лагуну»? Он единственный человек, который сумеет найти правильное решение для данной ситуации.

— Какой ситуа… Ах, да! Конечно, Ник. Мы отправляемся немедленно.

— Но… — начал Уотт.

Матрица Дизраэли разразилась риторически-

ми периодами, от которых зазвенели стены. Златоуст играл на логике арпеджио и гаммы.

— Понимаю, — пробормотал оглушённый Уотт и покорно пошёл к двери. — Да-да, конечно. Зайдите вечером ко мне домой, Мартин. Как только я получу подпись Иден, я распоряжусь, чтобы подготовили документы об аннулировании вашего контракта. Гм… Функциональный гений… — И, что-то блаженно лепеча, он вышел из зала.

Когда Эрика хотела последовать за ним, Мартин тронул её за локоть.

— Одну минуту, — сказал он. — Не позволяй ему вернуться в студию, пока контракт не будет аннулирован. Ведь Сен-Сир легко перекричит меня. Но он попался на крючок. Мы…

— Ник, — сказала Эрика, внимательно вглядываясь в его лицо, — что произошло?

— Расскажу вечером, — поспешно сказал Мартин, так как до них донеслось отдалённое рыканье, которое, возможно, возвещало приближение Сен-Сира. — Когда у меня найдётся свободная минута, я ошеломлю тебя. Знаешь ли ты, что я всю жизнь поклонялся тебе из почтительного далека? Но теперь увози Уотта от греха подальше. Быстрее!

Эрика только успела бросить на него изумлён-

ный взгляд, и Мартин вытолкал её из зала. Ему показалось, что к этому изумлению примешивается некоторая радость.

— Где Толливер? — Оглушительный рёв Сен-Сира заставил Мартина поморщиться. Режиссёр был недоволен, что брюки ему впору отыскались только в костюмерной. Он счёл это личным оскорблением. — Куда вы дели Толливера? — вопил он.

— Пожалуйста, говорите громче, — небрежно кинул Мартин. — Вас трудно расслышать.

— Диди! — загремел Сен-Сир, бешено поворачиваясь к прелестной звезде, которая по-прежнему восхищённо созерцала Диди на экране над своей головой. — Где Толливер?

Мартин вздрогнул. Он совсем забыл про Диди.

— Вы не знаете, верно, Диди? — быстро подсказал он.

— Заткнитесь! — распорядился Сен-Сир. — А ты отвечай мне, ах ты... — И он прибавил выразительное многосложное слово на миксолидийском языке, которое возымело желанное действие.

Диди наморщила безупречный лобик.

— Толливер, кажется, ушёл. У меня всё это путается с фильмом. Он пошёл домой, чтобы встретиться с Ником Мартином.

— Но Мартин здесь! — взревел Сен-Сир. — Думай же, думай.

— А в эпизоде был документ, аннулирующий контракт? — рассеянно спросила Диди.

— Документ, аннулирующий контракт? — прорычал Сен-Сир. — Это ещё что? Никогда я этого не допущу, никогда, никогда, никогда! Диди, отвечай мне: куда пошёл Уотт?

— Он куда-то поехал с этой агентшей, — ответила Диди. — Или это тоже было в эпизоде?

— Но куда, куда, куда?

— В Атлантиду, — с лёгким торжеством объявила Диди.

— Нет! — закричал Сен-Сир. — Это фильм! Из Атлантиды была родом русалка, а не Уотт.

— Толливер не говорил, что он родом из Атлантиды, — невозмутимо прожурчала Диди. — Он сказал, что едет в Атлантиду, а потом вечером встретится у себя дома с Ником Мартином и аннулирует его контракт.

— Когда? — в ярости крикнул Сен-Сир. — Подумай, Диди! В котором часу он…

— Диди, — сказал Мартин с вкрадчивой настойчивостью. — Вы ведь ничего не помните, верно?

Но Диди была настолько дефективна, что не поддалась воздействию даже матрицы Дизраэли.

Она только безмятежно улыбнулась Мартину.

— Прочь с дороги, писака! — взревел Сен-Сир, надвигаясь на Мартина. — Твой контракт не будет аннулирован! Или ты думаешь, что можешь зря расходовать время Сен-Сира? Это тебе даром не пройдёт. Я разделаюсь с тобой, как разделался с Эдом Кассиди.

Мартин выпрямился и улыбнулся Сен-Сиру леденящей надменной улыбкой. Его пальцы играли воображаемым моноклем. Изящные периоды рвались с его языка. Оставалось только загипнотизировать Сен-Сира, как он загипнотизировал Уотта. Он набрал в лёгкие побольше воздуха, собираясь распахнуть шлюзы своего красноречия.

И Сен-Сир, варвар, на которого лощёная элегантность не производила ни малейшего впечатления, ударил Мартина в челюсть.

Ничего подобного, разумеется, в английском парламенте произойти не могло.

Когда вечером робот вошёл в кабинет Мартина, он уверенным шагом направился прямо к письменному столу, вывинтил лампочку, нажал на кнопку выключателя и сунул палец в патрон. Раздался треск, посыпались искры. ЭНИАК выдернул палец из патрона и яростно потряс металлической головой.

— Как мне этого не хватало! — сказал он со вздохом. — Я весь день мотался по временной шкале Кальдекуза. Палеолит, неолит, техническая эра… Я даже не знаю, который теперь час. Ну, как протекает ваше приспособление к среде?

Мартин задумчиво потёр подбородок.

— Скверно, — вздохнул он. — Скажите, когда Дизраэли был премьер-министром, ему приходилось иметь дело с такой страной — Миксо-Лидией?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил робот. — А что?

— А то, что моя среда размахнулась и дала мне в челюсть, — лаконично объяснил Мартин.

— Значит, вы её спровоцировали, — возразил ЭНИАК. — Кризис, сильный стресс всегда пробуждают в человеке доминантную чёрту его характера, а Дизраэли в первую очередь был храбр. В минуту кризиса его храбрость переходила в наглость, но он был достаточно умён и организовывал свою среду так, чтобы его наглость встречала отпор на том же семантическом уровне. Миксо-Лидия? Помнится, несколько миллионов лет назад она была населена гигантскими обезьянами с белой шерстью. Ах нет, вспомнил! Это государство с застоявшейся феодальной си-

стемой.

Мартин кивнул.

— Так же, как и эта киностудия, — сказал робот. — Беда в том, что вы встретились с человеком, чья приспособляемость к среде совершеннее вашей. В этом всё дело. Ваша киностудия только-только выходит из средневековья, и поэтому тут легко создаётся среда, максимально благоприятная для средневекового типа характера. Именно этот тип характера определял мрачные стороны средневековья. Вам же следует сменить эту среду на неотехнологическую, наиболее благоприятную для матрицы Дизраэли. В вашу эпоху феодализм сохраняется только в немногих окостеневших социальных ячейках вроде этой студии, а поэтому вам будет лучше уйти куда-нибудь ещё. Помериться силами с феодальным типом может только феодальный тип.

— Но я не могу уйти куда-нибудь ещё! — пожаловался Мартин. — То есть пока мой контракт не будет расторгнут. Его должны были аннулировать сегодня вечером, но Сен-Сир пронюхал, в чём дело, и ни перед чем не остановится, чтобы сохранить контракт, — если потребуется, он поставит мне ещё один синяк. Меня ждёт Уотт, но Сен-Сир уже поехал туда.

— Избавьте меня от ненужных подробностей, — сказал робот с досадой. — А если этот Сен-Сир — средневековый тип, то, разумеется, он спасует только перед ему подобной, но более сильной личностью.

— А как поступил бы в этом случае Дизраэли? — спросил Мартин.

— Начнём с того, что Дизраэли никогда не оказался бы в подобном положении, — холодно ответил робот. — Экологизер может обеспечить вам идеальный экологический коэффициент только вашего собственного типа, иначе максимальная приспособляемость не будет достигнута. В России времён Ивана Дизраэли оказался бы неудачником.

— Может быть, вы объясните это подробнее? — задумчиво попросил Мартин.

— О, разумеется, — ответил робот и затараторил: — При принятии схемы хромосом прототипа всё зависит от порогово-временны́х реакций конусов памяти мозга. Сила активации нейронов обратно пропорциональна количественному фактору памяти. Только реальный опыт мог бы дать вам воспоминания Дизраэли, однако ваши реактивные пороги были изменены так, что восприятие и эмоциональные индексы прибли-

зились к величинам, найденным для Дизраэли.

— А! — сказал Мартин. — Ну а как бы вы, например, взяли верх над средневековым паровым катком?

— Подключив мой портативный мозг к паровому катку значительно больших размеров, — исчерпывающе ответил ЭНИАК.

Мартин погрузился в задумчивость. Его рука поднялась, поправляя невидимый монокль, а в глазах засветилось плодовитое воображение.

— Вы упомянули Россию времён Ивана. Какой же это Иван? Случайно, не…

— Иван Четвёртый. И он был превосходно приспособлен к своей среде. Однако это к делу не относится. Несомненно, для нашего эксперимента вы бесполезны. Однако мы стараемся определить средние статистические величины, и если вы наденете экологизер себе на…

— Это ведь Иван Грозный? — перебил Мартин. — Послушайте, а не могли бы вы наложить на мой мозг матрицу характера Ивана Грозного?

— Вам это ничего не даст, — ответил робот. — Кроме того, у нашего эксперимента совсем другая цель. А теперь…

— Минуточку! Дизраэли не мог бы справиться со средневековым типом вроде Сен-Сира на

своём семантическом уровне. Но если бы у меня были реактивные пороги Ивана Грозного, то я наверняка одержал бы верх. Сен-Сир, конечно, тяжелее меня, но он всё-таки хоть на поверхности, а цивилизован… Погодите-ка! Он же на этом играет. До сих пор он имел дело лишь с людьми настолько цивилизованными, что они не могли пользоваться его методами. А если отплатить ему его собственной монетой, он не устоит. И лучше Ивана для этого никого не найти.

— Но вы не понимаете…

— Разве вся Россия не трепетала при одном имени Ивана?

— Да, Ро…

— Ну и прекрасно! — с торжеством перебил Мартин. — Вы наложите на мой мозг матрицу Ивана Грозного, и я разделаюсь с Сен-Сиром так, как это сделал бы Иван. Дизраэли был просто чересчур цивилизован. Хоть рост и вес имеют значение, но характер куда важнее. Внешне я совсем не похож на Дизраэли, однако люди реагировали на меня так, словно я — сам Джордж Арлисс. Цивилизованный силач всегда побьёт цивилизованного человека слабее себя. Однако Сен-Сир ещё ни разу не сталкивался с по-настоящему нецивилизованным человеком — таким,

какой готов голыми руками вырвать сердце врага. — Мартин энергично кивнул. — Сен-Сира можно подавить на время — в этом я убедился. Но чтобы подавить его навсегда, потребуется кто-нибудь вроде Ивана.

— Если вы думаете, что я собираюсь наложить на вас матрицу Ивана, то вы ошибаетесь, — объявил робот.

— И убедить вас никак нельзя?

— Я, — сказал ЭНИАК, — семантически сбалансированный робот. Конечно, вы меня не убедите.

«Я-то, может быть, и нет, — подумал Мартин, — но вот Дизраэли… Гм! «Мужчина — это машина»… Дизраэли был просто создан для улещивания роботов. Даже люди были для него машинами. А что такое ЭНИАК?»

— Давайте обсудим это, — начал Мартин, рассеянно пододвигая лампу поближе к роботу.

И разверзлись золотые уста, некогда сотрясавшие империи…

— Вам это не понравится, — отупело сказал робот некоторое время спустя. — Иван не годится для… Ах, вы меня совсем запутали! Вам нужно приложить глаз к… — Он начал вытаскивать из сумки шлем и четверть мили красной ленты.

— Подвяжем-ка серые клеточки моего досто-

чтимого мозга! — сказал Мартин, опьянев от собственной риторики. — Надевайте его мне на голову. Вот так. И не забудьте — Иван Грозный. Я покажу Сен-Сиру Миксо-Лидию!

— Коэффициент зависит столько же от среды, сколько и от наследственности, — бормотал робот, нахлобучивая шлем на Мартина. — Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности, полученной через Елену Глинскую… Ну вот!

Он снял шлем с головы Мартина.

— Но ничего не происходит, — сказал Мартин. — Я не чувствую никакой разницы.

— На это потребуется несколько минут. Ведь теперь это совсем иная схема характера, чем ваша. Радуйтесь жизни, пока можете. Вы скоро познакомитесь с Ивано-эффектом. — Он вскинул сумку на плечо и нерешительно пошёл к двери.

— Стойте, — тревожно окликнул его Мартин. — А вы уверены…

— Помолчите. Я что-то забыл. Какую-то формальность, до того вы меня запутали. Ну ничего, вспомню после — или раньше, в зависимости от того, где буду находиться. Увидимся через двенадцать часов… если увидимся!

Робот ушёл. Мартин для проверки потряс голо-

вой. Затем встал и направился за роботом к двери. Но ЭНИАК исчез бесследно — только в середине коридора опадал маленький смерч пыли.

В голове Мартина что-то происходило…

Позади зазвонил телефон. Мартин ахнул от ужаса. С неожиданной, невероятной, жуткой, абсолютной уверенностью он понял, кто звонит.

Убийцы!!!

— Да, мистер Мартин, — раздался в трубке голос дворецкого Толливера Уотта. — Мисс Эшби здесь. Сейчас она совещается с мистером Уоттом и мистером Сен-Сиром, но я передам ей ваше поручение. Вы задержались, и она должна заехать за вами… куда?

— В чулан на втором этаже сценарного корпуса, — дрожащим голосом ответил Мартин. — Рядом с другими чуланами нет телефонов с достаточно длинным шнуром, и я не мог бы взять с собой аппарат. Но я вовсе не убеждён, что и здесь мне не грозит опасность. Мне что-то не нравится выражение метлы слева от меня.

— Сэр?..

— А вы уверены, что вы действительно дворецкий Толливера Уотта? — нервно спросил Мартин.

— Совершенно уверен, мистер… э… мистер

Мартин.

— Да, я мистер Мартин! — вскричал Мартин вызывающим, полным ужаса голосом. — По всем законам божеским и человеческим я — мистер Мартин! И мистером Мартином я останусь, как бы ни пытались мятежные собаки низложить меня с места, которое принадлежит мне по праву.

— Да, сэр. Вы сказали — в чулане, сэр?

— Да, в чулане. И немедленно. Но поклянитесь не говорить об этом никому, кроме мисс Эшби, как бы вам ни угрожали. Я буду вам защитой.

— Да, сэр. Больше ничего?

— Больше ничего. Скажите мисс Эшби, чтобы она поторопилась. А теперь повесьте трубку. Нас могли подслушивать. У меня есть враги.

В трубке щёлкнуло. Мартин положил её на рычаг и опасливо оглядел чулан. Он внушал себе, что его страхи нелепы. Ведь ему нечего бояться, верно? Правда, тесные стены чулана грозно смыкались вокруг него, а потолок спускался всё ниже…

В панике Мартин выскочил из чулана, перевёл дух и расправил плечи.

— Ч-ч-чего бояться? — спросил он себя. — Никто и не боится!

Насвистывая, он пошёл через холл к лестнице,

но на полпути агорафобия взяла верх, и он уже не мог совладать с собой. Он нырнул к себе в кабинет и тихо потел от страха во мраке, пока не собрался с духом, чтобы зажечь лампу.

Его взгляд привлекла Британская энциклопедия в стеклянном шкафу. С бесшумной поспешностью Мартин снял том «Иберия-Лорд» и начал его листать. Что-то явно было очень и очень не так. Правда, робот предупреждал, что Мартину не понравится быть Иваном Грозным. Но может быть, это была вовсе не матрица Ивана? Может быть, робот по ошибке наложил на него чью-то другую матрицу — матрицу отъявленного труса? Мартин судорожно листал шуршащие страницы. Иван… Иван… А, вот оно!

Сын Елены Глинской… Женат на Анастасии Захарьиной-Кошкиной… В частной жизни творил неслыханные гнусности… Удивительная память, колоссальная энергия… Припадки дикой ярости… Большие природные способности, политическое провидение, предвосхитил идеи Петра Великого… Мартин покачал головой.

Но тут он прочёл следующую строку, и у него перехватило дыхание.

Иван жил в атмосфере вечных подозрений и в каждом своём приближённом видел возможного

изменника.

— Совсем как я, — пробормотал Мартин. — Но… Но Иван ведь не был трусом… Я не понимаю.

Коэффициент, сказал робот, зависит от среды, так же как от наследственности. Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности.

Мартин со свистом втянул воздух. Среда вносит существенную поправку. Возможно, Иван Четвёртый был по натуре трусом, но благодаря наследственности и среде эта чёрта не получила явного развития.

Иван был царём всея Руси.

Дайте трусу ружьё, и, хотя он не перестанет быть трусом, эта чёрта будет проявляться совсем по-другому. Он может повести себя как вспыльчивый и воинственный тиран. Вот почему Иван экологически преуспевал — в своей особой среде. Он не подвергался стрессу, который выдвинул бы на первый план доминантную чёрту его характера. Подобно Дизраэли, он умел контролировать свою среду и устранять причины, которые вызвали бы стресс.

Мартин позеленел.

Затем он вспомнил про Эрику. Удастся ли ей как-нибудь отвлечь Сен-Сира, пока сам он будет

добиваться от Уотта расторжения контракта? Если он сумеет избежать кризиса, то сможет держать свои нервы в узде, но… ведь повсюду убийцы!

Эрика уже едет в студию… Мартин судорожно сглотнул.

Он встретит её за воротами студии. Чулан был ненадёжным убежищем. Его могли поймать там, как крысу…

— Ерунда, — сказал себе Мартин с трепетной твёрдостью. — Это не я, и всё тут. Надо взять себя в-в-в руки — и т-т-только. Давай, давай, взбодрись. Toujours l'audace[3].

Однако он вышел из кабинета и спустился по лестнице с величайшей осторожностью. Как знать… Если кругом одни враги…

Трясясь от страха, матрица Ивана Грозного прокралась к воротам студии.

Такси быстро ехало в Бел-Эйр.

— Но зачем ты залез на дерево? — спросила Эрика.

Мартин затрясся.

— Оборотень, — объяснил он, стуча зубами. — Вампир, ведьма и… Говорю тебе, я их видел. Я

---

[3] Примечания: 3
Да здравствует отвага *(фр.)*.

стоял у ворот студии, а они как кинутся на меня всей толпой.

— Но они просто возвращались в павильон после обеда, — сказала Эрика. — Ты же знаешь, что «Вершина» по вечерам снимает «Аббат и Костелло знакомы со всеми». Карлов и мухи не обидит.

— Я себе говорил это, — угрюмо пожаловался Мартин. — Но страх и угрызения совести совсем меня измучили. Видишь ли, я — гнусное чудовище, но это не моя вина. Всё — среда. Я рос в самой тягостной и жестокой обстановке… А-а! Погляди сама.

Он указал на полицейского на перекрёстке.

— Полиция! Предатель даже среди дворцовой гвардии!

— Дамочка, этот тип — псих? — спросил шофёр.

— Безумен я или нормален — я Никлас Мартин! — объявил Мартин, внезапно меняя тон.

Он попытался властно выпрямиться, стукнулся головой о крышу, взвизгнул: «Убийцы!» — и съёжился в уголке, тяжело дыша.

Эрика тревожно посмотрела на него.

— Ник, сколько ты выпил? — спросила она. — Что с тобой?

Мартин откинулся на спинку и закрыл глаза.

— Дай я немного приду в себя, Эрика, — умоляюще сказал он. — Всё будет в порядке, как только я оправлюсь от стресса. Ведь Иван…

— Но взять аннулированный контракт из рук Уотта ты сумеешь? — спросила Эрика. — На это-то тебя хватит?

— Хватит, — ответил Мартин бодрым, но дрожащим голосом.

Потом он передумал.

— При условии, если буду держать тебя за руку, — добавил он, не желая рисковать.

Это так возмутило Эрику, что на протяжении двух миль в такси царило молчание. Эрика над чем-то размышляла.

— Ты действительно очень переменился с сегодняшнего утра, — заметила она наконец. — Грозишь объясниться мне в любви, подумать только! Как будто я позволю что-нибудь подобное! Вот попробуй!

Наступило молчание. Эрика покосилась на Мартина.

— Я сказала — вот попробуй! — повторила она.

— Ах так? — спросил Мартин с трепещущей храбростью.

Он помолчал. Как ни странно, его язык, прежде отказывавшийся в присутствии Эрики произне-

сти хотя бы слово на определённую тему, вдруг обрёл свободу. Мартин не стал тратить время и рассуждать почему. Не дожидаясь наступления следующего кризиса, он немедленно излил Эрике все свои чувства.

— Но почему ты никогда прежде этого не говорил? — спросила она, заметно смягчившись.

— Сам не понимаю, — ответил Мартин. — Так, значит, ты выйдешь за меня?

— Но почему ты…

— Ты выйдешь за меня?

— Да, — сказала Эрика, и наступило молчание.

Мартин облизнул пересохшие губы, так как заметил, что их головы совсем сблизились. Он уже собирался завершить объяснение традиционным финалом, как вдруг его поразила внезапная мысль. Вздрогнув, он отодвинулся.

Эрика открыла глаза.

— Э… — сказал Мартин. — Гм… Я только что вспомнил. В Чикаго сильная эпидемия гриппа. А эпидемии, как тебе известно, распространяются с быстротой лесного пожара. И грипп мог уже добраться до Голливуда, особенно при нынешних западных ветрах.

— Чёрт меня побери, если я допущу, чтобы моя помолвка обошлась без поцелуя! — объявила

Эрика с некоторым раздражением. — А ну, поцелуй меня!

— Но я могу заразить тебя бубонной чумой, — нервно ответил Мартин. — Поцелуи передают инфекцию. Это научный факт.

— Ник!

— Ну… не знаю… А когда у тебя в последний раз был насморк?

Эрика отодвинулась от него как могла дальше.

— Ах! — вздохнул Мартин после долгого молчания. — Эрика, ты…

— Не заговаривай со мной, тряпка! — сказала Эрика. — Чудовище! Негодяй!

— Я не виноват! — в отчаянии вскричал Мартин. — Я буду трусом двенадцать часов. Но я тут ни при чём. Завтра после восьми утра я хоть в львиную клетку войду, если ты захочешь. Сегодня же у меня нервы как у Ивана Грозного! Дай я хотя бы объясню тебе, в чём дело.

Эрика ничего не ответила, и Мартин принялся торопливо рассказывать свою длинную, малоправдоподобную историю.

— Не верю, — отрезала Эрика, когда он кончил, и покачала головой. — Но я пока ещё остаюсь твоим агентом и отвечаю за твою писательскую судьбу. Теперь нам надо добиться одного — за-

ставить Толливера Уотта расторгнуть контракт. И только об этом мы и будем сейчас думать. Ты понял?

— Но Сен-Сир…

— Разговаривать буду я. Ты можешь не говорить ни слова. Если Сен-Сир начнёт тебя запугивать, я с ним разделаюсь. Но ты должен быть там, не то Сен-Сир придерётся к твоему отсутствию, чтобы затянуть дело. Я его знаю.

— Ну вот, я опять в стрессовом состоянии! — в отчаянии крикнул Мартин. — Я не выдержу! Я же не русский царь!

— Дамочка, — сказал шофёр, оглядываясь. — На вашем месте я бы дал ему от ворот поворот тут же на месте!

— Кому-нибудь не сносить за это головы! — зловеще пообещал Мартин.

— «По взаимному согласию контракт аннулируется…» Да-да, — сказал Уотт, ставя свою подпись на документе, который лежал перед ним на столе. — Ну вот и всё. Но куда делся Мартин? Ведь он вошёл с вами, я сам видел.

— Разве? — несколько невпопад спросила Эрика. Она сама ломала голову над тем, каким образом Мартин умудрился так бесследно исчезнуть. Может быть, он с молниеносной быстротой

залез под ковёр?

Отогнав эту мысль, она протянула руку за бумагой, которую Уотт начал аккуратно свёртывать.

— Погодите, — сказал Сен-Сир, выпятив нижнюю губу. — А как насчёт пункта, дающего нам исключительное право на следующую пьесу Мартина?

Уотт перестал свёртывать документ, и режиссёр немедленно этим воспользовался.

— Что бы он там ни накропал, я сумею сделать из этого новый фильм для Диди. А, Диди? — Он погрозил сосискообразным пальцем прелестной звезде, которая послушно кивнула.

— Там будут только мужские роли, — поспешно сказала Эрика. — К тому же мы обсуждаем расторжение контракта, а не права на пьесу.

— Он дал бы мне это право, будь он здесь! — проворчал Сен-Сир, подвергая свою сигару невообразимым пыткам. — Почему, почему все ополчаются против истинного художника? — Он взмахнул огромным волосатым кулаком. — Теперь мне придётся обламывать нового сценариста. Какая напрасная трата времени! А ведь через две недели Мартин стал бы сен-сировским сценаристом! Да и теперь ещё не поздно…

— Боюсь, что поздно, Рауль, — с сожалением

сказал Уотт. — Право же, бить Мартина сегодня в студии вам всё-таки не следовало.

— Но… но он ведь не посмеет подать на меня в суд. В Миксо-Лидии…

— А, здравствуйте, Ник! — воскликнула Диди с сияющей улыбкой. — Зачем вы прячетесь за занавеской?

Глаза всех обратились к оконным занавескам, за которыми в этот миг с проворством вспугнутого бурундука исчезло белое как мел, искажённое ужасом лицо Никласа Мартина. Эрика торопливо сказала:

— Но это вовсе не Ник. Совсем даже не похож. Вы ошиблись, Диди.

— Разве? — спросила Диди, уже готовая согласиться.

— Ну конечно, — ответила Эрика и протянула руку к документу. — Дайте его мне, и я…

— Стойте! — по-бычьи взревел Сен-Сир.

Втянув голову в могучие плечи, он затопал к окну и отдёрнул занавеску.

— Ага, — зловещим голосом произнёс режиссёр. — Мартин!

— Ложь, — пробормотал Мартин, тщетно пытаясь скрыть свой рождённый стрессом ужас. — Я отрёкся.

Сен-Сир, отступив на шаг, внимательно вглядывался в Мартина. Сигара у него во рту медленно задралась кверху. Губы режиссёра растянула злобная усмешка.

Он потряс пальцем у самых трепещущих ноздрей драматурга.

— А, — сказал он, — к вечеру пошли другие песни, э? Днём ты был пьян! Теперь я всё понял. Черпаешь храбрость в бутылке, как тут выражаются?

— Чепуха, — возразил Мартин, вдохновляясь взглядом, который бросила на него Эрика. — Кто это сказал? Это всё ваши выдумки! О чём, собственно, речь?

— Что вы делали за занавеской? — спросил Уотт.

— Я вообще не был за занавеской, — доблестно объяснил Мартин. — Это вы были за занавеской, вы все. А я был перед занавеской. Разве я виноват, что вы все укрылись за занавеской в библиотеке, точно… точно заговорщики?

Последнее слово было выбрано очень неудачно — в глазах Мартина вновь вспыхнул ужас.

— Да, как заговорщики, — продолжал он нервно. — Вы думали, я ничего не знаю, а? А я всё знаю! Вы тут все убийцы и плетёте злодейские

интриги. Вот, значит, где ваше логово! Всю ночь вы, наёмные псы, гнались за мной по пятам, словно за раненым карибу, стараясь…

— Нам пора, — с отчаянием сказала Эрика. — Мы и так еле-еле успеем поймать последнее кари… то есть последний самолёт на восток.

Она протянула руку к документу, но Уотт вдруг спрятал его в карман и повернулся к Мартину.

— Вы дадите нам исключительное право на вашу следующую пьесу? — спросил он.

— Конечно даст! — загремел Сен-Сир, опытным взглядом оценив напускную браваду Мартина. — И в суд ты на меня не подашь, не то я тебя вздую как следует. Так мы делали в Миксо-Лидии. Собственно говоря, Мартин, вы вовсе и не хотите расторгать контракт. Это чистое недоразумение. Я сделаю из вас сен-сировского сценариста, и всё будет хорошо. Вот так. Сейчас вы попросите Толливера разорвать эту бумажонку. Верно?

— Конечно нет! — крикнула Эрика. — Скажи ему это, Ник!

Наступило напряжённое молчание. Уотт ждал с настороженным любопытством. И бедняжка Эрика тоже. В её душе шла мучительная борьба между профессиональным долгом и презрением к жалкой трусости Мартина. Ждала и Диди, ши-

роко раскрыв огромные глаза, а на её прекрасном лице играла весёлая улыбка. Однако бой шёл, бесспорно, между Мартином и Раулем Сен-Сиром.

Мартин в отчаянии расправил плечи. Он должен, должен показать себя подлинным Грозным — теперь или никогда. У него уже был гневный вид, как у Ивана, и он постарался сделать свой взгляд зловещим. Загадочная улыбка появилась на его губах. На мгновение он действительно обрёл сходство с грозным русским царём — только, конечно, без бороды и усов. Мартин смерил миксолидийца взглядом, исполненным монаршего презрения.

— Вы порвёте эту бумажку и подпишете соглашение с нами на вашу следующую пьесу, так? — сказал Сен-Сир, но с лёгкой неуверенностью.

— Что захочу, то и сделаю, — сообщил ему Мартин. — А как вам понравится, если вас заживо сожрут собаки?

— Право, Рауль, — вмешался Уотт, — попробуем уладить это, пусть даже…

— Вы предпочтёте, чтобы я ушёл в «Метро-Голдвин» и взял с собой Диди? — крикнул Сен-Сир, поворачиваясь к Уотту. — Он сейчас же подпишет! — И, сунув руку во внутренний карман,

чтобы достать ручку, режиссёр всей тушей надвинулся на Мартина.

— Убийца! — взвизгнул Мартин, неверно истолковав его движение.

На мерзком лице Сен-Сира появилась злорадная улыбка.

— Он у нас в руках, Толливер! — воскликнул миксолидиец с тяжеловесным торжеством, и эта жуткая фраза оказалась последней каплей.

Не выдержав подобного стресса, Мартин с безумным воплем шмыгнул мимо Сен-Сира, распахнул ближайшую дверь и скрылся за ней.

Вслед за ним нёсся голос валькирии Эрики:

— Оставьте его в покое! Или вам мало? Вот что, Толливер Уотт: я не уйду отсюда, пока вы не отдадите этот документ. А вас, Сен-Сир, я предупреждаю: если вы…

Но к этому времени Мартин уже успел проскочить пять комнат, и конец её речи замер в отдалении. Он пытался заставить себя остановиться и вернуться на поле брани, но тщетно — стресс был слишком силён, ужас гнал его вперёд по коридору, вынудил юркнуть в какую-то комнату и швырнул о какой-то металлический предмет. Отлетев от этого предмета и упав на пол, Мартин обнаружил, что перед ним ЭНИАК Гамма Девя-

носто Третий.

— Вот вы где, — сказал робот. — А я в поисках вас обшарил всё пространство-время. Когда вы заставили меня изменить программу эксперимента, вы забыли дать мне расписку, что берёте ответственность на себя. Раз объект пришлось снять из-за изменения в программе, начальство из меня все шестерёнки вытрясет, если я не доставлю расписку с приложением глаза объекта.

Опасливо оглянувшись, Мартин поднялся на ноги.

— Что? — спросил он рассеянно. — Послушайте, вы должны изменить меня обратно в меня самого. Все меня пытаются убить. Вы явились как раз вовремя. Я не могу ждать двенадцать часов. Измените меня немедленно.

— Нет, я с вами покончил, — бессердечно ответил робот. — Когда вы настояли на наложении чужой матрицы, вы перестали быть необработанным объектом и для продолжения опыта теперь не годитесь. Я бы сразу взял у вас расписку, но вы совсем меня заморочили вашим дизраэлиевским красноречием. Ну-ка, подержите вот это у своего левого глаза двадцать секунд. — Он протянул Мартину блестящую металлическую пластинку. — Она уже заполнена и сенсибилизирована.

Нужен только отпечаток вашего глаза. Приложите его, и больше вы меня не увидите.

Мартин отпрянул.

— А что будет со мной? — спросил он дрожащим голосом.

— Откуда я знаю? Через двенадцать часов матрица сотрётся, и вы снова станете самим собой. Прижмите пластинку к глазу.

— Прижму, если вы превратите меня в меня, — попробовал торговаться Мартин.

— Не могу — это против правил. Хватит и одного нарушения, даже с распиской. Но чтобы два? Ну нет! Прижмите её к левому глазу…

— Нет, — сказал Мартин с судорожной твёрдостью. — Не прижму.

ЭНИАК внимательно поглядел на него.

— Прижмите, — повторил робот. — Не то я на вас топну ногой.

Мартин слегка побледнел, но с отчаянной решимостью затряс головой.

— Нет и нет! Ведь если я немедленно не избавлюсь от матрицы Ивана, Эрика не выйдет за меня замуж и Уотт не освободит меня от контракта. Вам только нужно надеть на меня этот шлем. Неужто я прошу чего-то невозможного?

— От робота? Разумеется, — сухо ответил

ЭНИАК. — И довольно мешкать. К счастью, на вас наложена матрица Ивана и я могу навязать вам мою волю. Сейчас же отпечатайте на пластинке свой глаз, ну?!

Мартин стремительно нырнул за диван. Робот угрожающе двинулся за ним, но тут Мартин нашёл спасительную соломинку и уцепился за неё.

Он встал и посмотрел на робота.

— Погодите, вы не поняли, — сказал он. — Я же не в состоянии отпечатать свой глаз на этой штуке. Со мной у вас ничего не выйдет. Как вы не понимаете? На ней должен остаться отпечаток…

— …рисунка сетчатки, — докончил робот. — Ну и…

— Ну и как же я это сделаю, если мой глаз не останется открытым двадцать секунд? Пороговые реакции у меня как у Ивана. Мигательным рефлексом я управлять не могу. Мои синапсы — синапсы труса. И они заставят меня зажмурить глаза, чуть только эта штука к ним приблизится.

— Так раскройте их пальцами, — посоветовал робот.

— У моих пальцев тоже есть рефлексы, — возразил Мартин, подбираясь к буфету. — Остаётся один выход. Я должен напиться. Когда алкоголь меня одурманит, мои рефлексы затормозятся, и я

не успею закрыть глаза. Но не вздумайте пустить в ход силу. Если я умру на месте от страха, как вы получите отпечаток моего глаза?

— Это-то нетрудно, — сказал робот. — Раскрою веки…

Мартин потянулся за бутылкой и стаканом, но вдруг его рука свернула в сторону и ухватила сифон с содовой водой.

— Но только, — продолжал ЭНИАК, — подделка может быть обнаружена.

Мартин налил себе полный стакан содовой воды и сделал большой глоток.

— Я скоро опьянею, — обещал он заплетающимся языком. — Видите, алкоголь уже действует. Я стараюсь вам помочь.

— Ну ладно, только поторопитесь, — сказал ЭНИАК после некоторого колебания и опустился на стул.

Мартин собрался сделать ещё глоток, но вдруг уставился на робота, ахнул и отставил стакан.

— Ну, что случилось? — спросил робот. — Пейте своё… что это такое?

— Виски, — ответил Мартин неопытной машине. — Но я всё понял. Вы подсыпали в него яд. Вот, значит, каков был ваш план. Но я больше ни капли не выпью, и вы не получите отпечатка

моего глаза. Я не дурак.

— Винт всемогущий! — воскликнул робот, вскакивая на ноги. — Вы же сами налили себе этот напиток. Как я мог его отравить, пейте!

— Не буду, — ответил Мартин с упрямством труса, стараясь отогнать гнетущее подозрение, что содовая и в самом деле отравлена.

— Пейте свой напиток! — потребовал ЭНИАК слегка дрожащим голосом. — Он абсолютно безвреден.

— Докажите! — сказал Мартин с хитрым видом. — Согласны обменяться со мной стаканами? Согласны сами выпить этот ядовитый напиток?

— Как же я буду пить? — спросил робот. — Я… Ладно, дайте мне стакан. Я отхлебну, а вы допьёте остальное.

— Ага, — объявил Мартин, — вот ты себя и выдал. Ты же робот и сам говорил, что пить не можешь! То есть так, как пью я. Вот ты и попался, отравитель! Вон твой напиток. — Он указал на торшер. — Будешь пить со мной на свой электрический манер или сознаёшься, что хотел меня отравить? Погоди-ка, что я говорю? Это же ничего не докажет…

— Ну конечно, докажет, — поспешно перебил робот. — Вы совершенно правы и придумали

очень умно. Мы будем пить вместе, и это докажет, что ваше виски не отравлено. И вы будете пить, пока ваши рефлексы не затормозятся.

— Да, но… — начал неуверенно Мартин, однако бессовестный робот уже вывинтил лампочку из торшера, нажал на выключатель и сунул палец в патрон, отчего раздался треск и посыпались искры.

— Ну вот, — сказал робот. — Ведь не отравлено?

— А вы не глотаете, — подозрительно заявил Мартин. — Вы держите его во рту… то есть в пальцах.

ЭНИАК снова сунул палец в патрон.

— Ну ладно, может быть, — с сомнением согласился Мартин. — Но ты можешь подсыпать порошок в моё виски, изменник. Будешь пить со мной, глоток за глотком, пока я не сумею припечатать свой глаз к этой твоей штуке. А не то я перестану пить. Впрочем, хоть ты и суёшь палец в торшер, действительно ли это доказывает, что виски не отравлено? Я не совсем…

— Доказывает, доказывает, — быстро сказал робот. — Ну вот, смотрите. Я опять это сделаю… ft(t). Мощный постоянный ток, верно? Какие ещё вам нужны доказательства? Ну, пейте.

Не спуская глаз с робота, Мартин поднёс к губам стакан с содовой.

— Fffff(t)! — воскликнул робот немного погодя и начертал на своём металлическом лице глуповато-блаженную улыбку.

— Такого ферментированного мамонтового молока я ещё не пивал, — согласился Мартин, поднося к губам десятый стакан содовой воды. Ему было сильно не по себе, и он боялся, что вот-вот захлебнётся.

— Мамонтового молока? — сипло произнёс ЭНИАК. — А это какой год?

Мартин перевёл дух. Могучая память Ивана пока хорошо служила ему. Он вспомнил, что напряжение повышает частоту мыслительных процессов робота и расстраивает его память — это и происходило прямо у него на глазах. Однако впереди оставалось самое трудное…

— Год Большой Волосатой, конечно, — сказал он весело. — Разве вы не помните?

— В таком случае вы… — ЭНИАК попытался получше разглядеть своего двоящегося собутыльника. — Тогда, значит, вы — Мамонтобой.

— Вот именно! — вскричал Мартин. — Ну-ка, дёрнем ещё по одной, а затем приступим.

— К чему приступим?

Мартин изобразил раздражение.

— Вы сказали, что наложите на моё сознание матрицу Мамонтобоя. Вы сказали, что это обеспечит мне оптимальное экологическое приспособление к среде в данной темпоральной фазе.

— Разве? Но вы же не Мамонтобой, — растерянно возразил ЭНИАК. — Мамонтобой был сыном Большой Волосатой. А как зовут вашу мать?

— Большая Волосатая, — немедленно ответил Мартин, и робот поскрёб свой сияющий затылок.

— Дёрните ещё разок, — предложил Мартин. — А теперь достаньте экологизер и наденьте мне его на голову.

— Вот так? — спросил ЭНИАК, подчиняясь. — У меня ощущение, что я забыл что-то важное.

Мартин поправил прозрачный шлем у себя на затылке.

— Ну, — скомандовал он, — дайте мне матрицу-характер Мамонтобоя, сына Большой Волосатой.

— Что ж… Ладно, — невнятно сказал ЭНИАК. Взметнулись красные ленты, шлем вспыхнул. — Вот и всё. Может быть, пройдёт несколько минут, прежде чем подействует, а потом на двенадцать часов вы… погодите! Куда же вы?

Но Мартин уже исчез.

В последний раз робот запихнул в сумку шлем и четверть мили красной ленты. Пошатываясь, он подошёл к торшеру, бормоча что-то о посошке на дорожку. Затем комната опустела. Затихающий шёпот произнёс:

— F(t)…

— Ник! — ахнула Эрика, уставившись на фигуру в дверях. — Не стой так, ты меня пугаешь.

Все оглянулись на её вопль и поэтому успели заметить жуткую перемену, происходившую в облике Мартина. Конечно, это была иллюзия, но весьма страшная. Колени его медленно подогнулись, плечи сгорбились, словно под тяжестью чудовищной мускулатуры, а руки вытянулись так, что пальцы почти касались пола.

Наконец-то Никлас Мартин обрёл личность, экологическая норма которой ставила его на один уровень с Раулем Сен-Сиром.

— Ник! — испуганно повторила Эрика.

Нижняя челюсть Мартина медленно выпятилась, обнажились все нижние зубы. Веки постепенно опустились, и теперь он смотрел на мир маленькими злобными глазками. Затем неторопливая гнусная ухмылка растянула губы мистера Мартина.

— Эрика! — хрипло сказал он. — Моя!

Раскачивающейся походкой он подошёл к перепуганной девушке, схватил её в объятия и укусил за ухо.

— Ах, Ник, — прошептала Эрика, закрывая глаза. — Почему ты никогда… Нет, нет, нет! Ник, погоди… Расторжение контракта. Мы должны… Ник, куда ты? — Она попыталась удержать его, но опоздала.

Хотя походка Мартина была неуклюжей, двигался он быстро. В одно мгновение он перемахнул через письменный стол Уотта, выбрав кратчайший путь к потрясённому кинопромышленнику. Во взгляде Диди появилось лёгкое удивление. Сен-Сир рванулся вперёд.

— В Миксо-Лидии… — начал он. — Ха, вот так… — И, схватив Мартина, он швырнул его в другой угол комнаты.

— Зверь! — воскликнула Эрика и бросилась на режиссёра, молотя кулачками по его могучей груди. Впрочем, тут же спохватившись, она принялась обрабатывать каблуками его ноги — со значительно большим успехом. Сен-Сир, менее всего джентльмен, схватил её и заломил ей руки, но тут же обернулся на тревожный крик Уотта:

— Мартин, что вы делаете?

Вопрос этот был задан не зря. Мартин пока-

тился по полу, как шар, по-видимому, нисколько не ушибся, сбил торшер и развернулся, как ёж. На лице его было неприятное выражение. Он встал, пригнувшись, почти касаясь пола руками и злобно скаля зубы.

— Ты трогать моя подруга? — хрипло осведомился питекантропообразный мистер Мартин, быстро теряя всякую связь с двадцатым веком. Вопрос этот был чисто риторическим. Драматург поднял торшер (для этого ему не пришлось нагибаться), содрал абажур, словно листья с древесного сука, и взял торшер наперевес. Затем он двинулся вперёд, держа его, как копьё.

— Я, — сказал Мартин, — убивать.

И с достохвальной целеустремлённостью попытался претворить своё намерение в жизнь. Первый удар тупого самодельного копья поразил Сен-Сира в солнечное сплетение, и режиссёр отлетел к стене, гулко стукнувшись о неё. Мартин, по-видимому, только этого и добивался. Прижав конец копья к животу режиссёра, он пригнулся ещё ниже, упёрся ногами в ковёр и по мере сил попытался просверлить в Сен-Сире дыру.

— Прекратите! — крикнул Уотт, кидаясь в сечу.

Первобытные рефлексы сработали мгновенно:

кулак Мартина описал в воздухе дугу, и Уотт описал дугу в противоположном направлении.

Торшер сломался.

Мартин задумчиво поглядел на обломки, принялся было грызть один из них, потом передумал и оценивающе посмотрел на Сен-Сира. Задыхаясь, бормоча угрозы, проклятия и протесты, режиссёр выпрямился во весь рост и погрозил Мартину огромным кулаком.

— Я, — объявил он, — убью тебя голыми руками, а потом уйду в «Метро-Голдвин-Мейер» с Диди. В Миксо-Лидии…

Мартин поднёс к лицу собственные кулаки. Он поглядел на них, медленно разжал, улыбнулся, а затем, оскалив зубы, с голодным тигриным блеском в крохотных глазках посмотрел на горло Сен-Сира.

Мамонтобой не зря был сыном Большой Волосатой.

Мартин прыгнул.

И Сен-Сир тоже, но в другую сторону, вопя от внезапного ужаса. Ведь он был всего только средневековым типом, куда более цивилизованным, чем так называемый человек первобытной прямолинейной эры Мамонтобоя. И как человек убегает от маленькой, но разъярённой дикой

кошки, так Сен-Сир, поражённый цивилизованным страхом, бежал от врага, который в буквальном смысле слова ничего не боялся.

Сен-Сир выпрыгнул в окно и с визгом исчез в ночном мраке.

Мартина это застигло врасплох — когда Мамонтобой бросался на врага, враг всегда бросался на Мамонтобоя, — и в результате он со всего маху стукнулся лбом о стену. Как в тумане, он слышал затихающий вдали визг. С трудом поднявшись, он привалился спиной к стене и зарычал, готовясь…

— Ник! — раздался голос Эрики. — Ник, это я! Помоги! Помоги же! Диди…

— Агх? — хрипло вопросил Мартин, мотая головой. — Убивать!

Глухо ворча, драматург мигал налитыми кровью глазками, и постепенно всё, что его окружало, опять приобретало чёткие очертания. У окна Эрика боролась с Диди.

— Пустите меня! — кричала Диди. — Куда Рауль, туда и я!

— Диди! — умоляюще произнёс новый голос.

Мартин оглянулся и увидел под смятым абажуром в углу лицо распростёртого на полу Толливера Уотта.

Сделав чудовищное усилие, Мартин выпрямился. Ему было как-то непривычно ходить не горбясь, но зато это помогало подавить худшие инстинкты Мамонтобоя. К тому же теперь, когда Сен-Сир испарился, кризис миновал и доминантная чёрта в характере Мамонтобоя несколько утратила активность. Мартин осторожно пошевелил языком и с облегчением обнаружил, что ещё не совсем лишился дара человеческой речи.

— Агх, — сказал он. — Уррг… э… Уотт!

Уотт испуганно замигал на него из-под абажура.

— Арргх… Аннулированный контракт, — сказал Мартин, напрягая все силы. — Дай.

Уотт не был трусом. Он с трудом поднялся на ноги и снял с головы абажур.

— Аннулировать контракт?! — рявкнул он. — Сумасшедший! Разве вы не понимаете, что вы натворили? Диди, не уходите от меня! Диди, не уходите, мы вернём Рауля.

— Рауль велел мне уйти, если уйдёт он, — упрямо сказала Диди.

— Вы вовсе не обязаны делать то, что вам велит Сен-Сир, — убеждала Эрика, продолжая держать вырывающуюся звезду.

— Разве? — с удивлением спросила Диди. — Но

я всегда его слушаюсь. И всегда слушалась.

— Диди, — в отчаянии умолял Уотт, — я дам вам лучший в мире контракт! Контракт на десять лет! Посмотрите, вот он! — И киномагнат вытащил сильно потёртый по краям документ. — Только подпишите, и потом можете требовать всё, что вам угодно! Неужели вам этого не хочется?

— Хочется, — ответила Диди, — но Раулю не хочется. — И она вырвалась из рук Эрики.

— Мартин! — вне себя воззвал Уотт к драматургу. — Верните Сен-Сира! Извинитесь перед ним! Любой ценой — только верните его! А не то я… я не аннулирую вашего контракта!

Мартин слегка сгорбился, может быть, от безнадёжности, а может быть, и ещё от чего-нибудь.

— Мне очень жалко, — сказала Диди. — Мне нравилось работать у вас, Толливер. Но я должна слушаться Рауля.

Она сделала шаг к окну.

Мартин сгорбился ещё больше, и его пальцы коснулись ковра. Злобные глазки, горевшие неудовлетворённой яростью, были устремлены на Диди. Медленно его губы поползли в стороны, и зубы оскалились.

— Ты! — сказал он со зловещим урчанием.

Диди остановилась, но лишь на мгновение, и

тут по комнате прокатился рык дикого зверя.

— Вернись! — в бешенстве ревел Мамонтобой.

Одним прыжком он оказался у окна, схватил Диди и зажал под мышкой. Обернувшись, он ревниво покосился на дрожащего Уотта и кинулся к Эрике. Через мгновение обе девушки пытались вырваться из его хватки. Мамонтобой крепко держал их под мышками, а его злобные глазки поглядывали то на одну, то на другую. Затем с полным беспристрастием он быстро укусил каждую за ухо.

— Ник! — вскрикнула Эрика. — Как ты смеешь?

— Моя! — хрипло информировал её Мамонтобой.

— Ещё бы! — ответила Эрика. — Но это имеет и обратную силу. Немедленно отпусти нахалку, которую ты держишь под другой мышкой.

Мамонтобой с сожалением поглядел на Диди.

— Ну, — резко сказала Эрика, — выбирай!

— Обе! — объявил нецивилизованный драматург. — Да!

— Нет! — отрезала Эрика.

— Да! — прошептала Диди совсем новым тоном.

Красавица свисала с руки Мартина, как мокрая

тряпка, и глядела на своего пленителя с рабским обожанием.

— Нахалка! — крикнула Эрика. — А как же Сен-Сир?

— Он? — презрительно сказала Диди. — Слюнтяй! Нужен он мне очень! — И она вновь устремила на Мартина боготворящий взгляд.

— Ф-фа! — буркнул тот и бросил Диди на колени Уотта. — Твоя. Держи. — Он одобрительно ухмыльнулся Эрике. — Сильная подруга. Лучше.

Уотт и Диди безмолвно смотрели на Мартина.

— Ты! — сказал он, ткнув пальцем в Диди. — Ты остаться у него. — Мартин указал на Уотта.

Диди покорно кивнула.

— Ты подписать контракт?

Кивок.

Мартин многозначительно посмотрел на Уотта и протянул руку.

— Документ, аннулирующий контракт, — пояснила Эрика, вися вниз головой. — Дайте скорей, пока он не свернул нам шею.

Уотт медленно вытащил документ из кармана и протянул его Мартину.

Но тот уже направился к окну раскачивающейся походкой.

Эрика извернулась и схватила документ.

— Ты прекрасно сыграл, — сказала она Нику, когда они очутились на улице. — А теперь отпусти меня. Попробуем найти такси…

— Не играл, — проворчал Мартин. — Настоящее. До завтра. После этого… — Он пожал плечами. — Но сегодня — Мамонтобой.

Он попытался влезть на пальму, передумал и пошёл дальше.

Эрика у него под мышкой погрузилась в задумчивость и взвизгнула, только когда с ними поравнялась патрульная полицейская машина.

— Завтра я внесу за тебя залог, — сказала Эрика Мамонтобою, который вырывался из рук двух дюжих полицейских.

Свирепый рёв заглушал её слова.

Последующие события слились для разъярённого Мамонтобоя в один неясный вихрь, в завершение которого он очутился в тюремной камере, где вскочил на ноги с угрожающим рычанием.

— Я, — возвестил он, вцепляясь в решётку, — убивать! Арргх!

— Двое за один вечер, — произнёс в коридоре скучающий голос. — И обоих взяли на Бел-Эйре. Думаешь, нанюхались кокаина? Первый тоже ничего толком не мог объяснить.

Решётка затряслась. Раздражённый голос с

койки потребовал, чтобы он заткнулся, и добавил, что ему хватит неприятностей от всяких идиотов и без того, чтобы… Тут говоривший умолк, заколебался и испустил пронзительный отчаянный визг.

На мгновение в камере наступила мёртвая тишина: Мамонтобой, сын Большой Волосатой, медленно повернулся к Раулю Сен-Сиру.

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

